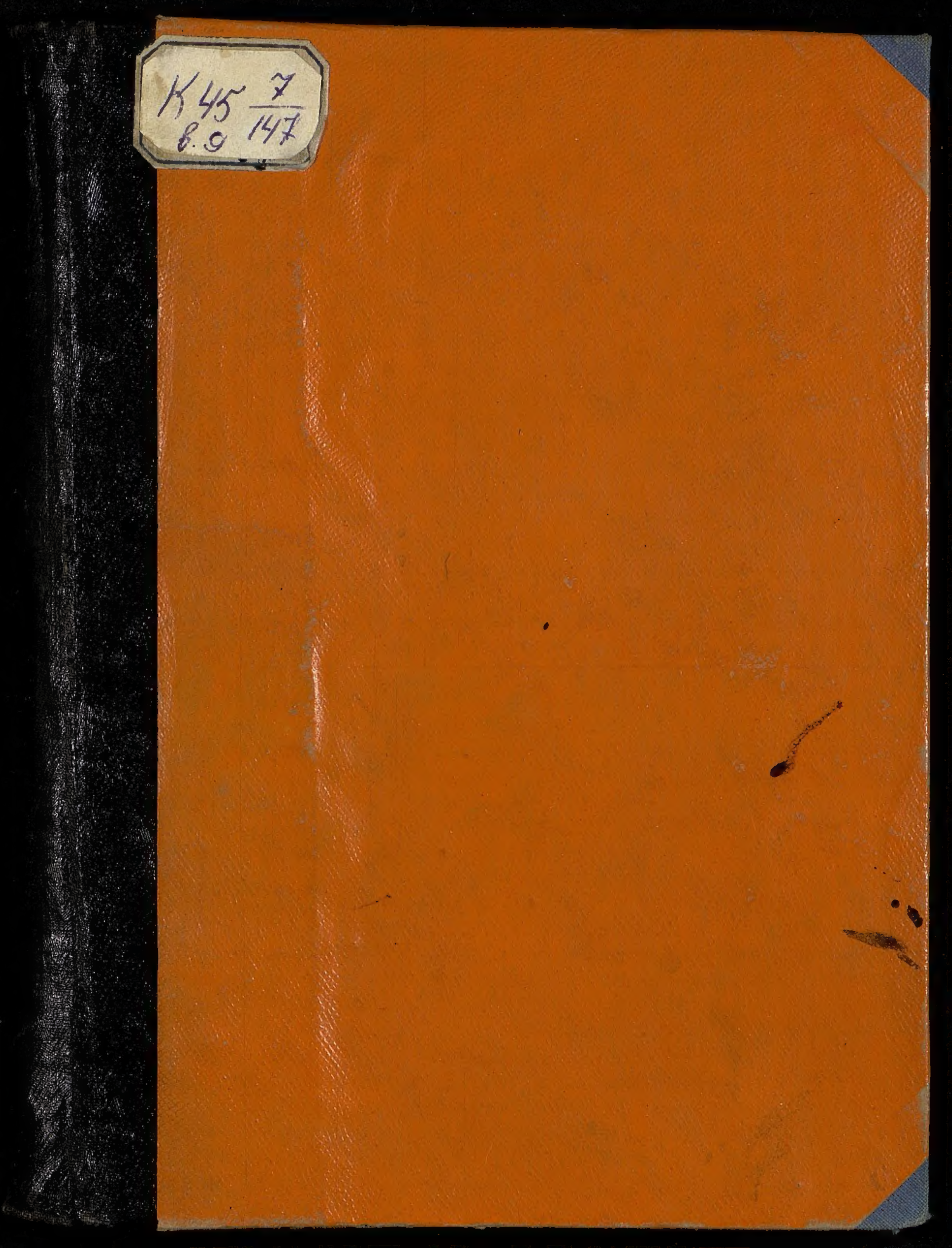
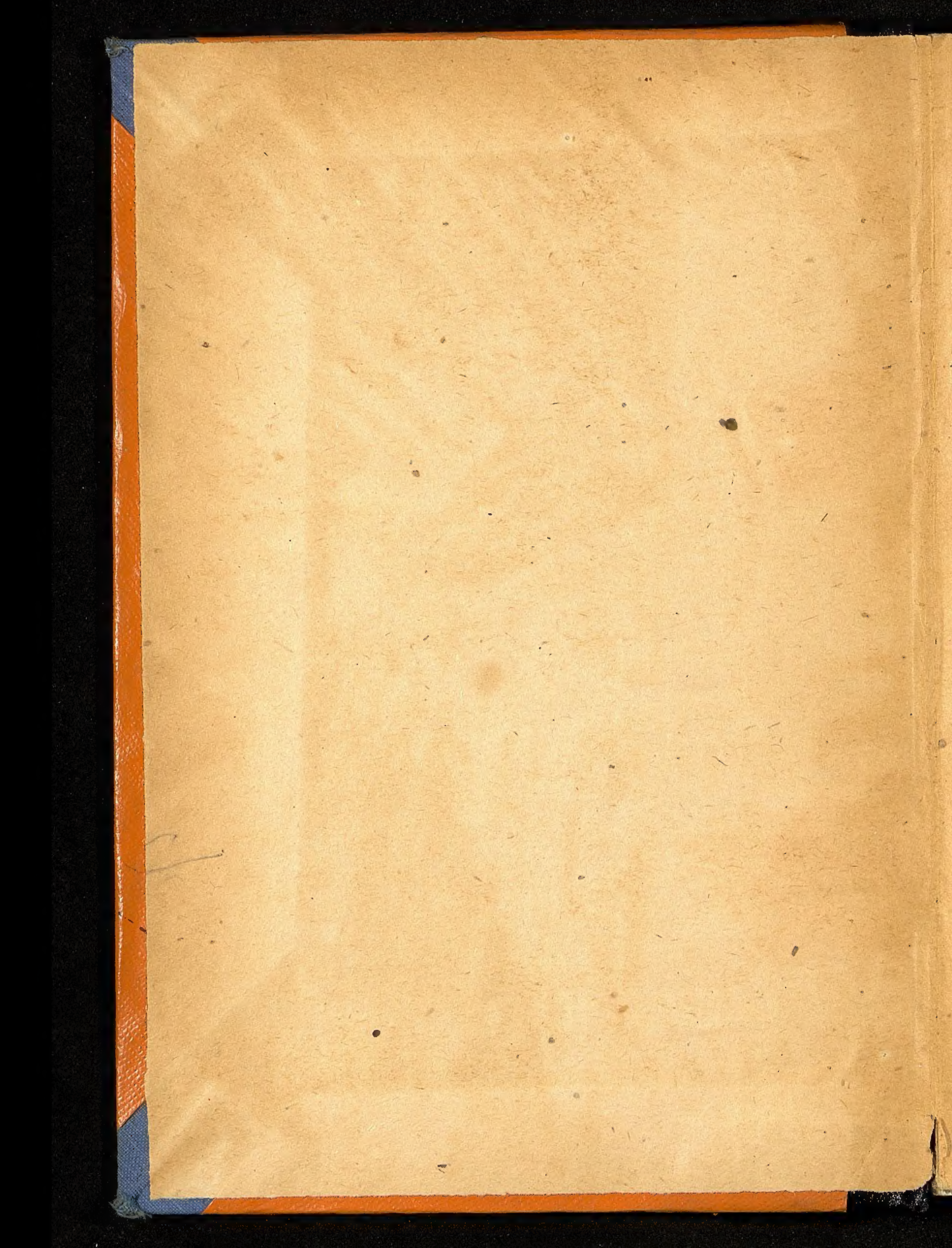
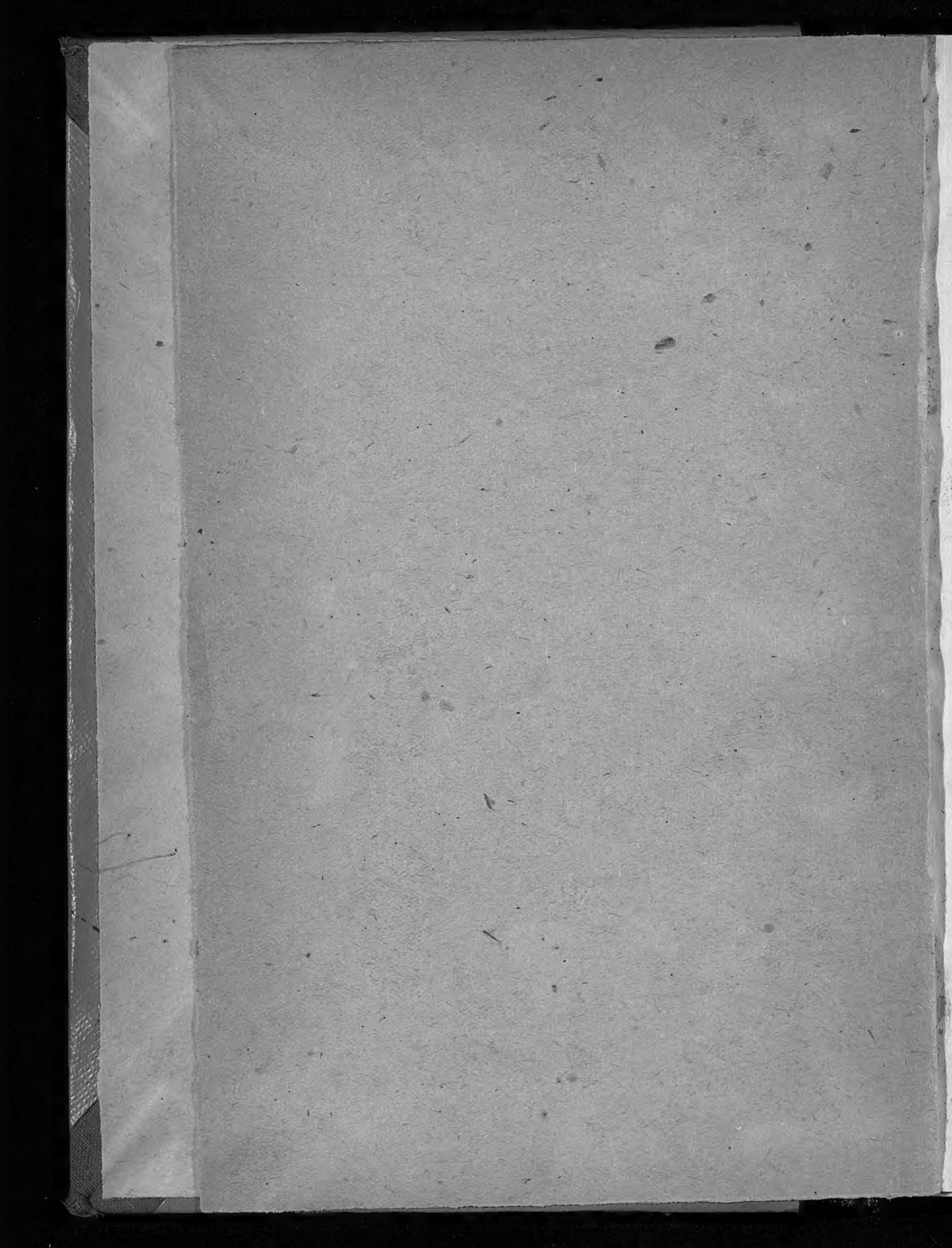

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ ПО ДИАЛЕКТОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

(б. МОСКОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ)

ВЫПУСК 9

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Июль 1927 г.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор издания проф. *Д. Н. Ушаков*

Наблюдение за изданием принадлежало академику *В. М. Истрину*

Тит. лист + 4 нен. + 175 стр.
Ленинградский Гублит № 19504. — $10^{15}/_{16}$ печ. лист. — Тираж 650
Государственная Академическая Типография В. О., 9 линия, 12.

Состоявшая при Отделении Русского Языка и Словесности Академии Наук СССР «Комиссия по составлению диалектологической карты Русского Языка» (или иначе «Московская Диалектологическая Комиссия») ныне переименована в «Постоянную Комиссию по Диалектологии Русского Языка», под каковым именем и будут выходить ее «Труды», начиная с вып. 9. Комиссия состоит при Академии Наук СССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

9 выпуска Трудов Постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка

Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка за 12 лет
(январь 1914 г. — январь 1926 г.).[1]

Диалектологическая Комиссия, состоящая при Отделении Русского Языка и Словесности Академии Наук, в январе 1924 года вступила в третье десятилетие своего существования. Краткий очерк возникновения Комиссии и ее деятельности за первое десятилетие (1904—1914) напечатан в 3-м выпуске «Трудов Московской Диалектологической Комиссии» (Русский Филологический Вестник, т. 71), а настоящий очерк посвящен работе Комиссии за следующие 12 лет и представляет собой извлечение из отчетов Комиссии, которые ежегодно направлялись в Отделение Русского Языка и Словесности для напечатания в его сводном отчете.

Председателем Диалектологической Комиссии после смерти академика Ф. Е. Корша с весны 1915 г. состоит Д. Н. Ушаков, товарищем председателя Н. Н. Дурново; секретарем Комиссии был до 1919 г. Н. Н. Соколов, а с 1919 г. состоит И. Г. Голанов. Число членов Комиссии, с 14 человек в 1904 г., к январю 1926 г. возросло до 50. В настоящее время членами Диалектологической Комиссии состоят: Р. И. Аванесов, Ф. Н. Афремов, П. Г. Богатырев, А. А. Буслаев, Н. В. Васильев, Н. Н. Виноградов, Г. О. Винокур, А. Н. Гвоздев, И. Г. Голанов (секретарь Комиссии и и. о. хранителя материалов), В. А. Городцов, А. Д. Григорьев, О. А. Державина, Г. Г. Дингес, Н. Н. Дурново

[1] Составлен председателем Комиссии Д. Н. Ушаковым и секретарем И. Г. Голановым.

(товарищ председателя Комиссии), В. Н. Каменев, Е. Н. Каринская, Н. М. Каринский, акад. Е. Ф. Карский, С. И. Карцевский, Н. П. Кашин, А. Е. Крымский, К. С. Кузьминский, Б. А. Куфтин, А. С. Мадуев, С. Я. Мазе, В. П. Мансикка, А. В. Михайлов, С. П. Обнорский, А. С. Орлов, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, В. А. Погорелов, В. К. Поржезинский, П. А. Расторгуев, П. П. Свешников, А. Д. Седельников, А. М. Селищев, В. Н. Сидоров, Б. М. Соколов, Ю. М. Соколов (библиотекарь Комиссии), акад. М. Н. Сперанский, И. М. Тарабрин, Н. С. Трубецкой, Д. Н. Ушаков (председатель Комиссии и редактор ее изданий), М. В. Ушаков, Н. И. Шатерников, Б. В. Шергин, Р. О. Шор, Р. О. Якобсон, Н. Ф. Яковлев.

Заседания Комиссии посещались акад. А. И. Соболевским и другими научными деятелями, а также студентами. В 1915 г. при Комиссии образовалась группа студентов, занимающихся русским языком, из учеников Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново, М. Н. Сперанского и В. Н. Щепкина; эта группа составила ядро «Московского Лингвистического Кружка», который занялся в дальнейшем разработкой проблем языка в зависимости от его различных функций и специально изучением русского поэтического языка, ритмики и фольклорной стилистики.

С 1915 года скончались: первый председатель Комиссии акад. Ф. Е. Корш — 16 февраля 1915 г. и члены Комиссии: А. В. Марков — в 1917 г., Р. Ф. Брандт, Н. Н. Кононов и В. Н. Щепкин — в 1920 г., Б. А. Будилович и В. Н. Добровольский — в 1921 г., Н. Н. Соколов[1] — в 1923 г., М. М Кенигсберг — в 1924 г.

За истекший 12-летний период состоялось 91 заседание, на которых сделали 100 докладов следующие лица:

Р. И. Аванесов. О говоре Переславль-Залесского у. Владимирской губ.[2]

---

[1] Некролог его, составленный А. И. С., см. в т. XXVII ИОРЯС, и составленный Н. Н. Дурново, — в Slavia, II, 1, 1923 г.

[2] См. Труды Комиссии по Диалектологии Русского Языка (ДК), вып. 9.

Ф. Н. Афремов. Отчет о летней поездке 1916 г. в Курскую и Рязанскую губ.[1]

П. Г. Богатырев и Р. О. Якобсон. Краткий отчет о летней поездке 1915 г. в Верейский у. Московской губ.

Р. Ф. Брандт. Ф. Е. Корш, как переводчик и стихотворец.

А. А. Буслаев. Отчет о летней поездке 1916 г. в Серпуховский у. Московской губ.[2]

А. А. Буслаев. О приемах картографирования в диалектологической карте Сербии проф. Белича.

А. А. Буслаев. Обзор картона по русскому языку из собрания Хмырова (Р. Истор. Музея).

Н. Н. Виноградов. Происхождение акающих говоров Костромской губ.[3]

Г. О. Винокур. Материалы Самойловича по говору Бельского у. Гродненской губ.

А. Н. Гвоздев. Говоры Пензенской губ. (с демонстрацией диалектологической карты этой губернии).[4]

А. Н. Гвоздев. Усвоение ребенком фонетической стороны родной речи.

И. Г. Голанов. Заметка о говоре Чериковского у. Могилевской губ.[5]

И. Г. Голанов. Проба картографирования диалектологических данных по Тверской губ.

И. Г. Голанов. Воспоминания о курсах и практических занятиях акад. А. А. Шахматова в Петербургском Университете в 1913—14 уч. году.[6]

И. Г. Голанов. О говорах Ржевского у. Тверской губ. (Отчет о летней поездке 1922 г.).

И. Г. Голанов. Памяти проф. Н. Н. Соколова (деятельность Н. Н. в Диалектологической Комиссии).

И. Г. Голанов. Что дает для разработки русской диалектологии книга A. Dauzat: «La géographie linguistique».

---

1 См. Труды ДК, вып. 8, стр. 31—32.
2 Там же.
3 См. ИОРЯС, XXII, кн. 2, 1918, стр. 9—24.
4 См. Труды Пензенского О-ва Люб. Естествозн. и Краеведения, вып. 6, 1925 г., стр. 1—20.
5 См. Труды ДК, вып. 8, стр. 1—6.
6 См. ИОРЯС, XXV, стр. 326—333.

О. А. Державина. Описание говора г. Углича Ярославской губ.[1]

Г. Г. Дингес. Русское влияние в говорах немцев-колонистов Самарской и Саратовской губ.

Г. Г. Дингес. Марбургские работы по составлению атласа немецкого языка и карта говоров немецких колонистов Поволжья.[2]

С. И. Дмитриев. Говор дер. Нового Бузца Дмитриевского у. Курской губ.

Н. Н. Дурново. Критические замечания на книгу акад. А. А. Шахматова: «Очерк древнейшего периода истории русского языка».

Н. Н. Дурново. К вопросу о классификации южно-великорусских говоров по аканью.

Н. Н. Дурново. Московское или петроградское литературное произношение (по поводу рец. С. П. Обнорского на русскую грамматику Р. И. Кошутича в Известиях Отд. Русск. Яз. и Словесности Академии Наук за 1916 г., кн. 1).

Н. Н. Дурново. Проект краткой программы для собирания сведений о говорах Волынской губ.

Н. Н. Дурново. Типы белорусского аканья.

Н. Н. Дурново. К вопросу о происхождении аканья.

Н. Н. Дурново. Замечания на проект программы картографирования диалектологических особенностей русских говоров.

Н. Н. Дурново. Определение границ оканья и аканья.

Н. Н. Дурново. Сочетания *ки, ги, хи* в Галицком Четвероевангелии 1144 г.[3]

Н. Н. Дурново. Текст диалектологических программ для нового их издания.

Н. Н. Дурново. Описание Корницкого говора Константиновского у. бывш. Седлецкой губ. (составленное покойным Н. А. Янчуком).

Н. Н. Дурново. К вопросу о языке Киевских листков.[4]

Н. Н. Дурново. Русский народ и современные политические границы.

---

[1] См. Труды ДК, вып. 9.

[2] См. Ученые записки Саратовского Гос. Унив., 1925 г., т. IV, вып. 3, стр. 1—9.

[3] См. Slavia, I, стр. 22—26.

[4] См. Slavia, I, стр. 219—227.

Н. Н. Дурново. О смягченных согласных в языке писца II почерка Архангельского Евангелия 1092 г.[1]

Н. Н. Дурново. О новых трудах по русскому языку.

Н. Н. Дурново. Род имен существительных в современном русском литературном языке.[2]

Н. Н. Дурново. О «Кратком пособии к лекциям по исторической грамматике русского языка» проф. В. К. Поржезинского.[3]

Н. Н. Дурново. Заметки по истории русского литературного языка (*они*, *оне* в рифмах русских писателей).

Н. Н. Дурново. Памяти проф. Н. Н. Соколова.

Н. Н. Дурново. Начальное *е* в общеславянском праязыке.[4]

Н. Н. Дурново. К 40-летию «Очерков из истории русского языка» акад. А. И. Соболевского.[5]

Н. Н. Дурново. Древне-русские рукописи XI — XII в., как памятники старо-славянского языка.[6]

В. Н. Каменев. Отчет о поездке в северную часть Воронежской губ.[7]

В. Н. Каменев. Проф. Н. Н. Соколов, как организатор диалектологических экскурсий.

В. Н. Каменев. Отчет о диалектологической поездке в Каширский у. летом 1923 г.[8]

Е. Н. Каринская. О говоре Котельнического у. Вятской губ.[9]

Н. М. Каринский. Псковская часть «Очерков из истории русского языка» акад. А. И. Соболевского.

С. И. Карцевский. Система русского глагола.[10]

М. М. Кенигсберг. О приемах картографирования в «Atlas linguistique de France, publié par Gilleront et Edmont».

Б. А. Куфтин. Народный костюм в области Касимовских и Елатомских средне-великорусских говоров.

---

[1] См. Slavia, II, стр. 599—612.
[2] См. Revue des études slaves, IV, стр. 208—221.
[3] См. Slavia, III, стр. 439—446.
[4] См. Slavia, III, стр. 225—271.
[5] См. Slavia, III, стр. 439—446.
[6] См. Јужнослов. Филолог, IV.
[7] См. Труды ДК, вып. 9.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] См. Slavia, I, стр. 242—268 и 495—523.

С. Я. Мазе. О приемах картографирования в работе Bohnenberger: «Франковско-аллеманская граница» (Zeitschrift für hochdeutsche Mundarten, VI).

С. Я. Мазе. О произношении ѣ в московском говоре в XVII—XVIII в.

А. С. Орлов. Несколько замечаний о древне-русской лексике.

М. Н. Петерсон. О книге Готьо (Gauthiot): «La fin de mot en indoeuropéen».

М. Н. Петерсон. О книге Пешковского: «Русский синтаксис в научном освещении».

М. Н. Петерсон. Об одном из условных языков.

М. Н. Петерсон. Проф. Н. Н. Соколов, как исследователь литовских говоров.

М. Н. Петерсон. Ответ критикам «Очерка синтаксиса русского языка».[1]

М. Н. Петерсон. О книге Е. С. Истриной: «Синтаксические явления в Синодальном списке Новгородской 1-й летописи».[2]

А. М. Пешковский. Синтаксис и школа.

А. М. Пешковский. Несколько наблюдений над ритмико-мелодической стороной русской речи.

А. М. Пешковский. О книге Всеволодского-Гернгросс: «Теория русской речевой интонации».

Н. А. Полевой. О говорах Новозыбковского у. Гомельской губ.

В. К. Поржезинский. Памяти Ф. Ф. Фортунатова.

В. К. Поржезинский. О книге Линцбаха: «Принципы философского языка».

П. А. Расторгуев. О ляшских чертах в белорусской фонетике.[3]

П. А. Расторгуев. К характеристике личности акад. А. А. Шахматова.[4]

П. П. Свешников. Отчет о летней поездке 1916 г. в Зарайский у. Рязанской губ.[5]

П. П. Свешников. Проект диалектологической программы для северо-западной части Московской губ.

---

[1] См. Родной язык в школе, сб. 8, стр. 76—84.
[2] Печатается в Zeitschrift für Slavische Philologie.
[3] См. Труды ДК, вып. 9.
[4] См. ИОРЯС, XXV, стр. 318—325.
[5] См. Труды ДК, вып. 8, стр. 33—34.

П. П. Свешников. Словарный материал по Воскресенскому у. Московской губ.

А. Д. Седельников. Новый текст Агрефениева Хождения.

А. М. Селищев. Русский язык у инородцев Поволжья (русская фонетика и морфология у чувашей).[1]

А. М. Селищев. О «Кратком пособии к лекциям по исторической грамматике русского языка» проф. В. К. Поржезинского.[2]

А. М. Селищев. Опыт картографирования диалектологического материала по Казанской губ.

А. М. Селищев. К вопросу о типах аканья в южно-великорусских говорах (по поводу книги Н. Н. Дурново: «Диалектологические разыскания», I).

В. Н. Сидоров. О говоре Воскресенского у. Московской губ. (Отчет о летней групповой поездке 1925 г.).[3]

А. М. Смирнов. Частушки, как лингвистический материал.

Акад. А. И. Соболевский. Несколько этимологий.

Б. М. Соколов. Краткое сообщение о говорах Рязанской губ.[4]

Н. Н. Соколов. Об учебнике по русскому языку для IV кл. гимназий проф. С. М. Кульбакина.

Н. Н. Соколов. О говорах Псковской губ.[5]

Н. Н. Соколов. Акающие говоры Костромской губ.[6]

Н. Н. Соколов. О книге П. А. Бузука: «Очерки по психологии языка».

И. М. Тарабрин. Словарный материал лицевого букваря Кариона Истомина.

Н. С. Трубецкой. Метод восстановления общеславянского праязыка в книге акад. А. А. Шахматова: «Очерк древнейшего периода истории русского языка».

Д. Н. Ушаков. Воспоминания об акад. Ф. Е. Корше, как председателе Диалектологической Комиссии.[7]

Д. Н. Ушаков. Акад. А. А. Шахматов и Московская Диалектологическая Комиссия.

---

1 См. Slavia, IV, 1, стр. 26—43. (в тот же журнал отослана и работа о типах аканья).

2 Вестник Просвещения Т. С. С. Р., 1921 г., № 6—7, стр. 203—207.

3 См. Труды ДК, вып. 9.

4 См. Труды ДК, вып. 8, стр. 25—30.

5 Там же стр. 1—12.

6 Там же стр. 13—24.

7 См. Труды ДК, вып. 4, стр. 16—29.

Д. Н. Ушаков. О некоторых картографических материалах по белорусскому и малорусскому языкам (с демонстрацией 28 этнографо-лингвистических карт).

Д. Н. Ушаков. Памяти проф. Н. Н. Соколова.

М. В. Ушаков. Описание говора с. Лугавец Клинцовского у. Гомельской губ.[1]

М. В. Ушаков. Отчет о групповой поездке в Можайский у. Московской губ. и в Гжатский у. Смоленской губ. в сентябре 1925 г.[2]

Р. О. Шор. О книге Kretschmer: «Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache».

Р. О. Якобсон. О языке произведений Тредьяковского.

Р. О. Якобсон. Фонетические особенности одного говора Дмитровского у. Московской губ.

Р. О. Якобсон. По поводу статьи проф. Н. М. Каринского: «Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игореве, как памятник Псковского говора XV—XVI в.».

Р. О. Якобсон. К вопросу о национальном самоопределении народностей.

Р. О. Якобсон. Некролог акад. А. А. Шахматова (доложен в переводе с чешского А. А. Буслаевым).

Р. О. Якобсон. Проект программы картографирования диалектологических особенностей русских говоров.

Н. Ф. Яковлев. Отчет о летней поездке 1916 г. в Яренский у. Вологодской губ.[3]

Вне ряда обычных заседаний, 30 октября 1921 г. состоялось торжественное соединенное заседание Диалектологической Комиссии и других научных обществ — Лингвистического Общества при 1 Московском Государственном Университете, Общества Истории Литературы и Московского Лингвистического Кружка — по случаю 25-летия научной, общественной и педагогической деятельности председателя Комиссии проф. Д. Н. Ушакова. Одно из заседаний — 13 марта 1924 г. — было устроено в честь маститого ученого акад. А. И. Соболевского по случаю

---

[1] См. Труды ДК, вып. 9.
[2] Там же.
[3] См. Труды ДК, вып. 8, стр. 36.

40-летия выхода в свет его крупного труда: «Очерки из истории русского языка».

Комиссией за истекшие 12 лет было организовано свыше 20 диалектологических поездок. После наблюдений В. Н. Каменева в Задонском у. Воронежской губ. в 1914 г., П. Г. Богатырева и Р. О. Якобсона в Верейском у. Московской губ. и И. Г. Голанова в Чериковском у. Могилевской губ. в 1915 г., диалектологическими экскурсиями было особенно богато лето 1916 г., когда члены и сотрудники Комиссии обследовали северно-великорусские говоры (П. Г. Богатырев и Б. В. Шергин в Архангельской губ., Н. Ф. Яковлев в Яренском у. Вологодской губ.), переходные (А. А. Буслаев и Р. О. Якобсон в Московской губ.), южно-великорусские (Ф. Н. Афремов, Н. Н. Дурново и П. П. Свешников) и малорусские (Н. Н. Соколов в Павловском у. Воронежской губ.); кроме того Г. Г. Дингес собирал материал для этнографической карты Новоузенского и Николаевского уездов Самарской губ.

Позже, в 1917—1920 гг., по условиям времени и за недостатком средств диалектологических экскурсий не было, но с 1921 г. они опять возобновились по личному почину и почти на одни собственные средства членов Комиссии: Д. Н. Ушаковым и А. А. Буслаевым были произведены диалектологические наблюдения в Московской губ.; И. Г. Голановым — в Ржевском у. Тверской губ. (где была обследована «шеплянщина» — белорусская по происхождению западная треть уезда с диссимилятивным аканьем, *у* неслоговым из *в* и *л*, фрикат.-заднenебным и даже гортанным *г*, шепелявыми *с*, *з*, — за что и дано вышеуказанное название всей местности, — вопросительной частицей *ти* и прочими белорусскими особенностями; центральная часть уезда признана переходной на северно-великорусской основе с белорусскими чертами, причем в определение границы с чисто-белорусской областью внесена поправка по сравнению с картой акад. Е. Ф. Карского) и в восточных уездах Смоленской губ.; В. Н. Каменевым — в Каширском у. Тульской губ.,

Е. Н. Каринской — в Котельническом у. Вятской губ. (отмечено появление редуцированных гласных на месте *о* в 1-м слоге перед ударением, чоканье, *ш* и *ж* мягкие, быстрый темп речи); А. М. Селищевым произведены наблюдения над русским говореньем чувашей и горных черемис; А. Н. Гвоздевым изучались говоры Пензенской губ., на основании чего и составлена им диалектологическая карта этой губернии. Наконец летом 1925 г. по поручению и плану Комиссии и с ее материальной помощью (в дополнение к 100 руб., отпущенным 1 МГУ) были совершены 2 групповых диалектологических экскурсии: в июне несколько молодых сотрудников Комиссии из окончивших курс по лингвистической секции в 1 МГУ (И. Я. Бондяков, Г. А. Лапина, Д. С. Онегин, В. Н. Сидоров, О. Н. Сидорова, М. В. Ушаков и Н. Э. Шмидт) под руководством членов Комиссии И. Г. Голанова и П. П. Свешникова обследовали говоры Воскресенского у. Московской губ., а в сентябре И. Г. Голанов, О. А. Державина, В. Н. Сидоров и М. В. Ушаков изучали говоры Можайского у. Московской губ. и Гжатского у. Смоленской губ.

В 1915 г. издан Комиссией «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с «Очерком русской диалектологии», составленный Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым (Труды МДК, вып. 5). Это издание было расчитано не на специалистов, а на более широкий круг читателей, являясь своего рода диалектологической программой и приглашая собирать сведения о говорах для сообщения их Комиссии в качестве поправок к этому Опыту; и действительно дальнейшие наблюдатели вносят свои замечания, исправления и дополнения к этому труду. В 1919 г. было намечено составление диалектологического атласа великорусских говоров, который должен состоять из ряда карт, где будет обозначено распространение отдельных диалектологических явлений или комплексов сходных черт. Составлен проект программы картографирования, между работниками Комиссии распределены губернии для картографирования

имеющегося по ним материала, и по некоторым губерниям доложены первые опыты картографирования. Для ознакомления с западо-европейскими работами в области картографирования сделали доклады в Комиссии А. А. Буслаев — о сербской карте Белича, И. Г. Голанов и М. М. Кенигсберг — о французских работах по лингвистической географии, Г. Г. Дингес, С. Я. Мазе и Р. О. Шор — о немецких трудах этого рода.

Издательская деятельность Комиссии, кроме выпуска вышеуказанного «Очерка русской диалектологии», выразилась в следующем. В октябре 1915 г. вышел 4-й выпуск ее Трудов, посвященный памяти покойного председателя Комиссии акад. Ф. Е. Корша и содержащий портрет Ф. Е. Корша, автобиографию Ф. Е. и воспоминания Д. Н. Ушакова о Ф. Е., как председателе Комиссии. В 1917 г. вышел 6-й выпуск Трудов Комиссии, заключающий в себе исследование Н. Н. Дурново: «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I. Южно-великорусское наречие», в. 1-й, а в 1918 г. — и 2-й выпуск того же исследования, в качестве 7-го выпуска Трудов. В 1919 г. появился выпуск 8-й Трудов, содержащий диалектологические статьи И. Г. Голанова, Б. М. Соколова и Н. Н. Соколова, а также обработки ответов на программы Комиссии по южно-великорусским говорам и отчеты о диалектологических поездках. Настоящий выпуск со статьями членов Комиссии и продолжением обработок ответов на программу составляет 9-й выпуск Трудов Комиссии по Диалектологии Русского Языка. На очереди издание давно уже готовых к печати программ по белорусским и малорусским говорам и переиздание разошедшихся программ по южно-великорусским и северно-великорусским.

В отношении обработки и печатания ответов на диалектологические программы Комиссией сделано следующее. В дополнение к напечатанному в выпусках 1, 2, 3 «Своду материалов, собранных Комиссией (серия 1-я)», в настоящем, 9-м, выпуске помещается изготовленная членом Комиссии П. А. Расторгуевым сводка ответов на «Краткую (академическую) программу по соби-

ранию особенностей русских говоров» (изд. в 1903 г.) по Черниговской губ. Ответы на так называемую «большую» академическую программу в значительном количестве (по Европейской России и Сибири) приготовлены к печати членами Комиссии, но по условиям времени в свет появились в 1922 г. только извлечения из сообщений (в количестве 30) по губерниям Владимирской, Казанской, Калужской, Курской, Нижегородской, Орловской. Пензенской, Псковской и Рязанской, обработанные товарищем председателя Н. Н. Дурново при участии И. Г. Голанова (См. Сборн. Отд. Русск. Яз. и Слов., т. 99, № 3, стр. 1—134, Материалы для изучения великорусских говоров, вып. XI, 1922 г.). Обработка ответов на собственные программы диалектологической Комиссии также продолжается. Кроме 24 ответов, напечатанных в порядке поступления в 3-м выпуске Трудов ДК под заглавием «Свод материалов, собранных Комиссией, серия 2-я», в вып. 8-м напечатано под тем же заглавием еще 22 ответа, обработанных по плану Комиссии Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым. По тому же плану приготовлено в настоящее время еще более 150 ответов, часть которых печатается ниже под редакцией секретаря Комиссии И. Г. Голанова. Остается из собранных материалов не обработанными немного более 100 ответов (около $^1/_3$ всего количества) этой серии.

Заканчиваем очерк благодарностью Отделению Русского Языка и Словесности за моральную и материальную помощь, Коллегии Российского Исторического Музея за предоставление помещения для заседаний, а также всем учреждениям и лицам, содействовавшим работам Комиссии и успеху диалектологических экскурсий.

Корницкий говор б. Константиновского уезда Седлецкой губернии.

Материалы, собранные **Н. А. Янчуком.**

Обработал по поручению Московской Диалектологической Комиссии П. А. Расторгуев.[1]

Корницкий говор принадлежит к северо-западным украинским говорам, соприкасающимся с белорусскими и польскими, вследствие чего в этих говорах нередки как белорусизмы, так и полонизмы не только в лексике, но в фонетике, морфологии и синтаксисе. В тоже время эти говоры, в том числе и Корницкий, имеют не мало явлений, неизвестных украинскому языку.

Гласные.

В системе гласных звуков особенно обращает на себя внимание появление дифтонгов. Дифтонгизации подвергаются звуки: *'а* (я), *а*, *ѣ*, *о*, *'о* (ё) и отчасти *э* (е).

Необходимое условие для изменения этих звуков в дифтонги — ударяемость их, а в некоторых случаях (о чем ниже) и положение в закрытом слоге. В частности о каждом из дифтонгов приходится отметить следующее.

[1] Материалы, преимущественно в черновиках, были доставлены по смерти Николая Андреевича Янчука (2. XII. 1921 г.) его женой М. В. Янчук. Н. А. Янчук—уроженец села Корниц. Сравнительно со статьей Н. А. Янчука о Корницком говоре, входящей в описание «Малорусской свадьбы в Корницком приходе Константиновского уезда Седлецкой губ.» (Труды Этнографического Отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете, кн. VII, 1886 г., стр. 66—72), материалы более обширны, заключают ряд новых черт и дают возможность несколько подробнее охарактеризовать Корницкий говор. *П. Р.*

Звук *'а* (я).

Звук *'а* (я) не зависимо от его происхождения в слоге под ударением изменяется в дифтонг *і͡а* с некоторым преобладанием первой части и ударением на ней: *взі͡аті, ді͡адько, ді͡аковаті, зэмлі͡а, тэлі͡ати, слі͡аколь, болі͡ачка, круглі͡ак, склі͡анка, ні͡анька, ні͡аня, головні͡а, сьвіні͡а, кні͡азь, зні͡аті, за-од-пры-чыні͡аті, сі͡аяті, сі͡аю, сі͡аду, сі͡адь, пороси͡а, діті͡а, діті͡атко* и т. д.[1]

Тоже в падежных окончаниях, преимущественно в заимствованных и личных именах: *крутэлі͡а*, (родит. падеж от *круті͡ель*— «вертун, изворотливый»), *шмэлі͡а, шмэлі͡ам, — і͡амі, — і͡ах* и т.д., *флі͡ашка, лі͡ампа, блі͡аха, Омэлі͡ан, Влі͡ана* («Ульяна»), *Омэлі͡анка* («Меланья») и т. д.

После отвердевшего *р* — дифтонг *ы͡а*, например: *ры͡ад, тры͡ас, пры͡асло, пры͡ажка, пры͡адіво, куры͡атіна, остры͡ат* (3 л. мн. ч.), *моры͡ат* (тоже), *комары͡а, комары͡ам* и т. д.

В редких случаях *'а* под ударением после отвердевшего *р* не переходит в дифтонг, например: *кара́чіті, роскара́ка, бура́к* (по украин. *буряк.*).

После звуков *г* и *к* дифтонг *і͡а* слышится у отдельных лиц в том лишь случае, когда *г* и *к* заменяют *д* и *т*, причем *г* бывает звонким (ґ), например: *ґі͡абол* («диавол»), *кі͡агнэ* («тянет») *кі͡ажко, вэркі͡ат* («вертят»), *сіґі͡ат, смэрґі͡ачы* и т. д.

Когда слог со звуком *'а* (я) теряет ударение, то на месте дифтонга восстанавливается *'а* (я), например: *глі͡ануті — выглянуті, ті͡агнэш — тягну́, ді͡ак — дяка́, ры͡ад — рады́* и т. д.

В следующих случаях ударяемое *'а* (я) не переходит в дифтонги:

1) После губных согласных (*б, п, в, м, ф,* в том числе мягкого губного + *j*): *дробя́зок, вя́нуті, вя́зка, вя́з, мя́гко, мя́кшэ,*

[1] Ср. дифтонги в Ломазском говоре (И. В. Бессараба. «Мат. для этногр. Седлецк. губ.», Сб. ОРЯС, LXXV. 1903); ср. также Я. Розвадовский «Mat. i prace Kom. językowej», I, стр. 212 и сл.; ак. Е. Ф. Карский «Белорусы», II, 1, стр. 124 и сл.; проф. Вс. М. Ганцов «Характеристика поліських дифтонгів» (Записки Іст.-Філол. Відділу Укр. Акад. Наук, кн. II — III). *П. Р.*

хомя́к, грымя́т, сьпят, скрыпя́т, офя́ра («жертва»), *заробья́ті, вышэрбья́ті, вымовья́ті, стромья́ті* («втыкать»), *чэпья́ті* («цеплять»), *пья́ны, пья́вкі* и т. д.

2) После гласных: *моя́, твоя́, зьмія́, стоя́лі, стоя́т, троя́чка* («три рубля»), *колія́, забія́ка* и т. д.

3) В начале слов: *я́вор, я́года, я́гня,* (и *ягн͡іа*), *язь, як, я́ловка, я́строб, я́щорка* и т. д. Тоже наблюдается и в словах, сложных с предлогами: за-, про-, пры- и др.: *зая́длы, проя́ва, прыяцель* и т. д. (ср. § 2), но в глаголах *заняті, взяті, подняті,* не употребляющихся без приставок, ’*а* изменяется в дифтонг: *зан͡іаті, вз͡іат,* и т. д.

Примечание. Слова *прыя́цель, прыя́зны* — полонизмы, и в них ’*а* (я) не переходит в дифтонг.

Звук *а*.

Звук *а* в тех же условиях переходит в дифтонг *ы͡а*. Явление это наблюдается в корнях, суффиксах и флексиях слов и в положении звука *а* после шипящих и *р*: *жы͡аль, жы͡ар, жы͡аба, жы͡абка, дэржы͡аті, лежы͡аті, лежы͡ав, -ла, мэжы͡а, йіжы͡а* («еда»), *вы-пры-од-йіжджы͡ай, чы͡ас, чы͡ары, чы͡ад, крычы͡аті, ключы͡а* (род. п.), *ключы͡ам, -ы͡амі, ы͡ах, шы͡апка, шы͡абля, мішы͡аті, ушы͡асты, щы͡асьце, нэщы͡асны, бліщы͡аті, дощы͡а* (род. п.) и т. д.

С потерей слогом ударения, на месте дифтонга *ы͡а* — звук *а*: *жы͡ал* — *жалю́* (род. п.), *лішы͡ай* — *лішая́, щы͡асьце* — *щаслі́вы*.

Звук *ѣ*.

В тех же условиях звук *ѣ* переходит в дифтонг *і͡е* с теми же свойствами, как и дифтонг *і͡а*. Отличие его от дифтонга *і͡а* лишь в том, что при потере им ударения он переходит в *і*, т.-е. исчезает вторая часть дифтонга. Переход *ѣ* в дифтонг обусловлен только ударением слога, в котором он находится, и не зависит, как переход ’*а*, от качества соседнего звука или положения *ѣ* в начале слова. В последнем случае дифтонг произносится, как *йі͡е*.

Таким образом, все слова с *ѣ* в корне, а равно и все производные от них, независимо от качества соседних звуков, будут иметь под ударением дифтонг *і͡е*.

Примеры: *бі͡едны, ві͡ера, нэді͡еля, ті͡ело, пі͡ескі* (им. пад. мн. ч.), *йі͡ехаті, йі͡ем, чолові͡ек, мэдві͡едь, кві͡ет*, в отрицании *ні͡е* и т. д.

Тоже в суффиксах и флексиях при ударении на них: *гляді͡еті, чорні͡еті, далі͡ей, вульні͡ейшы, мілі͡ейшы, на нозі͡е, в руці͡е, дузі͡е, мні͡е, тобі͡е, собі͡е, на дні͡е;* в формах повелит. наклонения: *іді͡етэ, нэсі͡етэ, возьмі͡етэ* (чаще без *в*: *озьмý, озьмéш*), *тягні͡етэ, нэсі͡емо* (чаще без *о* — *нэсі͡ем*). По аналогии дифтонг *і͡е* проникает и в такие глаголы, в каких не было *ѣ*: *ході͡етэ, лэті͡етэ, гнойі͡етэ, кройі͡етэ, ході͡емо* и т. д.

Примечание. Едва ли не единичный случай представляет глагол *цьвів* (прош. вр. от глагола *цьвісьці*), где под ударением *і*.

Дифтонг *і͡е* на месте старого *ѣ* находим и в формах род. пад. ед. ч. и имен. пад. (у неодушевленных и винит.) множ. ч. имен женского рода мягкого склонения и принадлежавших когда-то к нему, например, род. пад.: *землі͡е, мэжы͡э, душы͡э* и т. д.; имен. и вин. пад. мн. ч. *клуні͡е, вішні͡е, чэрэшні͡е, курыці͡е, крыниці͡е, матэры͡э.*

Тоже и в формах имен. и винит. пад. мн. ч. местоимений: *мойі͡е, твойі͡е, свойі͡е* и т. д.

По аналогии с этими формами *і͡е* встречается и на месте старого *и* в формах им. пад. множ. числа имен мужеск. рода того же склонения: *крулі͡е, ковалі͡е, карасі͡е, кашлі͡е, жэньці͡е* («жнецы»), *зайці͡е, огні͡е, ножы͡э, сычы͡э, цары͡э, дощы͡э* и т. д.

После шипящих и *р* дифтонг *і͡е* звучит как *ы͡э*: *ры͡эдкі, ры͡эпа, хры͡эн, гры͡эх, ры͡эч, бэры͡этэ, кажы͡этэ* (повел. накл.), *рыжы͡эйшы, на ножы͡э, в шалашы͡э, в борщы͡э, на мэжы͡э, в пэчы͡э, в ночы͡э* и т. д.

При словообразовании, с переходом ударения на другой слог, на месте дифтонга после *р* слышится *ы*: *ры͡эдкі — рыдэ́нькі, ры͡эзаті — рызэ́ц, стры͡эліті — стрыльбá* («ружье») и т. д.

Дифтонг *і͡е* и его заместитель *ы͡э* после твердого *р* и шипящих бывает в Корницком говоре и иного происхождения, т.-е. может появляться не только на месте *ѣ*, но и на месте *э* (е). Явление это имеет место как в коренных слогах, так еще чаще и в некоренных.

Условие дифтонгизации этого звука — его ударяемость и положение в закрытом слоге. Однако в ряде случаев дифтонгизируется *э* и в открытом слоге, восходящем иногда к старому закрытому.

Примеры: *олі͡ей, мі͡ед,* (род. п. *мэ́ду*), *клі͡ей* (род. п. *кле́ю*), *ячмі͡ень, пі͡ечь, йі͡еж* («ёж»), *найі͡ежытіся, клі͡ещ, круті͡ель, хмі͡ель, шыні͡ель, ті͡ельна, рамі͡ень, посьці͡елька, дуді͡елька, сі͡ем,* (но *сёмы, сімна́ньцять, сімсо́т и сі͡ем сот*), *чві͡ертка, сьві͡ерц* («сверчок»), но *вэсі͡еле* (при *вэсэлі́ті*), *зі͡еле* (при *зэлёны, зэлені͡еті*) и т. д.

То же представляют отглагольные существительные: *носі͡ене, возі͡ене, гоні͡ене, топі͡ене, лущы͡эне, ворожы͡эне, мочы͡эне, вары͡эне, куры͡эне* и т. д.

Слова заимствованные также представляют дифтонг: *талі͡ер, банкі͡ер, мані͡ер, кавалі͡ер, папі͡ер, офіці͡ер,* но также и *офі͡ера* (польск. ofiara), *кобі͡ета* (польск. kobieta).

После шипящих и *р* — дифтонг *ы͡э*: *чы͡эпчык, чы͡эрствы* (о хлебе), *щы͡эрба, шы͡эсьць* (но *шэ́стэро*), *кошы͡эль, щы͡эры, кры͡эсло, тры͡эснуті, Ондры͡эй* и т. д.

Звук *о*.

Звук *о* под ударением и при том в закрытом слоге переходит в дифтонг *у͡о* такого же качества, как и дифтонги *і͡а* и *і͡е*, т.-е. с преобладанием первой части и ударением на ней, например: *ву͡ойт, поку͡ой, сту͡ол, му͡ост, кру͡оль, ву͡ол, ку͡онь, дву͡ор* и т. д.

То же в целом ряде других образований: а) в именах существительных с суффиксом -*чык:* *руовчык, стуольчык* и т. д.;

б) с суффиксом -*к*: *куозка, бэруозка, руоска, нуорка* и т. д.;

в) в именах прилагательных с суффиксом -*ск*-: *муорскі, пуольскі* и т. д.;

г) в именах прилагательных с суффиксами -*ов* и -*овськ*-: *Петруов, Ґрыцькуов, Панасюкуов, вуйтуовські, Шпакуовські* (село *Шпакі*);

д) в степени сравнения: *буольшы, найбуольшы, высуокшы, глыбуокшы* и т. д.;

е) в формах прошедшего времени глагола: *руос* (но *рослá, росló, рослí*), *муог* (но *моглá, моглó, моглí*), *хруоп* (но *хроплá, хроплó, хроплí*) и т. д.;

ж) в формах повелительного наклонения: *стуой, стуойтэ, напуой, вылуож, залуож, суонь* и т. д.;

з) в местоимениях и наречиях: *туолькі, куолькі, зкуоль* («откуда») *зтуоль, куожны, куожды* и т. д.

Примечание 1. Случаев дифтонгизации *о* в повелительном наклонении немного. Чаще здесь под ударением в закрытом слоге *о* не изменяется в дифтонг, например: *ходь* (польск. chodź), *выхóдь, захóдь, зводь, завóдь, пэрэвóдь, звонь, скорóдь* и т. д. То же и при отвердевшем конечном согласном звуке: *мов, готóв, поздорóв, трывóж, скоч, морóч* и т. д.

Отсутствие здесь дифтонга объясняется тем, что в период дифтонгизации *о* эти формы еще имели на конце *и*, и таким образом слог с ударением был открытым. То же относится и к единичным. формам 2-го лица ед. ч. настоящ. вр.: *хоч* и *нэхóч* («хочешь» и «не хочешь»), *хоч* — также и в значении союза «хотя».

Примечание 2. В наречиях *знов* и *чом* звук *о* сохраняется из полных форм — *знóву* и *чóму*. (Ср. сказанное о формах повелительного наклонения).

При утрате слогом ударения, на месте дифтонга в закрытом слоге слышится *у*, а в открытом *о*, при чем *о* в открытом слоге может быть и под ударением; например, в косвенных падежах имен существительных: *коні͡а, бэро́за, коро́ва, на́руд* («народ»), *роді́на, спо́куй, спо́суб* (но *спосу͡обны*), *муцні͡ейшы* (но *му͡оць, му͡оцны*), *сульні́ця* («солонка», но *су͡оль*), *солі́ті, соло́ны, на двор͡ыэ* (но *дву͡ор*), *на́двур, на спо́ди* (но *спу͡од*), *спу͡одніця, Па́влув, Онто́нув, Пана́сув, ба́тькувьскі* (но *батьку͡ов*) и т. д., но *Моско́всьті, Бо́скі* (польск.).

Нередки случаи, когда, по аналогии с формами, имеющими дифтонг, последний встречается под ударением и в открытом слоге: *ру͡ожа, хву͡ора* («фура»), *пру͡оба, мну͡ого, гу͡оры, пу͡очта.*

Дифтонги имеют также место в слогах, бывших когда-то закрытыми: *волу͡осе, колу͡осе, лохму͡отэ, засту͡оле* и т. д.

Случаи неизменения ударяемого *о* в закрытом слоге.

Есть категории слов, в которых *о*, хотя и стоит под ударением в закрытом слоге, но не переходит в дифтонг.

Сюда принадлежат: 1) Слова с сочетаниями в корне *-ор-, -ов-*, восходящими к праславянским *р* и *л* слоговым, а по аналогии с ними нередко и в словах, не имевших слоговых *л* и *р: торг, вовк, во́вна, жовч* («жолчь»), *шовк, довг*, («долг»), *чо́внык, умо́вкнуті* и т. д.

2) Слова, имеющие в корне *о* из *ъ: сон, до́чка, бо́чка, мох, посо́л, замо́к.*

Примечание. Не ясно *о* в словах: *во́ску, во́ском, мо́кнуті, мок, мо́кла, сот, го́дны, бо́рнаті* («пугать»).

3) Слова, имевшие в суффиксе *ъ: молото́к, кусо́к, холодо́к, чубо́к, пісо́к, пано́к* и др., а также *цэрко́в, морко́в* и т. д. и по аналогии с ними — *дро́в, рэбро́м, куско́м* и т. д.

4) В звукоподражательных и близких к ним, большею частью односложных отглагольных междометиях: *чоп, коп, топ, хлоп, торо́х, скок, човп, шубо́всть, рох-рох* (о свиньях), *бом-бом*

(о звоне), *бджомк* (звук струны), *тром-тром*. Отсюда и такие глаголы, как: *гóкнуті* («покликать»), *кóпнуті, тóпнуті, хлóпнуті, ґрóхнуті* имеют *о*.

5) В таких словах, как: *прóсты, шóсты, кóсьці, гвóзьдзі* и т. д. на том, повидимому, основании, что сочетания *ст* и *зд* причисляются к следующему слогу и следовательно звук *о* находится в открытом слоге. При другом положении, наоборот, имеем дифтонг, например: *шу͡остка, ку͡остка*.

6) В полногласных формах *-оро-*, *-оло-* в ряде случаев, например: *горóд, горóх, морóз, порóг, корóткі, сорóчка, солóмка, здорóв, голóдны, холóдны, солóдкі, омолóт* и т. д. Однако в ряде следующих случаев возможна и дифтонгизация, обусловленная влиянием аналогии:

а) в род. пад. мн. ч. имен женск. и средн. рода, например: *дору͡ог, кору͡ов, голу͡ов, болу͡от, бору͡он*, но *колóд* (и *колóдув*), *сорóк*, (и *сорóкув*);

б) при образовании сравнительной степени от таких слов, как *молоды́, солóдкі, корóткі* — *молу͡одшы, солу͡одшы, кору͡отшы*;

в) в уменьшительных именах: *бору͡одка, дору͡ожка* и др.;

г) в некоторых отдельных словах: *сму͡ород* («смрад»), *полу͡овнік* («загородка для полóвы»).

7) В начале слова: *óчко, óстры, óвшэм* (польск.), *óсь, óсьдэ, óсьмэро, óндэ, óндэчка, ох, ой, óзьмэш*.

Примечание. Если же начальное ударяемое *о* в закрытом слоге имеет приставочный звук *в*, то оно дифтонгизируется: *ву͡осім, ву͡он*, («он»), женск. род — *вонá, ву͡одра* («конь»), *ву͡оспа*, («оспа»), *Ву͡овдя* («Евдокия»).

8) В словах заимствованных: *фóрма, сорт, ґонт, фронт, сонд* («суд»), *ронд* («порядок»), *мóндры, кóндель* и др.

Звук ’*о* (ё).

Звук ’*о* (ё) в таком же самом положении, т.-е. под ударением в закрытом слоге, изменяется в дифтонг ’*у͡о* (ю͡о) с ударением на

первой части дифтонга, например: *мю͡од* (другая форма: *мі͡ед* — *мэ́ду*), *лю͡от, клю͡он, дзю͡об* («клюв»), *косьцю͡ол, Зю͡ор* (род. пад. *Зёра* — «Исидор»), *Ополю͡он* («Аполлон») и др.

То же в следующих образованиях:

а) в род. пад. мн. числа имен существительных, например: *слю͡оз, сю͡ол, днью͡ов, купцю͡ов, жэницю͡ов, косьцю͡ов, камэню͡ов, князю͡ов, мэдвэдю͡ов, мозолю͡ов, тополю͡ов, кію͡ов, строю͡ов, полю͡ов* и т. д.;

б) в уменьшительных именах существительных: *слю͡озка, плю͡отка, тю͡отка, пацю͡орка шэсьцю͡орка, осьмю͡орка, прыяцю͡олка* и др.;

в) в именах прилагательных с суффиксом *-ов* и *-овськ-*: *ковалю͡ов, ковалю͡овські, хлопцю͡овські* и т. д.;

г) в сравнительной степени имен прилагательных: *вэсю͡олшы, далю͡окшы* (и *да́льшы*) и др.;

д) в дат. и мест. пад. женск. рода и местн. пад. мужск. рода местоимений: *ю͡ой, мою͡ой, твою͡ой, свою͡ой, чыю͡ой, всю͡ой, ю͡ом, мою͡ом, твою͡ом, свою͡ом, чыю͡ом, всю͡ом;*

е) в формах прошедшего времени: *вю͡оз, вю͡ов, ню͡ос, плю͡ов, пю͡ок, тю͡ок, лю͡ог* и т. д.;

ж) в наречиях: *зусю͡оль* («отовсюду»), *здалю͡ок* («издалека»).

После шипящих и *р*, вместо *'у͡о* (ю͡о) имеем *у͡о*: *щу͡отка, пшу͡олка, вэчу͡орні, бэру͡ог* («берег»), *одру͡окся, ножу͡ов, крыжу͡ов* и т. д.

Примечание. В начале слова *'о* (ё) в положении после *j* под ударением в закрытом слоге также переходит в *'у͡о* (ю͡о): *ю͡ой, ю͡ом* и др.

Случаи неизменяемости ударяемого *'о* (ё) в закрытом слоге.

В ряде слов звук *'о* (ё) в закрытом слоге под ударением не изменяется в дифтонг.

Сюда принадлежат: 1) слова, имеющие в корне *'о* (ё) из *ѣ*: *лён, осёл, козёл* и др.

Примечание. После шипящих и *р* звук *'о* (ё) переходит в *о*: *орóл, трох, шышóк* и др.

2) Слова, имевшие в суффиксе *ъ: зятё̆к, дэнё̆к, гаё̆к* и т. д.

3) Формы род. пад. мн. числа имен существительных: *лялё̆к (лі͡алька), нянё̆к, люлё̆к, кулё̆к, шыё̆к* и т. д.

4) Односложные отглагольные междометия: *лёп, шлёп, хлёб, сёрб, цёп, ёрз, лёп-лёп, тёх-тёх* и т. д.

5) Слова заимствованные: *ксёндз, ксё̆нжка, лёнд* («суша», «берег»), *пё̆нтро* («этаж»), *памё̆нтка, маё̆нток* («имущество»), *клёц* («обрубок»), и т. д.

6) Слова сложные с глаголом *яти* («ѧти»): *наё̆мнік, наё̆мны, прыё̆мны* и т. д.

Звук э.

Звук *э* в Корницком говоре в большинстве случаев сочетается с твердыми согласными: *тэпэ́р, зэмлі͡а, бэ́рэг, пэрэ́д, сэрэ́діна, нэма́, мэ́нэ, сэ́ло, дэ, дэ́сять* и т. д.

Однако в ряде случаев *э* соединяется с мягкими согласными. Помимо сочетания с *j* — *ежэ́лі, една́ті* («мирить»), *едына́к* («единственный»), *мое́, чые́, ду́маеш* и др., мягкими являются согласные пред *э* в следующих случаях: 1) в слоге *-ле-*: *ле́дво, колесо́, плеска́ті, кле́ю, мале́нькі* и др. Примеров на *лэ*, кажется, нет; разве только в заимствованиях с польского: *лэ́пські* («очень хороший»), *блэнкі́тны* («голубой», «синий») и т. д.;

2) в окончаниях *-не* и *-те* отглагольных и собирательных существительных: *снэда́не, гране́, ждане́, біте́, піте́, полоте́, корі͡ыэне, насі͡ене;*

3) в окончании *-це* имен существительных: *сэ́рце, со́нъце, сэльце́, яйце́* и т. д. (но *цэ́рква, цэбе́р, цэ́ґла*);

4) в окончании собирательных имен на *-се* и *-зе: воло́се, коло́се, полу͡озе* и т. д.;

5) в сочетании со звуками *к* и *х: тіхе́нькі, ке* («сюда», «дай сюда»), *ке́тэ* («дайте»), *Ке́мпа* (островок Кęра), *высо́ке, ле́гке;*

6) согласные в окончании звательного падежа имен существительных женск. рода мягкого склонения: *сьві́не, клу́не, до́ле, зэмле́, смэ́рте, Ву͡оведе, ду́не* и т. д.;

7) в окончании *-еві* в дат. и мест. пад. ед. числа мужеск. и средн. рода: *коне́ві, по́леві, зі͡атеві, кні͡азеві,* но *ножэ́ві, до́хторэві, го́рэві* и т. д.

Звуки *і* и *ы*.

Звуки *і* и *ы* в Корницком говоре ничем не отличаются от великорусских и белорусских; среднего звука между *і* и *ы*, подобного украинскому, в говоре нет.

По сохранению мягкости звука *і* Корничане отличают себя от так называемых ими «литвинов», т.-е. забужан Гродненской и Волынской губерний.

Согласные.

В области согласных звуков отметим следующее.

Звук *г* в Корницком говоре — гортанный придыхательный звук. Наряду с ним, в заимствованиях из польского языка — *г* взрывное (ґ), например: *вэ́нґэр, ґа́нок, ґонт, запрэ́нґ, тэ́нґо, стры́ґа* («челка на лбу») и т. д.

Звук *в* в конце слова остается без изменения (не переходит ни в *ф*[1] ни в *ў*): *ході́в, ду́мав* и т. д.; в средине слова *в* из *л*, восходящего к l̥, приближается к *ў*, так что *по́вны, до́вгі* и т. д. произносятся почти как *поўны, доўгі;* однако не менее часто слышится в тех же словах *в*[2].

Губные звуки (*б, п, в, м*) в глагольных образованиях не смягчаются при посредстве l epentheticum; при русских сочетаниях *бл, пл, вл, мл* в Корницком говоре имеем: мягкий губной + j + гласный звук (*а, у, о*), например: *любью́, ловью́,*

[1] Т.-е. звонкие согласные на конце слова не переходят в глухие. *П. Р.*

[2] На основании этого Н. А. Янчук везде употребляет в своих «материалах» *в. П. Р.*

крывю́, зломью́, любъёны, ловъёны, зломъёны и т. д. Чаще однако *j* после губного пред следующим *'а* почти не слышится, а имеем мягкий губной звук + гласный — *выроб(ъ)я́ті, розмов(ъ)я́ті, чэп(ъ)я́ті,* и др., подобные им, произносятся иногда почти без *j*.

В отглагольных существительных имеем: *робі͡ене, лупі͡ене, топі͡ене.*

Примечание. В косвенных падежах имен существительных *воробе́й, жура́вль, мураве́й, кора́бль* имеем формы с *л*: *воробл͡іа, воробле́ві, воробле̂м, воробл͡іе,* мн. ч. *воробл͡іе, воробл͡юов* и т. д.; *л* здесь вызван аналогией с именит. пад. ед. числа, в котором эти слова звучат: *воробэ́ль, журавэ́ль, муравэ́ль, корабэ́ль.*

Звуки *д* и *т* мягкие, если им предшествует мягкое *з* или *с*, обыкновенно переходят в *дз* и *ц*: *розъдз͡іелёна, й͡іезьдзіті, розъдзя́гнуті* («раздеть»), *кра́сьці, кла́сьці, нэ́сьці, гнэ́сьці, пусьці́, пу́сьцят, лі́сьце, к͡уосьць, тлусьці͡ейшы* и т. д. Однако такой переход не обязателен.

Отдельные слова (заимствованные из польск.) имеют *дз* и без этого условия: *дзёбаті, дз͡юоб, дзю́ра, дзю́рка.*

На месте сочетания *дj*, преимущественно в глагольных формах, находим *дж*: *буджу́, бу́джоны, ходжу́, хо́джоны, роджу́, ро́джоны, роспу́джоны* («разогнанный»), *й͡іеджоны* («наевшийся»), *ну́джоны, ну́джа* (от *ну́діті* — «скучать»), *бры́джуся, са́джа, вса́джуваті, забру́джоны* и т. д. Но в отглагольных существительных имеем *д*: *ході͡ене, блуді͡ене, воді͡ене.*

Звуки *г, к* и *х* в формах склонения имен существительных, именно в местн. пад. ед. числа мужеск. и средн. рода, в дат. и местн. ед. числа и имен.-вин. двойствен. числа имен женск. рода переходят в свистящие *з, ц, с*, например: *на лузі͡е, на стозі͡е, на бо́ці* (чаще *на боку́*), *на ве́рсі, в усі͡е* («ухо́»), *на лы́ці* («лыко»), *в кожу́сі* и т. д. и *нозі͡е, дузі͡е, руці͡е, ж͡уонці, му́сі, свэкру́сі* и т. д. и *дъві͡е нозі͡е, руці͡е, му́сі.*

Примечание. Формы двойствен. числа, подобные приведенным, выходят из употребления и заменяются формами мн. числа: *ногі́, рукі́, му́хі* и т. д.

В зват. пад. ед. числа имен существительных мужеск. рода те же звуки смягчаются в шипящие *ж, ч* и *ш: Боже, чолові͡ечэ* (и *чолові͡еку*), *во́вчэ* (и *во́вку*), *шэ́вчэ, кра́вчэ.*

В тех же формах уменьшит. имен существительных женск. рода происходит уподобление согласного основы следующему за ним согласному суффикса: *ну͡озьці, дору͡озьці, ло́зьці* («ложке»), *по́дусьці, бо́цьці* и т. д.

Те же звуки смягчаются в шипящие и в глагольных формах, но наличность в глаголе несмягченных форм нередко нарушает правильность смягчения, вследствие чего в говоре одни и те же формы встречаются со смягчением и без него: *пэку́* и *пэчу́, пэку́т* и *пэчу́т, тэчу́* и *тэку́, тэку́т* и *тэчу́т, могу́* и *можу́, мо́гут* и *мо́жут, запрагу́* и *запражу́, запражу́т* и *запрагу́т* и т. д.

В повелительном наклонении всегда смягченные формы: *пэчы́, запражы́, пэчы͡этэ, втэчы͡этэ, запражы͡этэ* и т. д.

Отвердевшими согласными в говоре являются шипящие и *р.* (примеры см. выше). Тверды также все согласные в положении пред *э,* кроме случаев, указанных при рассмотрении звука *э.*

В словах, заимствованных из польск. языка, звук *р* твердый звучит вместо польского *rz: бры́дко, прэ́це, прэз, прыто́мны, урэ́ндні́к* и т. д.

Из более мелких явлений отмечу ассимиляцию звука *в* следующему носовому согласному: *да́мно* («давно»), *зада́мнітіся* («затянуться»), *ру͡омны* («ровный»), *ру͡омно* и т. д.

Несвойственный говору звук *ф* иногда заменяется сочетанием *хв: хву͡ора* («фура»), *хву͡ортка* (и *фу͡ортка*), *охві͡ера;* реже *ф* заменяется звуком *х: ку́холь, кухо́лёк* («кружка», «кружечка»).

После *х* иногда вставляется *в: охво́та* («охота») *хву͡оры* («хворый»).

В начале слова часто появляется приставочный звук *в: вон, вона́, воно́, вонꙑ́* («он», «она», «оно», «они»), *ву͡одра* («конь»), *ву͡оспа, ву͡осім* и т. д.

Примечание. Наоборот, глагол *взяті* теряет *в*: *озьму́, о́зьмэш, озьмі́, озьмі͡етэ* и т. д.

Реже приставляется *г: го́стры, гострꙑ́ті, го́раб* («рябина»); чаще однако *о́стры, острꙑ́ті, о́раб.*

Примечание. Слова заимствованные, наоборот, теряют начальное *г* (h): *о́нур* (honor), откуда — *ону͡оровы.*

Начальные звуки *р, л, м* в положении пред согласными изменяются обыкновенно в *ір-, іл,- ім-: імшы͡а, ільну́* (род. пад. от *лён*), *імжꙑ́т дощ, іржы͡а* («ржавчина»), *іржы͡авы, іржы͡аті* (чаще *ірза́ті*), *ірва́ті* и т. д. Все эти и подобные им слова чаще встречаются без *і*.

Несколько замечаний по морфологии.

Здесь отметим следующее.

Имена существительные.

Единственное число мужеского и среднего рода.

Дат. пад. имен существительных мужеск. и средн. рода имеет *-ові, -эві* (-еві), *-'ові* (-ёві): *бра́тові, ко́тові, коне́ві, ду́рнёві, гултаёві и гулта́еві, колесо́ві, по́леві, ножэ́ві, до́хторэві, тхорэ́ві* и т. д.

Окончания *у* и *'у* (ю) крайне редки.

В творит. пад. мягкого склонения имена существительные муж. и средн. рода всегда имеют окончание *-'ом* (-ём) независимо от ударения: *конём, стрэльцём, со́ньцём, снэда́нём, по́лём, сэльцём.*

В твердом склонении и после отвердевших согласных *-ом*: *коло́м, окно́м, ножо́м, відро́м* и т. д.

В местн. пад. предпочтительнее окончания -*іе* (ѣ) и -*і* (без ударения): *на коніе, на морόзі, в гнізьдзіе* и т. д. В собственных именах, наоборот, употребительны почти исключительно формы на *-ові, -эві* (-еві): *на Онтóнові, на Міколáеві, на Міхалéві*; в уменьшительных же исключительно эти формы: *о Я́сёві, о Ю́озёві* и т. д.

Зват. пад. имен существительных мужеск. рода имеет окончания: *э, у, 'у: сы́нэ и сы́ну, брáтэ, брáтіку, бáтьку, кóню, дóхторэ, богáчу, зáяцю, чоловіечэ, Я́сю, Ю́озю* и т. д.

Множественное число.

Именит. пад. мужеск. рода имеет в твердом склонении -*ы* и -*ыэ* и в мягком -*і* и -*іе*; в редких случаях (в именах с суффиксом -*ин*) -*э* и -*овэ*. Дифтонги -*ы́э* и -*іе* только под ударением; основы на *г, к, х* имеют только *і* (под ударением и без него), например: *ножы́э, ключы́э, грошы́э* и *грóшы, пісары́э, цьвінтары́э, муляры́э, хлóпці, князіе, дніе, огніе, чоловікі, стóгі, оры́эхі, міщы́анэ, сэліанэ, хрэсьціанэ* и *хрэсьціановэ* и т. д.

В мягкой разновидности возможно еще окончание -*'а* (-я) без ударения: *ку́оньця, сту́ольця.*

Имена средн. рода в именит. пад обыкновенно оканчиваются на -*а* и -*'а* (-я) при безударности окончания и *іа* при ударении на нем: *óкна, окóньця, поліа.*

Род. пад. мужеск. и средн. рода встречается 1) с суффиксом -*ов*, -*'ов* с изменением его при безударности в -*ув*, -*'ув* и под ударением в дифтонг -*уов*, -*'уов* и 2) бессуффиксный: *дому́ов* и *дóмув, ножу́ов, хрущу́ов, дохтору́ов, снэданю́ов, сэ́лув* и т. д. и *чобу́от, сю́ол,* но *окóн, дон, яéць.*

Изредка в мужеск. и средн. роде окончание -*іей* и -*ы́эй*: *госьціей, людіей, очы́эй, пальціей.* Довольно редки также -*і* и -*ы* (без удар.): *кóні, гóсьці, грóшы.*

Дат. пад: *кóнём* и *кóнюм, гóсьцём* и *гóсьцюм, лю́дём* и т. д.

В творит. пад. — *амі* и *-'амі,* но в мягкой разновидности встречается и окончание — *ьмі: куоньмі, гуосьцьмі* и т. д.

Единственное число женского рода.

Зват. пад. в именах существительных женск. рода на *а* обыкновенно имеет *-о* и *-э: сэстро, жуонко, доле, господыне, душэ, Тэкле, Вуовде* и т. д. Вместо *э* возможно также и *ю: тетю, Натулю, Марысю* и т. д.

Имена существительные женск. рода на мягкий согласный звук и на шипящие имеют в звательн. падеже *-э* (-е): *пэчэ.*

В дат. и местн. пад. у имен с основой на задненебные звуки эти последние смягчаются в свистящие (см. выше).

В творит. пад. имеем: *тіеню, нуочю* (из *тіенню, нуоччу*).

Множественное число.

Род. пад. часто принимает те же окончания, что в мужеск. роде, т.-е. имеет *-уов, -'уов, -ув, -'ув: сэструв, бабуов, каплюов, курыцюов, дынюв, ягодув* (и *ягуд*), *вішнюов* (и *вішэнь*), *грэблюв, грушув, яблынюов.*

Иногда то же представляют и имена женск. рода на мягкий согласный звук: *тіенюв.*

Так же, как и в мягкой разновидности имен мужеск. рода, здесь встречаются и формы род. пад. на *-і*: *косьці, сіені* («сеней»).

Имена среднего рода с так называемым наращением.

Некоторые имена этой категории перешли в склонение имен сред. рода на -*э* (-е): *вымье, тіемье, сіемье, бэрэмье, поломье, імэне, племэне.*

Слово *стремя* приняло форму *стрэменó*; слово *время* вовсе не употребительно.

Слова *дітіа, тэліа* и т. д. в творит. пад. ед. числа имеют: *дітіатём, тэліатём* и т. д.

Из имен молодых животных (часто и людей) одни имеют в окончании именит. пад. *-іа* и *-'а* (-я): *тэліа, пóрося, щэніа* и т. д.; косвенные падежи: родит. пад. *тэліаті*, творит. пад. *тэліатём*, мн. число *тэліата* и т. д.; другие *-эніа* (-еня): *цуцэніа, кошэніа, козэніа*, а третьи *-ук* (-юк) или *-энук*: *тэлю́к, поршу́к, щэню́к, гусэню́к, цыганю́к* и т. д. Таковы же и фамильные названия, главным образом, от личных имен: *Пілiпю́к, Даніл́юк, Янчу́к, Клімчу́к, Томчу́к, Ляшу́к* и др.

Примечание. В Корницком говоре нет фамилий, оканчивающихся на *-енко;* вместо них, образования на *-ук* и *-'ук*.

Множ. число образуется двояко: *котюкі, цуцэнюкі* и *котіата, цуцэніата* и т. д.

Отдельные слова в Корницком говоре представляют особенности в грамматическом роде и склоняются соответствующим образом, таковы: *гусь* женского рода, *моль, боль* мужеского.

Слова *церковь, морковь* и *картофель* перешли в склонение имен женск. рода на *-а* — *цэ́рква, мóрква, картóхля*.

От слова *голова* винит. пад. ед. числа, помимо обычной формы *гóлову*, имеет *гóлов: пуд гóлов* («под голову»), *на гóлов* и т. д.

Имена прилагательные.

Именит. пад. ед. числа в мужеск., женск. и средн. роде, если на окончание не падает ударение, имеет «стяженную» форму: *дóбры, дóбра, дóбрэ, сі́ні, сі́ня, сі́не, дóвгі, дóвга, дóвге, ті́хі, ті́ха, ті́хе* и т. д. В женск. и средн. роде возможны и «нестяженные» формы, в средн. роде с окончанием *-ее* или *-эе*, например: *ціелэе, дóбрэе, свіежэе, сі́нее, пэ́ршэе*. Если же окончание находится под ударением, то «стяженная» форма только в мужеск. роде, а в женск. и средн. почти всегда «нестяженная»: *глухі́, глухáя, глухóе, смутны́, смутнáя, смутнóе* и т. д. «Нестяженные» формы однако очень редки.

Во множ. числе при безударности окончания также употребительны «стяженные» формы (сходные с именит. пад. ед. числа): *до́бры* (для всех родов); более редка форма *до́брые* (для всех родов); наоборот, при ударяемости окончания всегда «нестяженные» формы: *ціль́ие, чужы́е, глухі́е* и т. д. (для всех родов).

Для сравнительной степени употребительны окончания *-шы* и *-і͡ейшы: мэ́ншы, -а, -э, бу́͡ольшы, солу́͡оншы, ну́͡овшы, глу́хшы, сі́ньшы, то́ншы* и др.

Некоторые прилагательные с суффиксами *-ок, -ек* при образовании сравнительной степени могут утрачивать этот суффикс: *глыбо́кі — глыбу́͡окшы* и *глы́бшы, шыру́͡окі — шыру́͡окшы* и *шы́ршы.*

Другая форма сравнительной степени на *-і͡ейшы, -ы͡эйшы* не менее употребительна: *ясьні͡ейшы, тэмні͡ейшы, добры͡эйшы, мокры͡эйшы, гусьці͡ейшы* и т. д.

Описательная форма сравнительной степени выражается посредством присоединения к положительной слов: *бу́͡ольш,* или *гу́͡орш: бу́͡ольш нэго́жы, гу́͡орш нэго́жы.*

Превосходная степень выражается или присоединением к сравнительной степени приставки *най-: найбу́͡ольшы, наймуцні͡ейшы,* или прибавлением наречия *ба́рзо* («очень») к положительной степени: *ба́рзо до́бры, ба́рзо пу́͡озьні;* вместо *ба́рзо* часто употребляется *тэ́нґо* (tęgo): *тэнґо ду́жы* («очень сильный»), *тэнґо кры͡эпкі* и т. д.

Примечание. Украинское *дуже,* вместо *барзо* (польск. bardzo), здесь неупотребительно.

Наречные формы сравнительной степени оканчиваются 1) на *-ш: бу́͡ольш, мэнш, гу́͡орш, до́вш, глыбш;* чаще однако на *-шэ: гру́бшэ, кору́͡отшэ, чы́щэ, гу́щэ, высу́͡окшэ* и т. д.; 2) на *-і͡ей,* а без ударения на *-і* и *-ы: далі͡ей, муцні͡ей, горачы͡эй, лі͡епі, да́лі, вы́шы, блі́жы* и т. д.

Местоимения.

В местоимениях *мэ́нэ, тэ́бэ, сэ́бэ, е̃го, мо́го, тво́го, сво́го, все̃го* ударение очень редко слышится на последнем слоге; в формах *ко́го, чо́го* оно также предпочтительнее на первом слоге.

Местоимение 2-го лица в именит. пад. множ. числа имеет форму *в͡іетэ* например: *чо́го в͡іетэ хочэтэ? Чы в͡іетэ чу́етэ? в͡іетэ йд͡іетэ.*

Формы косвенных падежей личных местоимений 1-го и 2-го лица так же, как в русском языке: родит. пад. *вас,* дат. пад. *вам* и т. д.

Местоимение 3-го лица в именит. пад. единств. и множ. числа всех родов имеет приставочное *в: в͡уон, вона́, воно́, воны́;* косвенные падежи при соединении их с предлогом не принимают *н;* в косвенных падежах имеем: *ёго, е́йі, ёму, ю͡ой, йім, е́ю, ю͡ом, ю͡ой, йіх, йім, йімі.*

Указательное местоимение *то́н, та́я, то́е* имеет значение «этот». Для большей определенности употребляется сложная форма *ото́н* (в значении «вот этот»).

Примечание. *Сэй, цэй* в Корницком говоре не употребительны.

В значении «тот» употребляются сложные формы: *онто́н, онта́я, онто́е, или тамто́н* (даже *танто́н*), *тамта́я, тамто́е* (ср. польск. ten, tamten).

Множеств. число по образцу имен прилагательных твердого различия: *тые, тых, тым* и т. д. для всех родов.

Вопросительное (оно же и относительное) местоимение *кото́ры,-а, -э.* Украинск. *ко́тры* не употребительно.

В значении «весь» употребительно: *всэнь (усэ́нь), вс͡іа, всэ* (но не *вэсь* или *увэ́сь*); родит. пад. *все̃го, все́йі* и *всейі́е*; дат. пад. *всёму́, вс͡юой;* творит. пад. *вс͡іем, всёю;* местн. пад. *вс͡юом, вс͡юой.*

Весьма часто *в* в этом местоимении заменяется чрез *у.*

Местоимение *сам, самá, самó* значит 1) «сам» и 2) «один» (ср. польск. sam, jeden).

При склонении, местоимение *сам* смешивается в некоторых падежах с *сáмы;* родит. пад. *самогó* в обоих значениях, редко во втором случае употребительно *сáмого.* Именит. пад. множеств. числа от *сам — самы́,* а от *сáмы — сáмы* и *самы́е* для всех родов.

Неопределенные местоимения образуются: 1) прибавлением к вопросительным (относительным) *-сь: хтось, щось, якíсь, -áясь, -óесь, чыйсь, -ясь -éсь, котóрысь* и т. д. или сложного образования *-сьці: хтóсьці, щóсьці, якíсьці* и т. д.; 2) прибавлением слова *нэ́бýдь: хто-нэ́будь, чый-нэ́будь;* иногда слышится и чисто польское *боньць* (bądź) или *кóльвек* (kolwiek): *хто-боньць, хто-кóльвек* и т. д. и 3) прибавлением в начале слова *дэ-: дэ́-хто, дэ́-що, дэ́-які, дэ-котóры* («кое-кто») и т. д.

Глагол.

Формы настоящего времени от глагола *бы́ті* не употребительны; лишь форма 3-го лица ед. числа *е* употребляется для всех лиц обоих чисел: *я тут е, воны́ тут е, хто ты е?* Иногда для единств. числа в Корницком говоре пользуются польскими формами: *тут я éстэм, хто ты éстэсь? вýон там ест.* Употребительны также и такие образования в первых двух лицах обоих чисел, как *такíем хворы, такíесь добры, такíесьмо дурны́е, такíесьте дíвны́е* или: *такíм, такíсь дурны́е.*

Иногда также употребительны удвоенные формы вспомогательного глагола: *ям нэ éст хворы, тысь нэ éст хвóры.* Обычно однако говорится: *я нэ хвóры, ты нэ хвóры.*

Без отрицания можно сказать или: *я, ты, вýон хвóры; мы, вíетэ, воны́ хвóры,* или: *ям, тысь, вýон хвóры; мы́сьмо, вíетэсьтэ хвóры,* или *я хвóрым, ты хвóрысь, мы хвóрысьмо, вíетэ хвóрысьтэ.* Эти формы вспомогательного глагола могут присоединяться к любому слову в предположении, обыкновенно к тому, на кото-

рое падает логическое ударение, например: *на дворы͡эсь быв, кóгосьтэ пыталі? вчóрасьмо бы́лі, дзісесьмо спáлі, щэ́сьтэ нэ́ встал і.*

3-е лицо ед. числа имеет *т* твердое в глаголах 2-го спряжения и 1-го, сложных с *-ся*; в глаголах 1-го спряжения без *-ся* 3-е лицо ед. числа бессуффиксное. В формах 3-го лица множеств. числа обоих спряжений *т* твердое.

Формы прошедшего времени вспомогательного глагола следующие: *бы́вэм, бы́вэсь, былíсьмо, былíсьтэ.* Также образуются формы прошедшего времени и от других глаголов: *сі͡дíевэм, ходівэсь* и т. д.

Возможны формы прошедшего времени и без вспомогательного глагола: *я быв, ты быв* и т. д.; обычны также образования прошедшего времени — *я быв пошов,* в смысле — *я пошел было.*

Будущее время глаголов несовершенного вида образуется: 1) или посредством форм *буду, бýдэш, бýдэ, бýдэм* (о), и т. д. + форма infinitiv'а: *буду робіті, будэш ыі͡есьці,* или 2) посредством тех же форм от глагола *быті* + несклоняемое причастие прошедшего времени: *буду робів, будэш ы͡íев* и т. д., но эта форма сравнительно редко употребляется и при том только в ед. числе.

> Примечание. Украинские формы с *-му (-иму),* как *робитиму* и т. д. в Корницком говоре неизвестны.

1-е лицо множеств. числа повелительного наклонения, вместо более обычного окончания *-мо*, имеет также и *-м: бýдэмо — бýдэм, хóчэмо — хóчэм*; *-мо* не сокращается после согласного. например: *спры͡ачмо, кíньмо, гулí͡аймо.*

В редких случаях и в ед. числе повелительного наклонения употребительна двоякая форма: *вы́бэры* и *вы́бэр.*

О дифтонгах в формах повелительного наклонения см. выше (о звуке *ѣ*).

Для усиления приказания, просьбы или поощрения к форме повелительного наклонения прибавляется *-но: дай-но, сí͡адьтэ-но, ходí-но сюды* и т. д.

В глаголах с возвратным местоимением *ся*, это последнее обычно отделяется от глагола и ставится впереди или после глагола, например: *щось так хочэтця спаті*, или: *щось так спáті ся хочэ*, или: *щось так ся спаті хочэ*, или: *щось ся так спаті хочэ*; *вўон на мэ́нэ гніеваетця*, или: *вўон ся гніевае на мэ́нэ*, или: *вўон ся на мэ́нэ гніевае* и т. д.

Сокращение в глаголах *ся* в *сь* невозможно.

К вопросу о ляшских чертах в белорусской фонетике.

П. А. Расторгуева.

На происхождение особенно характерных для белорусской фонетики черт, так называемого дзеканья, цеканья и твердого *р*, существует два противоположных взгляда. С одной стороны, проф. В. А. Богородицкий[1] и акад. А. А. Шахматов[2] видят в них заимствования из польского языка, а с другой, акад. Е. Ф. Карский[3] и проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ[4] смотрят на них, как на явления, развившиеся самостоятельно на белорусской почве. Правда, ни проф. В. А. Богородицкий, ни проф. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ почти не дают обоснований для своих взглядов. Их находим только, с одной стороны, у акад. А. А. Шахматова, а с другой, у акад. Е. Ф. Карского.

Доводы в пользу ляшского, как называет их акад. А. А. Шахматов, происхождения этих черт казались мне более убедительными, и я разделял эту точку зрения. Но занятие памятниками древне-польской письменности, с одной стороны, а с другой, наблюдение над пределами распространения дзеканья, цеканья и твердого *р* в северо-восточных белорусских говорах вызвали

---

1 Очерки по языковед. и русскому языку. 1901 г., стр. 161—162.

2 Курс истории русск. языка. Литограф. изд., ч. II, 2, стр. 16—24; Очерк древнейшего периода истории русск. языка (Энциклопедия Славянск. Филолог. вып. 11, 1, стр. 313—317); Введение в курс истории русск. языка, стр. 55—62.

3 Белорусы, т. I, стр. 95, 168.

4 Журнал Мин. Нар. Просвещ. 1903 г., апрель, стр. 318.

у меня сомнение — можно ли действительно видеть в белорусском дзеканьи, цеканьи и твердом *р* ляшские явления, т.-е. заимствования из польского языка?

Признание дзеканья, цеканья и твердого *р* ляшскими чертами относит эти явления к очень раннему времени, к более раннему, чем расселение русских племен в бассейне Днепра, т.-е. ко времени до IX—X века. По А. А. Шахматову, это черты говора ляшского племени радимичей, осевших на той части территории русской равнины, где их застает летописное повествование. Следовательно уже к IX веку в польском языке должна была произойти утрата мягкого *р* и переход *д* и *т* мягких в аффрикаты.

Это положение находится в противоречии с фактами древне-польского языка, извлекаемыми из польских памятников письменности. Правда, древнейшие памятники непосредственно польской письменности, относящиеся к XIV веку, каковы: Psałterz Florjański, Kazania Świętokrzyskie, Roty przysiąy и др., не говоря уже о памятниках XV века, указывают на наличность к этому времени в польском языке перехода *д* и *т* мягких в аффрикаты и на утрату мягкого *р*. Собственно польских памятников более раннего времени польская письменность не имеет. Но материал для суждения о польском языке до XIV века представляют латинские грамоты, обнимающие время с конца X по XIV век (985/996—1300 гг.) и заключающие, между прочим, польские слова, преимущественно собственные имена и географические названия, реже технические выражения в латинской передаче. Посвященная изучению этого материала работа проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ «О древне-польском языке до XIV столетия» (Лейпциг, 1870 г.) дает указания на изменение мягких *д*, *т* и *р* в указанном направлении. Именно, акты ранее тридцатых годов XIII века не представляют написаний, указывающих на изменение мягкого *р*. Приблизительно около того же времени встречаются и первые примеры обозначения мягкого *д* не буквой *д*; только употребление *ц* на месте мягкого *т* появляется в актах, младших приблизительно на одно десятилетие. Эти данные приводят проф. И. А. Боду-

эна-де-Куртенэ к выводу, что переходное смягчение мягких *д, т* и *р* в польском языке совершилось в конце XII и начале XIII века.

Приблизительно такой же взгляд па время изменения этих согласных высказывал несколько раньше и акад. А. И. Срезневский в «Замечаниях о всеславянском словаре А. Шлейхера».[1] Переход мягких *р, т* и *д* в соответствующие звуки он относил к половине XIII века.

Основываясь на этих выводах и замечаниях, можно считать, что переходное смягчение *т, д* и *р* мягких возникло в польском языке во всяком случае не ранее конца XII века: в начале XIII века оно уже нашло себе выражение на письме. В более раннее время этого изменения звуков в польском языке не было. Следовательно этих черт не могло быть в IX—X веках и в говоре радимичей, если смотреть на радимичей, как на ляшское племя, и следовательно теория ляшского происхождения их теряет свою устойчивость. Вместе с тем возникает вопрос более общего характера: можно ли вообще видеть в радимичах ляшское племя, как полагает акад. А. А. Шахматов?

Повод для такого предположения дают ему слова «Летописи» под 6492 годом (984 г.): «Быша же радимичи отъ рода ляховъ, прешедъше, ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне»; основанием же служит акад. А. А. Шахматову, во-первых, наличность в современном белорусском языке дзеканья, цеканья и твердого *р*, во-вторых, уменьшение этих черт в направлении с запада на восток, в-третьих, указание Юрия Крижанича на то, что в XVII веке аффрикаты из *д* и *т* мягких произносились в белорусском языке с шипящим оттенком (шепеляво) и следовательно были более близки к польским, чем в настоящее время, и в-четвертых, смешение в Супрасльском сборнике XVI века (1520 года) *ч* и *т* мягкого, т.-е. написания — *псковити, полотяне, чернетества* (вместо псковичи, полочане, чернечества) и наоборот — *хотячь, чтучь* (вместо хотять, чтуть).[2]

1 Записки Академии Наук, 1866 г., т. IX, кн. II, стр. 240.
2 Энциклопедия Славянск. Филолог., вып. 11, 1, стр. 315.

Однако, первый довод, как уже указано, теряет доказательную силу в пользу раннего заимствования предками белорусского языка этих черт у поляков; больше того, звуковой состав современного белорусского языка и памятники «западно-русской письменности» не дают оснований видеть в радимичах ляшское племя. Ко времени расселения славянских племен по русской равнине польский язык имел ряд весьма существенных фонетических особенностей, неизвестных языку восточных славян. Одни из них идут еще из эпохи западно-славянского единства, представляя отчасти сохранение праславянского достояния, [1] а другие возникли в период отдельной жизни польского языка. [2] Однако, ни одной из этих черт нет в современном белорусском языке; не было их, судя по памятникам, и в прошлом. В нем находим только одну черту, общую с современным польским языком — переходное смягчение мягких *д* и *т*; твердое же *р* не есть, собственно говоря, черта польской фонетики; это — польское произношение мягкого русского *р*, чуждого современному польскому языку. Но переходное смягчение *д* и *т*, как видно из данных, добытых Бодуэном-де-Куртенэ, развилось в польском языке в более позднее время. Очевидно, и в говоре радимичей, одном из предков современного белорусского языка, не было ни этой, ни других черт польской фонетики, и радимичи следовательно не являются ляшским племенем. Слова же летописи: «Быша же радимичи отъ рода ляховъ» следует, может быть, понимать не буквально, или же, в противном случае (что мало вероятно), допустить, что особенности говора радимичей, характеризовавшие язык ляшских племен в момент отделения от них радимичей, с течением времени были совершенно поглощены русским влиянием.

Рассмотрим далее другие доводы. Исключив возможность польского происхождения дзеканья, цеканья и твердого *р* в ран-

---

[1] Напр., группы согласных *dł*, *tł*; сочетания *kv*, *gv* пред ѣ (ě); отсутствие *l* epentheticum; изменение праславянских *dj* и *tj* в аффрикаты *dz* и *c*.

[2] Изменение, например, праславянских сочетаний *tert*, *telt*, *tort*, *tolt*.

нее время, в период до IX—X века, этим не решаем еще вопроса в пользу происхождения этих явлений на белорусской почве. Теория ляшского происхождения этих черт, как указано, имеет в числе своих доводов уменьшение этих черт в направлении с запада на восток, произношение в XVI—XVII веках аффрикат *дз* и *ц* на польский лад и смешение в Супрасльском сборнике XVI века (1520 г.) мягких *ч* и *т*. С этими фактами нельзя не считаться и после признания того, что белорусское дзеканье, цеканье и твердое *р* не есть явление польской фонетики IX—X века. Тут естественно возникает вопрос: не являются ли эти черты заимствованием из польского языка в более позднее время, когда в нем уже совершился переход *д* и *т* мягких в аффрикаты и утратилось *р* мягкое, т.-е. после XIII века?

Поставив такой вопрос, необходимо решать его отдельно для дзеканья и цеканья, с одной стороны, и твердого *р*, с другой, так как данные для решения его относительно того и другого явления не одинаковы. Решение в утвердительном смысле вопроса о позднейшем заимствовании дзеканья и цеканья из польского языка едва ли возможно ввиду следующего ряда обстоятельств. Прежде всего, дзеканье и цеканье встречается по всей белорусской территории, в юго-западных и в северо-восточных говорах, и резкого противоположения запада Белоруссии востоку нет. Разница только в том, что на востоке оно слабее, чем на западе. Но ослабление его ограничивается главным образом говорами местностей, лежащих вблизи городов, и может быть отнесено на счет близкого южно-великорусского соседства и его влияния. На западе же соседство с поляками естественным образом способствует большему сохранению дзеканья и цеканья, чем на востоке.

Далеė, едва ли можно допустить, что польское влияние простиралось так далеко на восток и захватило всю территорию белорусского языка и в частности те местности, политическая зависимость которых от Польши была непродолжительна, напр., северные уезды бывшей Черниговской губернии.

Наконец, если видеть в этих чертах польское влияние, то

почему это влияние сказалось только на усвоении дзеканья и цеканья, а другие черты польской фонетики не были усвоены белоруссами?

Не естественнее ли здесь допустить, что дзеканье и цеканье развились в белорусском языке самостоятельно, независимо от польского влияния, и причины его надо искать в особенностях белорусского консонантизма? Сильная палатальность *д* и *т* мягких могла быть причиной переходного смягчения их: при палатализованном зубном взрывном звуке развился зубной фрикативный согласный *з* и *с*.[1] Первоначально этот фрикативный, надо полагать, имел шипящий оттенок, и белорусские аффрикаты *дз′* и *ц′* были, вероятно, более близки к соответствующим польским, чем в настоящее время. На это и указывает, с одной стороны, Супрасльский сборник 1520 года и свидетельство Ю. Крижанича, а с другой, произношение в современных говорах Белоруссии мягкого *с*, как звука среднего между *с* и *ш*. Такое произношение этих звуков отмечает акад. Е. Ф. Карский, ссылаясь на наблюдение М. Н. Каткова[2] и на данные в рукописи анонимного автора в собрании проф. О. М. Бодянского (№ 162, стр. 6).[3]

Таким образом, и эти доводы в пользу заимствования дзеканья и цеканья из польского языка могут иметь иное толкование, подтверждаемое показаниями современных живых говоров, и, повидимому, нет препятствий для признания дзеканья и цеканья явлением, развившимся на белорусской почве самостоятельно, независимо от польского влияния.

К какому времени, возникает вопрос, может быть отнесено изменение в белорусском языке *д* и *т* мягких в аффрикаты *дз′* и *ц′*? Памятники письменности указывают на XVI век: из XV века акад. Е. Ф. Карский приводит один пример — *людзи* (грам. 1409 года), но видит в нем полонизм.[4] Но показания па-

---

[1] А. И. Томсон. Общее языковедение. 1906 г., стр. 255.
[2] Белорусы, т. II, 1, стр. 15.
[3] Там же, стр. 457.
[4] Там же, стр. 436.

мятников почти никогда не идут в уровень с возникновением новых явлений в языке, особенно в тех случаях, когда для выражения вновь возникших явлений в нем нет средств. Такими явлениями как раз и могла быть аффриката *дз'*, а также и *ц'*, особенно если они имели шипящий оттенок. Однако, принимая во внимание наличность в польской графике буквенного сочетания *dź* для обозначения звонкой аффрикаты и буквы *ć* для глухой, с одной стороны, и существование культурного взаимоотношения западно-русов и поляков, с другой, едва ли следует отодвигать начало дзеканья и цеканья в более раннее время, далеко от XV—XVI века. Принять такую хронологическую дату позволяет еще одно обстоятельство, представляемое «западнорусской» письменностью. Буквенное сочетание *дж* передает шипящую звонкую аффрикату уже в памятниках XIII и XIV века, напр. в Псалт. 1296 г., в грамот. 1359 г., в грамот. 1398 г.[1] Если бы в XIII—XIV веке в белорусском языке была бы и звонкая свистящая аффриката *дз'*, то естественно и она, не говоря уже о глухой аффрикате *ц'*, также нашла бы себе выражение в письме. Повидимому, ее не было раньше XV—XVI века.

Перехожу к определению источника и времени отвердения *р* в белорусском языке.

Исключив возможность раннего отвердения *р* на почве ляшского влияния, естественно поставить те же вопросы, что и при определении происхождения дзеканья и цеканья, т.-е. решить, не является ли отвердение *р* в белорусском языке результатом польского влияния в более позднее время, или же это есть явление, развившееся самостоятельно. Основанием для постановки первого вопроса служит подразделение современных белорусских говоров на юго-западные твердоэрые и северо-восточные мягкоэрые со спорадически твердым *р*. Такая классификация говоров как будто действительно указывает на то, что отвердение *р* идет с запада на восток, т.-е. со стороны Польши, и на востоке Бе-

[1] Белорусы, т. II, 1, стр. 488.

лоруссии не везде имеет распространение. При таких данных можно было бы признать отвердение *р* в белорусском языке чертой, возникшей под польским влиянием в более позднее время, после того как в польском языке утрачено было мягкое *р*. Но здесь возникают те же затруднения, что и при подобном решении вопроса относительно дзеканья и цеканья. В частности твердое *р* (правда, в известных условиях) представляют и такие белорусские говоры, где польского влияния или вовсе не было, или оно было весьма непродолжительно. Таковы, например, говоры северных уездов бывшей Черниговской губернии. Ввиду этих обстоятельств, отпадает возможность признать отвердение *р* в белорусском языке явлением, возникшим под польским влиянием в более позднее время. Из всех возможных решений остается таким образом принять, что отвердение *р* в белорусском языке возникло независимо от утраты польским языком мягкого *р*. Когда и при каких условиях произошло это явление?

Отвердение *р* пред гласными переднего ряда, а диалектически и пред гласными заднего ряда представляет и украинский язык. Здесь это явление стоит в связи с отвердением согласных вообще пред гласными переднего ряда. Нельзя ли, напрашивается вопрос, поставить в связь с ним и отвердение *р* в белорусском языке? Правда, белорусский язык в его современном состоянии не знает отвердения согласных пред гласными переднего ряда, но на всей территории белорусского языка, помимо твердого *р*, встречаются спорадически и другие твердые согласные на месте старых мягких в положении пред гласными переднего ряда.[1] С другой стороны, мягкие согласные заменяют твердые, главным образом после губных и реже после других согласных.[2] Мне представляется вероятным видеть в этом явлении следы существовавшей когда-то, в эпоху юго-западного языко-

---

[1] А. А. Шахматов. Курс истории русского языка. Литограф. изд., ч. II, 2, стр. 115—118; Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, 1, стр. 265.

[2] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, 1, стр. 280—281; А. А. Шахматов. Курс истории русского языка. Литограф. изд., ч. II, 2, стр. 108.

вого единства[1] *склонности* к отвердению согласных пред гласными переднего ряда. После распадения юго-западного языка эта склонность в южных говорах (предках украинского языка) привела к окончательному отвердению в таком положении согласных, а в западных (предках белорусского языка), подвергшихся воздействию восточно-русских говоров, согласные, склонные к отвердению в указанном положении, утратили эту склонность и сохранились лишь, как твердые, спорадически. Но судьба не всех склонных к отвердению согласных была при этом одинакова. Если влияние, шедшее с востока, вызывало переход отвердевавших согласных в мягкие, то, с другой стороны, с запада шло польское влияние, удерживавшее отвердение *р* от перехода его в мягкий согласный звук, и приводило его к окончательному отвердению. В юго-западных частях белорусской территории польское влияние было сильнее, чем на северо-востоке Белоруссии, где оно парализовалось южно-великорусским влиянием, вследствие чего юго-западные белорусские говоры удержали отвердевшее *р*, между тем как северо-восточные сохранили его только отчасти; в употреблении твердого *р* в них нет той последовательности, как в юго-западных говорах: твердое *р* на месте мягкого встречается рядом с мягким при тех же фонетических условиях.

В положении же перед гласными заднего ряда отвердение *р* произошло в эту же эпоху (т.-е. после распадения юго-западного языка) в говорах, являющихся предками теперешних белорусских, и диалектически легших в основу современных украинских. Твердое *р* в таком положении в настоящее время имеют почти все белорусские говоры (за исключением части северо-черниговских) и часть украинских.

Насколько, возникает далее вопрос, принимаемое объяснение происхождения твердого *р*, на месте старого мягкого, согласуется с данными, представляемыми памятниками письменности

[1] Такую эпоху приходится признать ввиду близости украинского и белорусского языков в ряде фонетических явлений.

и с другими явлениями белорусской фонетики, стоящими в связи с сильной палатальностью согласных?

Памятники «южной» и «западной» русской письменности не противоречат предположению о склонности к отвердению согласных в положении пред гласными переднего ряда в раннюю эпоху. Признание склонности к отвердению согласных в эпоху юго-западного языкового единства не противоречит также другим явлениям белорусской фонетики, стоящим в связи с палатализацией согласных. Из явлений этого рода в белорусской фонетике имеет место рассмотренное уже дзеканье и цеканье. Отсутствие этого явления в украинском языке (исключая говоров, соседних с белорусскими) дает основание полагать, что оно развилось после распадения юго-западного русского языка, в эпоху отдельной жизни западных его говоров, когда под влиянием восточно-русских говоров отвердевавшие согласные утратили эту склонность и смягчались (разумеется, кроме *р*, которое по указанным выше причинам продолжало оставаться твердым), сохраняясь, как твердые, лишь спорадически.

К ляшским чертам белорусского языка акад. А. А. Шахматов[1] относит еще так называемое мазураканье, т.-е. произношение мягких *с* и *з* как звуков, средних между *с* и *ш*, *з* и *ж* (шепелявое произношение), видя в нем такую же черту ляшской фонетики, как в дзеканьи, цеканьи и отсутствии мягкого *р*. В более поздних работах[2] он относит также сюда смешение и шепелявое произношение *ч* и *ц* мягких.

В современном белорусском языке явление это, кроме весьма распространенного в северных белорусских говорах и известного по памятникам письменности смешения *ч* и *ц*, не имеет большого распространения, и шепелявым характером отличается, повидимому, только *с*. Памятники же западно-русской письменности,

[1] Курс истории русского языка. Литограф. изд., ч. II, 2, стр. 56—58.

[2] Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия Славянской Филологии, 11, 1, § 482; Введение в курс истории русского языка, стр. 55—62.

представляя смешение *ж* и *з*, *ш* и *с*, указывают на то, что когда-то оно было более распространено на территории белорусского наречия, чем в настоящее время.

Если на основании приведенных доводов вопрос о ляшском происхождении дзеканья, цеканья и твердого *р* и о принадлежности радимичей к ляшскому племени решать отрицательно, то естественно распространить это решение и на происхождение мазураканья, раз оно ставится в связь с ляшским происхождением радимичей. Однако, принимая во внимание то обстоятельство, что в польском языке мазураканье, с одной стороны, и дзеканье, цеканье и утрата мягкого *р*, с другой, явления хронологически разновременные, и что белорусское мазураканье представляет явление не тождественное с дзеканьем, цеканьем и твердым *р*, следует рассмотреть его независимо от тех выводов, к каким привело рассмотрение дзеканья, цеканья и твердого *р* в белорусском языке.

Внимавия в данном случае заслуживает то обстоятельство, что, кроме белорусского языка, смешение *с* и *ш*, *з* и *ж* встречается в средне-русских говорах как с южно-русским, так и с белорусским наслоением. Его отмечают, с одной стороны, в Зубцовском, Рузском, Верейском, Касимовском уездах и в частях Ардатовского и Арзамасского уездов,[1] а с другой в Новоржевском, Холмском, Опочецком,[2] Лужском,[3] при чем в Опочецком и Псковском уездах и в единичных случаях в южных уездах Псковской губернии отмечаются случаи замены *с* и *з* чрез *ш* и *ж*.[4] Другим не менее важным фактом является то обстоятельство, что в XIV и XV веках смешение *с* и *ш*, *з* и *ж* составляло отличительную черту говора Псковской области. Наличность этого явления во всех средне-великорусских говорах, независимо от того, будут ли в них белорусские или южно-великорусские наслое-

---

[1] Труды ДК, вып. 5, стр. 41.
[2] Там же, стр. 38.
[3] Энциклопедия Славянск. Филолог., 11, 1, стр. 328.
[4] Там же, стр. 328.

ния, указывает на то, что оно было свойственно общей основе всех средне-великорусских говоров, т.-е. северно-русскому наречию.

С точки зрения теории ляшского происхождения радимичей наличность в северно-русском наречии мазураканья объясняется тем, что северно-русы, пробиваясь в движении на север чрез ляшские поселения радимичей, усвоили некоторые черты фонетики их говора — мазураканье и группы согласных *дл* и *тл*.[1]

Но тут естественно поставить вопрос, насколько такое объяснение мазураканья гармонирует с состоянием его в современных белорусских и средне-русских говорах, с одной стороны, и показанием западно-русских и псковских памятников письменности, с другой?

Если западная ветвь северно-русов, пробиваясь чрез поселения радимичей, усвоила такие черты ляшской фонетики, как мазураканье и сочетания *дл* и *тл*, то следовало бы ожидать, что говоры западной ветви северно-русского наречия, т.-е. говоры псковской области, как в прошлом, так и в теперешнем своем состоянии должны были бы представлять лишь отголосок того, что было органическим явлением в говоре радимичей, т.-е. в части теперешних белорусских говоров.

Однако ни современные белорусские говоры, ни памятники западно-русской письменности не только не дают указаний на существование в белорусском языке общеславянских сочетаний *дл* и *тл*, но в них нет и таких незначительных следов существования когда-то этих сочетаний, какие представляет западная часть северно-русских говоров в их прошлом и современном состоянии: сочетаний *дл* и *тл* не представляют ни современные белорусские говоры, ни памятники западно-русской письменности. Со смешением же *с* и *ш*, *з* и *ж* дело обстоит так, что в современных белорусских говорах оно не является ярко выраженным или во всяком случае выражено менее ярко, чем в средневеликорусских говорах. Акад. Е. Ф. Карский, правда, отмечает,

---

[1] А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, стр. 54—62.

что во многих местностях Белоруссии мягкое *с* приближается по своему звуку к *ш* мягкому,[1] но указания местностей, где встречается такое произношение, у него нет. Ссылка делается только на смоленский говор на основании рукописи анонимного автора в собрании проф. О. М. Бодянского (№ 162, стр. 6)[2] и на наблюдения Каткова.[3] Акад. А. А. Шахматов же говорит, что «в современных белорусских говорах шепелявость *с′* и *з′*, так же как и *ц′* и *дз′*, почти исчезла».[4]

Не многочисленны и западно-русские памятники, свидетельствующие о смешении *с* и *ш*, *з* и *ж* в белорусском языке в более раннее время. Примеры такого смешения представляет главным образом Летопись Авраамки XV века, Житие Алексея (сборн. XV века Публ. Библ., № 391), Тайна Тайных XVI века, Позн. Сборн. XVI века,[5] Рижская грамота около 1300 года,[6] и некоторые друг. Акад. А. И. Соболевский, характеризуя смоленско-полоцкий говор XIII—XV века,[7] указывает на отсутствие в говоре смешения *с* и *ш*, *з* и *ж*, как на черту, характерную для смоленско-полоцкого говора, отличающую его от псковских говоров.

Совсем иную картину представляют памятники псковской письменности XIV—XV века и современные средне-великорусские говоры. Как видно из приведенного перечня средне-великорусских уездов, представляющих мазураканье, в средне-великорусских говорах оно имеет гораздо большее распространение и выступает более ярко и отчетливо, чем в белорусских. Что же касается памятников письменности, то в псковских памятниках XIV—XV века смешение *ш* и *ж* с *с* и *з* есть явление общего

---

1 Белорусы, т. II, 1, стр. 15.
2 Там же, стр. 457.
3 Там же, стр. 15.
4 Энциклопедия Славянск. Филолог., 11, 1, стр. 315.
5 Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, 1, стр. 492.
6 А. А. Шахматов. Энциклопедия Славянск. Филолог., 11, 1, стр. 327.
7 Русский Филологический Вестник, 1886 г., № 1.

характера и, как уже сказано, составляет отличительную черту псковской письменности.

Сопоставляя смешение *ж* и *з*, *ш* и *с* в средне-великорусских говорах и псковских памятниках XIV—XV века, с одной стороны, и состояние этого явления в белорусских говорах и в памятниках западно-русской письменности, с другой, едва ли можно признать, что мазураканье заимствовано северно-русами у радимичей: живые говоры, западно-русские и псковские памятники скорее наоборот указывают на то, что в северно-русских говорах мазураканье не является заимствованной чертой и идет не с юга на север, а с севера на юг. При этом внимания заслуживает еще то обстоятельство, что состояние смешения *с* и *ш*, *з* и *ж* в средне-великорусских и белорусских говорах в их прошлом аналогично состоянию в этих говорах цоканья и чоканья. В современных белорусских говорах смешение *ч* и *ц* также уменьшается в направлении с севера на юг: его отмечают только на севере и северо-востоке Белоруссии;[1] также и в памятниках западно-русской письменности оно, подобно смешению *с* и *ш*, *з* и *ж*, не является такой общей и характерной чертой, как в псковских памятниках XIV—XV века.

Но если цоканье для белорусского языка признается чертой северно-русской,[2] то естественно также и смешение *с* и *ш*, *з* и *ж* в белорусских говорах признать северно-русской чертой, характеризовавшей западную часть северно-русского наречия и вошедшей в белорусскую фонетику постольку, поскольку северно-русы являются составным элементом белорусской народности.

Каково же происхождение этого явления (мазураканья) в северно-русском говоре, следует рассмотреть в связи с другими явлениями северно-великорусского наречия.

---

[1] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, 1, 461—462; 497—498.

[2] Северно-западно-русской. А. А. Шахматов. Курс истории русского языка. Литограф. изд., ч. II, 2, стр. 58. Иначе, как уже указано, в более поздних работах.

О говорах северо-восточной части Одоевского уезда Тульской губернии.

В. Н. Каменева.

Комиссия по Диалектологии Русского Языка очень обширными материалами по Одоевскому уезду Тульской губернии не располагаст. В напечатанном виде имеются лишь сведения, помещенные в «Трудах» (вып. I, стр. 90—91, 98). Здесь, главным образом в сводной табличке, указаны некоторые диалектологические особенности с. Никольского (на Упе). Летом 1913 г. мною была предпринята небольшая экскурсия на запад от Тулы в направлении Тула-Лихвинской узкоколейной жел. дор. с целью несколько подробнее ознакомиться с теми говорами, которые здесь имеются. В общей сложности диалектологический район Одоевского уезда, мною обследованный, обнимает следующие селения Никольской волости и частью Воскресенской: Савостьяново, Еньково, Ильинское, Улубышево, Елагино, Баздрево, Бредихино, Воскресенское, Выглядовка, Фуньково, Дергаловка, Козаково, Батищево, Дяголевка, Расино, Кадушинка, Поречье, Полянская, Берковая, Апочня, Карачево, Веригино, Морево, Никола-Крюк, Буравлянка.

При взгляде на карту сделается ясным, что весь этот район тянется по северу Одоевского уезда, пересекая Тула-Лихвинскую жел. дор. В северо-восточной своей части он распространяется до Алексинского уезда: село Лошачи находится почти на

границе. К востоку этот же район переходит административную границу Тульского уезда, захватывая селения Островки, Кузьменки, Астафьево, Садки, Балакирево, Логиново, Красавку, Зайцево. Имеющиеся некоторые более подробные сведения мною не проверены. Распространяется ли район всего указанного говора в полном его типовом объеме на селения, лежащие ближе к пограничным с Калужской губернией или далее на юг, точно не знаю, но если верить местным указаниям, в этом можно сомневаться.

Обращаясь непосредственно к самому говору северо-восточной части Одоевского уезда, следует прежде всего сказать о характере аканья. Оно является здесь в таком виде: предударные *о*, *а* совпали в одном звуке *а*. Примеры: умари́лася, скажу́, вада́, вадо́й, вазьми́, пакли́кали. Что касается старых *е*, *ѣ*, *я*, то судьба их в говоре северо-восточной части Одоевского уезда была такова: перед следующей твердой согласной эти звуки в предударном слоге перешли в *'а*. Примеры: сяло́, мяту́т̓, витяро́к, вядро́, вярста́, пъляγо́ничкю, дъляко́, зъмярза́ют̓, лясо́к, бяγу́, д'вяпа́цат̓, вялика́, ръзвяза́т̓. В начале слов: яму́, Яγо́р, но ий-бо́гу (может быть книжное влияние, хотя ср. яй-бо́гу в Богородицком у.). Произношение *е*, *ѣ*, *я* как *'а* перед следующей мягкой согласной в немногих случаях, спорадически, мне встречалось в языке стариков и уже немолодых женщин. Точная регистрация этих случаев невозможна, так-как здесь в одном и том же слове бывает колебание. Примеры: бяри́, дяре́ўня, зямля́, тялёнак, сγрябёш, пиряе́дит̓, мяша́еш, няде́ля.

Однако, наряду с яканьем, перед следующей мягкостью несравненно чаще я отмечал иканье, т.-е. *е*, *ѣ*, *я* в указанном положении произносится, как *и*: бири́, зилёнай, зилине́ли, дися́так, nиве́ска, ниде́ля, Сир̓γе́й, пъмир̓тве́ла, сире́бряный, сирёдка, прибири́, пълижа́ла, силёдак, биля́нка, висти́ма, пъбиγи́тя, питёрка, γлиде́ла, асвитя́т̓. Некоторые примеры на иканье мною записаны от двух молодых женщин, работающих поденно. Говор их подвергся до некоторой степени городскому влиянию, и это

сказалось на их произношении предударных *е, ѣ, я,* но лишь перед следующей мягкостью. Кажется, в таком положении сильное аканье обычно в русских диалектах сопротивляется литературному произношению всего слабее. Впрочем, такие примеры мною отмечены не только у молодежи, но и в языке старшего поколения. Здесь, впрочем, предударное иканье выдержано, как мы видели, не очень последовательно.

После шипящих произношение гласных *а, е* в нашем говоре вообще не отличается от произношения их в других условиях, нами рассмотренных. Так, перед следующей твердостью имсем: пълчаса́, жала́ннай, нъчава́т, чаты́рнацат, чаты́ри (при читы́ри), жана́ (в этом примере предударное *а* близко к *ы*); вчира́сь; перед следующей мягкой согласной: жыне́, чирёмуха.

В слоге допредударном старые *а, о* дали звук редуцированный среднего ряда, условно обозначаемый через ъ (примеры см. выше). Гласные *е, ѣ, я* произносятся, как *и*: пирахо́т, витяро́к, питачо́к. В слоге заударном (неконечном) произношение сравнительно с литературным особенностей не представляет: де́въчкя, вы́бръси, о́зира, ви́дила, се́ила. Но в конечном закрытом (перед согласной) замечается аканье: силёдак, γбрат, бара́нак, ка́шкай, γадо́чкяф; в конечном открытом: ба́ба, на́да. Вместо гласных *е, ѣ, я* в конечном закрытом слоге слышится *и*: де́них, за́иц, ви́дил. В конечном открытом *е* переходит в *'а*: у поля (в поле — на вопрос «куда»); после шипящих: γлу́бжа.

Только что описанный тип аканья зарегистрирован у Н. Н. Дурново, как тип «распространенный преимущественно в помещичьих деревнях Тульской губ.», в котором «отчетливо произносятся лишь гласные ударяемые, непосредственно предшествующие ударению и гласные начала или последнего слога слова». Немного ниже: «Аканье Тульского типа выдерживается в говорах непоследовательно».[1]

---

[1] См. Отчет по разработке материалов по южновеликорусскому наречию для диалектологической карты русского языка в Приложениях к Отчету о деятельности Отделения Русск. Яз. и Слов. Академии Наук за 1906 г., стр. 37.

В разбираемом говоре наблюдается известная замена звука *в*. После гласной перед следующей согласной *в* перешло в *ў*—*у* неслоговое. Примеры: де́ўка, пра́ўда. То же самое и в абсолютном конце слова: каро́ў, Адо́еў (=Одоев). В положении перед гласной, особенно лабиализованной, *в* сделалось билабиальным (условное обозначение лат. буквой w): каро́wы, каро́wy, kwа́су, дwо́р, криwу́ю, яwо́. В начале слова перед согласной *в* перешло в *у* слоговое: усе́, узяли́ся, уро́с̂ (кстати: в местном говоре чаще употребляется выражение «паўро́с̂»). Предлог *в* является в виде *ув*, а *у*, как и вообще начальное *в*, стоящее перед гласной, может являться в виде ув: ув акне́, ув акна́, у Ту́ли; уве́с, уво́ся, увзле́зу (влезу).

Звук *г* (взрывный) в местном говоре отсутствует вовсе, заменяясь соответствующим фрикативным, который произносится очень резко и по месту образования сравнительно с «*g*» (лат. буква) является более задним. Кажется, именно о таком звуке говорит проф. Е. Ф. Будде, отмечая его для Рязанской губ. (К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора. Варшава, 1892 г., стр. 51). Слово «хоровод» произносится кураγо́т.

Звук *к* в положении после мягких согласных и *ч* изменился в *к'* (мягкое): то́лькя, хазя́йкя, крючкё́м, нямпо́жичкя. Далее, из *к'* (мягкого) может являться *т'* (мягкое), впрочем редко, чуть ли не в одном названии дер. Енько́во. Да и то на ряду с «Ин̓т̓ёва» говорят также «Ин̓к̓ёва». Один раз: ти́слый.

Вм. *ф* произносят *хв*: γрымахво́н, ср. выражение: «спели бы песню на γрымахвоне». Спорадические случаи обратной мены, вроде фастать, фатает̓ отмечены для села Елагина. Двойные шипящие произносятся твердо. Примеры см. ниже, в записях.

Дат. ед. личных и возвр. местоим. табе, сабе употребляется наряду с тибе, сибе, причем последние чаще.

В говоре северо-восточной части Одоевского уезда часто встречаются формы 3 л. ед. числа без т̓ не только от глаголов 1-го спряжения, но и 2-го: уле́зя, прапива́я, пъд̄ява́я, γля́ня,

зна́я, атыма́я, ска́жа, свя́жа, прило́жа, мо́жа, ссо́дя, про́ся, сто́я— при адава́ит, пае́дит, зале́зит, ни лю́бит и др. Однако, глаголы с ударением на последнем слоге имеют в 3 л. ед. преимущественно формы с *т*: идёт, придёт, нисёт, тъканёт. Иногда трудно бывает определить, какая из этих двух форм является преобладающей. При ко́сит, хо́дит, бу́дит имеем также: ко́ся, хо́дя, бу́дя.

Средн.-возвратн. залог 1 л. ед. числа оканчивается на *ся:* баюся. Во 2 л. наст. вр. и в 3 л. прош. вр. имеем окончание *си:* байсси, нашо́лси, абярну́лси (= вернулся). То же *си* слышится и в 1 л. множ. числа: баимси.

В описанном говоре мне встречались звательные формы, вроде ба! ма! дя! тё!

Отдельно нужно сделать замечание о говоре деревни Слободы Воскресенской вол., который, к большому сожалению, наблюдать я имел возможность весьма короткое время. В своем чистом виде этот говор теперь, повидимому, уже исчезает, но все же среди стариков и женщин он держится. Крестьяне деревни Слободы, по собранным мною сведениям, барщинными не были, а несли самостоятельную повинность (оброк). Местное произношение — отрывистое и отличается вместе с тем музыкальной интонацией, которую определить точнее затрудняюсь, так-как слышал ее лишь отчасти.

Из особенностей говора, сравнительно с говором всей северо-восточной части уезда обращают на себя внимание: 1) звук редуцированный среднего ряда с оттенком лабиализации, который здесь является вместо предударных и частью до-предударных *а*, *о*. Условно этот звук обозначаю ъ°. Примеры: зъ°тъ°пта́ла, пъ°шо́л, пъ°шла́, скъ°за́л, пъ°ва́шему, пъ°боле́зни. 2) Конечное *в* не переходит в *ў*: любоф, кроф. 3) Звук *в* появляется в начале слова перед *о*, *у:* во́кна, во́сень, ву́тка. 4) Род. ед. прил. мест. оканчивается на-γо. 5) 2 и 3 л. ед. и 1 л. множ. числа глаголов имеет тематическую гласную *е* (не '*о*): пайде́ш, пече́ш. 6) В 3 л. ед. множ. *т* является твердым. 7) Присловия: такая-чка, ий-

богу-шка. 8) Крестьяне по покойникам «голосят», тогда как в остальной северо-западной части уезда «воют».

Хотя вышеприведенные немногие данные и дают кое-какие результаты для характеристики Слободского говора, но их недостаточно, и в дальнейшем диалектологические наблюдения здесь следует продолжить.

Отрывки из разговоров.

А штó ямý дéлъица! Сидúт у дóми, дъ и γбрюшка мáлъ! Дáй минé вядрó вады́, ал kwáсу. Прáўда, ал нéт, штó нъ Пятрóў дéн у нáс иγры́ ни бýдит? Пайдём на рéчкю, идé пирихóдют-та. Чавó γуwарúш?... дъ къбыт э́тъ тритёвъ днú былó! Кладú вот у тýт... Скóлкя на вáшых чисáх урéмь-та? А óн пълитéл, дă сам дó земи (до самой до земли). Вот óн табé ссóдя. Каwóй-та, минé? парá там! Анá, тялýшкъ-та аташшáла саýсём. Щáс табé принясý усяwó мнóγа. Куды́ уж тибé!... С чавó он? Хтó ж за úм паéдит. Нý уж тады́ ни па чём ни вазмут, из Тýлы-ты; скáжут — хвалшúвъя. А чут пъвялá γлазáми, усё прапáла (все пропало). С Питравá дни зъпашú, а с Ильинá — зъскарóд. Дъ óн табé дáст скол уγóднъ. Чúстана (чисто она) сидéла тýта. С шыстú часоў... анá щáс нъ травý. Ляксáп Мúтривна, дáйть зъγваздит (загвоздить) — тапóр мóй скачúл (соскочил). Дъ я́ с јéй видáлъся пирёд твавó. А тó и натюрит кáшку дли сибé. Урéмя-та ишшó ни апóздана. Пасля́ успóмню... Дъ у явó ухá тъ ръспашóная (ухо разорванное). Мúлай! Дъ неш úх тапéря акарóтиш! (лошадей, убежавших в поле). Óн табé атлипяртуя́ (отрапортует?). Я пъдаждý, всяднó дыхнут нáда (все одно отдохнуть надо). Никакúх сярцóв прамéж нáс ни былó. Мы и биз вáшъва γрымахвóну бýдим пéт... Стáрше мъяwó. Усё мы γалóднаи. Хтó тáма? Ис чавó ж ты нáс тáх-та забúдел? Тапéря

кармá плахи́я. Биз запрéсту γуля́я. Ани́ усё пытáли jиjó (ее). Я и биз тажó усé мястá ашля́ла (обходила). С чавó ж ты минé ни пътсыбля́еш... мóжа спат̑ здéс̑ табé γади́ца. Умари́лъся, и́ш ты, на пóли пъγъγатáлъс̑ бы (посмеялась бы). Ниси́тя пита-чóк-та, а тó я́ уйдý. Тáк я́ и лижáла, ни то живá, ни то нéт. Тóл̑кя щáс пабéдали. Няднóй (ни одной) нéт. Шувéл̑ у γлазáх варýют̑. Óн γрит, ваз̑ми́ у минé. Чавó видáл ува снé? Ду явó (да у него) шéс̑ барáнак. Рибитёнки-та мáхъньких. У минé ска-ти́не нéтути. Дъ кък этанá (да как эта она) пришлá — прали́к jиjó ръшшыби́, уж штóб ты не прихади́ла! Дéвъчкя шысти́ γа-дóчкяф. Писáл сы́н-тъ из салдáтов, а лéтъс̑ явó уби́ли. Умари́лис̑ знáт̑, ай пья́ныи. Тýта нéту никавó. Кишки́ вы́тъшшут̑. Как пи́т̑ запрóсит̑, он щáс тълканёт̑. Áй уж ты́ минé пайи́т̑ хóчиш? Ну идé ана? Матрёш! штóж ты с нáми ни γутáрилас̑? Ты бу (ты бы у) дóхтъра спраси́ла. Дъ я́ сирéд̑, с палдня́ былá тáма. У нáс, акурáт, пи́ли, а я́ ни чýю, штó в живатé-та éс̑. Пришлá ка мнé, нý... тýт хърашó пръбяжý-та. Ув въскрисéньи при-хáжу... пади́, γрит, ани устáли (встали); а в читвéрх ана кóн-чилас̑. Тóл̑кя, знáт̑, вы́шъл на двóр... Сáш! я тýта, тибé хóчют̑ зарéзът̑. Так въратúла, дъ усё. У тибé си́ла неш такáя! умéс̑ти с кóриним вы́рвъл-та. Старýха вспылáлъся: ну кýды́ кривýя нъ патрéт пасóдили. Доч̑ увспъминáя: друγγýй зи́му тá лижи́т̑, ни шылахнёца. Кáшыл̑ тъ какóй... дъ уж я́ тáм былá. Идé вáс прали́к нóсит̑! штó ж, тапéря нил̑зя́. Кадá ити́т̑, нáда усё зъпи-рáт̑ нъ замóк. Дъ нý jиjó. А типер̑ каки́я-тъ атымáлки (?) пашли́. Зъγрани́шнинькяй ръстяγáйчик, ажырёлъчки, сирёжки сирéбря-ныи, а нóнчя и ни ръзбирёш, ни тó бáба, ни тó дéука. Купют̑ кисéйнинький... Крючкём зъцыпи́ла, ръзървалá. Ни ухитря́йси, ничавó тибé ни будя.

Помещенные здесь черновые записи переданы частью фонетически, частью орфографически. Кроме того, в северо-восточной части Одоевского уезда мне встречались местные слова и выражения, которые привожу ниже.

агрна́тый — граненый, гранный,

адаля́ — издали,

амиже́нный — жадный,

апричи́ — кроме,

бабу́рить — говорить,

без паддь́іху — без отдыха, непрерывно (о работе),

бу́сарь — глупость (ср. с бу́сарью — придурью),

бyча́ло — овраг,

бь́ітом — чередом, порядком, образом (ср. этим бытом),

вере́тье — ткань,

во́сел — веревка,

вью́шка — 1) крышка для закрывания трубы в печке (верхняя), 2) катушка с нитками для вымеривания (столярная принадлежность),

гамза́ — деньги,

го́риться — печалиться,

движо́к — четырехугольная крышка для закрывания трубы в печке (нижняя),

дрь́інкать — стучать, греметь,

жа́лочка — милая, хорошая (ласкат.),

жу́стрить — есть (самый процесс еды),

забулдь́іжный — погибший, «потерянный»,

за́годя — раньше, своевременно,

закута́ть — закрыть (трубу печки),

зевла́стый — крикливый, шумливый,

изва́р — ушат,

карсе́тка — женская безрукавка,

кочатых, кочадык — шило (полукруглое), употребляемое при вязании лаптей,

кураүо́д — хоровод (ср. выражение «иүрать кураүо́д»),

личма́нистый — представительный лицом,

ля́ска́ть — тормошить, мять (напр., кошку),

нады́сь — недавно, тогда,

нара́не — рано утром,

начереди́ть — наделать бед, сильно запутать дела,

ога́снуть — умереть,

па́пушливый — спелый,

пелёда — концы соломенной крыши,

пихтéрь — круглый плетеный мешок,

потя́пкать — съесть,

просёв — см. уполь,

простахва́том — без затруднений, легко,

пятишо́вка — женская одежда,

раско́чный — (роскошный?) легкомысленный, распутный (о жизни, женщине),

садо́вшык — садовник,

ско́рка — корка,

скотинёнка — уменьшит. от «скотина»,

слухмённый — имеющий чуткий слух,

спа́пашливый — проворный, бойкий,

стебану́ть — побежать,

теплы́нька — загон для скота,

тихомо́рно — втихомолку, тайком,

толога́нить — шуметь, кричать,

укуко́блить — убрать (хлеб),

у́поль — место на вспаханном поле, случайно не засеянное и поэтому оставшееся без растительности,

ую́ченый — уютный,

хлу́д — коромысло,

хрепту́к — холстинный мешок,
ча́пельник — крюк на палке для вынимания сковородок,
шармово́й — даровой,
ши́ром — даром,
щуня́ть — бранить.

Отчет о диалектологической поездке в северную часть Воронежской губернии летом 1914 г.

В. Н. Каменева.

По поручению Московской Диалектологической Комиссии летом 1914 г. я совершил диалектологическую поездку по Задонскому уезду Воронежской губ. Я не имел в виду останавливаться в пределах только этого района, а намеревался исследовать и соседние говоры Орловской и Тамбовской губерний. Первоначально в мои расчеты входило также познакомиться хотя бы отчасти с говорами Землянского уезда, но при более близком соприкосновении с условиями местного сообщения пришлось от этой мысли отказаться. Таким образом, мое диалектологическое исследование поневоле пришлось ограничить одним Задонским уездом, да и то не вполне, хотя общая картина говоров этой местности вообще представляется мне достаточно ясной.

В начале июня я выехал из Москвы по направлению к Ельцу, откуда на лошадях мне нужно было переправиться в пределы Воронежской губ. В Ельце я пробыл около двух часов, и за это время имел случай наблюдать говор местных ямщиков на постоялом дворе. Об этом наблюдении я скажу ниже. Приехав в гор. Задонск, я в тот же день отправился далее, в южную часть уезда и с этого момента начал производить общее изучение говора, о котором до тех пор я имел некоторое, но все же поверхностное представление. Это представление составилось

отчасти из материалов Диалектологической Комиссии, отчасти из тех наблюдений над местным произношением, которое мне приходилось слышать в поезде. Детально я обследовал, главным образом, Хлевенскую волость. Надо отметить, что имевшаяся у меня карта Воронежской губ. в издании А. Ильина не отличается точностью в обозначении селений, поэтому за время моей экскурсии мне неоднократно приходилось ее исправлять сообразно с моим маршрутом. Например, в указанной волости, кроме с. Хлевного, Елецкой Лозовки, Конь-Колодезя, Дубово́го, я был еще в Дубовских Выселках, в Знаменке, в Волчьей Поляне (небольшая деревня, почти примыкающая к северной части с. Хлевного), а также в Маланьинских Выселках (на карте помечено Маланьино) и в Елецком - Маланьине. Последняя деревня расположена не на большой дороге, как указывает карта, а немного левее; на дороге же расположены Маланьинские Выселки.

Эта неточность карты до некоторой степени мешала мне ориентироваться в наблюдаемом районе, но для изучения местной диалектологии не могла иметь каких-либо последствий, так-как здесь селений, отличающихся своим говором от соседних деревень не встречается. В с. Хлевном мною впервые записаны примеры, указывающие на характерные черты этого говора. Прежде всего я обратил внимание на аканье. Это аканье — предударное после мягкости — развито довольно сильно и может быть отмечаемо как перед следующей твердостью (сяло́), так и перед следующей мягкостью (тяле́жка). Такое явление следует отнести ко всей территории Задонского уезда (кроме разве только самой северной его части), не исключая, повидимому, и волости Сенновской, где собранный мною диалектологический материал относится только к деревне Синдякино. Такое заключение я делаю на основании говора деревень соседних волостей Ксизовской (Алисово, Балахна, Ольшаной Колодезь, Юрьево) и Воронежско-Лазовской. Здесь карта снова нуждается в некоторых, хотя и несущественных, поправках: Воронежская Лозовка,

Малая Лозовка, Курино, Подгорное, Воробьевка, Большой Мечек, Малый Мечек, Малинки.

Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, при которых я находился во время всей поездки, мне все-таки удалось и здесь проследить тот же самый характер аканья, который распространяется и далее к северу в волости Грязновскую, Стебаевскую, Александровскую, Тешевскую, Казинскую. Здесь, как и в южной части уезда, наблюдается аканье того же типа (см. ниже). Говоря об аканьи, должен сказать, что мною в Задонском уезде замечено также и оканье, вряд ли появившееся в местном говоре под влиянием малорусского наречия, распространенного в южных уездах Воронежской губернии — Бирюченском, Богучарском, Острогожском. Правда, местные крестьяне зимой обыкновенно ездят работать на шахты в области, занятые малорусским наречием, но этим соображением факт заимствования не объясняется. Исследовав центральную часть Задонского уезда, я пришел к тому выводу, что здесь не замечается никакой разницы с говором южной его части, так-как встречаются одни и те же характерные черты. Желая выяснить диалектологическую картину северной части Задонского уезда, я пешком направился в Нижне-Студенецкую волость — следующие деревни: Патриаршую, Никольское, Рогожино, Бутырки, Синявка. И в этой волости мои диалектологические наблюдения не вносили ничего нового сравнительно с тем материалом, который уже был у меня, и лишь подтверждал прежние выводы. Эти выводы сводятся к следующему.

Аканье. Предударный слог. Старые звуки *а, о* отчетливо совпали в *а*. Впрочем, кое-где мною отмечено и не совсем отчетливое их произношение — спорадически. Выше упомянуто, что наряду с аканьем встречаются случаи оканья, которое здесь редко и довольно непоследовательно, так что никаких законов его появления дать нельзя. Это оканье сколько-нибудь существенного значения в местном говоре для его характеристики не имеет.

Аканье после мягкости (яканье) — диссимилятивное. Старые

е, ѣ, я в предударном слоге перешли в *'а*, если следующий слог (ударяемый) не имеет гласного *а*. Впрочем отмечены некоторые спорадические случаи вроде «вярста». Звук *е* в отрицании *не* также переходит в большинстве случаев в *'а*.

Примеры. Зъхате́ла, зъвари́л (но: завари́лси), дъраγо́й, пъважу́, γълава́ (но γалава́), пътало́к. Кроме того: павярни́, прарвала́сь (у Елецкого ямщика из гор. Задонска). — Дянно́й, яму́, лясу́, чиряз До́н, чиряз ве́рх; но: пирястá́ла, смяка́ть, ляка́рство. — Приняси́, пиривярни́, пиряйде́шь, бяри́, вязде́, сярди́тый, рячьми (речами), мяша́ешь. — Ня спи́шь, ня сде́ржица, ня лу́чше, ня зна́ю; но: ни быва́еть, ни ляγли́, ни пря́мо.

В слоге допредударном, а также в заударных слогах, неконечном и конечном закрытом, *а, о* подверглись редукции и совпали в одном звуке, который принято обозначать через ъ (славянская кирилловская буква), а звуки *е, ѣ, я* в тех же положениях перешли в *и*. В конечном открытом слоге звуки *а, о* совпали в одном звуке *а*, а звуки *'а* и *'е* в *'а*. Что касается *ѣ*, то в конечном открытом слоге, наряду с обычным для этого говора в *и*, по крайней мере для Хлевенской волости, я отметил один раз — «у поля» (в поле).

Из остальных особенностей отмечу сильную лабиализацию после гласной перед следующей согласной и в абсолютном конце слова *в* перешло в *ў* (неслоговое), перед следующей гласной *в* стало билабиальным. В некоторых говорах Лебедянского и Липецкого уездов этой черты, насколько мною выяснено, не наблюдается.

Произношение звука *г* южно-великорусское.

Отмечено смягчение задненебных согласных: *к̓а, к̓у* . . .

Замена звука *ф* через *х, хв*.

Твердость произношения двойных шипящих.

Род. пад. ед. числа прилагательных и местоимений имеет окончание *-ово, -ова*. На протяжении всей территории, мною обследованной окончание *-оγо, -оγа* нет, но оно встречается в центральной части Землянского уезда и далее к западу.

3-е лицо глаголов обычно без *т̆*. Это явление я наблюдал лишь для единственного числа; отпадение *т̆* в 3-м лице множественного числа не встречается. Примеры: ля́жа, ˋбу́дя, мо́жа, хо́ча, уве́рня, кача́ (качает), слязя́я, куся́я, дастя́ня, заблю́я, ка́шляе; но: малчи́ть, кричи́ть, быва́еть, бали́ть (последная форма отмечена 3 раза).

Окончание возвратного залога -*си*.

Согласование: вы куда ходил?

Следует особо отметить фонетическую черту, именно, в наст. времени глаголов 1 спряжения звук *е* в положении не перед следующей мягкостью не подвергается переходу в *'о*: пьеть, растеть, пайдешь, папьешь, пайдем.

Из этих заметок, которые я делал втечение всей своей поездки, можно заключить, что 1) во всей южной и центральной частях Задонского уезда говор один и тот же; 2) малорусское наречие никакого влияния на него не оказало, разве только в словаре, да и то мало (нехай, що). Теперь сообщу свое впечатление о диалектологической картине северной части уезда. Сюда, видимо, распространяется тот же говор (есть указания о говорах селений Кошары и севернее Бутырки, Патриаршая). Но за мое короткое пребывание в волостях Ивовской и Докторовской я заметил, что предударное аканье после мягкости некоторых селений здесь менее сильно: или произношение старых *е, ѣ, я* вообще сходно с литературным произношением тех же звуков, или же произношения этих гласных, как *'а* в положении пред следующей мягкостью (в слоге предударном), не наблюдается, например запись из селения Сурки (в 4 км от Докторова, на карте не обозначена): д̑в*и*на́ц̑ать, пир*и*́ехала, съγр*и*ша̀ити (согрешаете), м*и*шко́м, иму́ (ему; здесь, правда, *и* как бы склонно к я); отрицание ни: ни вида́л, ни маγу́, ни ад̑ам.

В противоположность остальной территории Задонского уезда звук *е* в глаголах 1 спряжения переходит в *'о* (отмечено в Докторове); род. пад. ед. числа прилагательных и местоимений имеет окончание-*γо*: каγо́, чаγо́ (Лубны). У одной старой женщины я

слышал звук *г* взрывный; два или три раза окончание 3-го лица ед. числа глаголов — т (твердое), но вообще в северной части Задонского уезда это окончание чаще отпадает. Наконец, в тех селениях Докторовской вол., которые лежат недалеко от границы Лебедянского уезда (Донская, Отскочное, Пружинки, Калинино, Яблоново), замечается еще одна особенность: окончание 3-го лица мн. числа настоящего времени глаголов -цуть: смеютцуть, радуютцуть. Последняя особенность довольно широко распространена в Лебедянском уезде.

Таким образом, Задонский говор не покрывает самой северной части уезда, а с другой стороны он не ограничивается только центральной и южной частью его, а распространяется и далее, в пределы Орловской губ. Доказательством этому служат мои диалектологические записи, сделанные во время маршрута от Ельца до Задонска. Судя по говору местных ямщиков, можно заключить, что прилегающая к Воронежской губ. часть Елецкого уезда в диалектологическом отношении с Задонским разницы не представляет. На это же указывают и те краткие сведения о говоре Елецкого уезда, которые имеются в «Опыте русской диалектологии» акад. А. И. Соболевского. В южной и юго-западной своей части Задонский говор заходит в Землянский и Воронежский уезды, распространяясь на селения: Дмитрашевка, Колыбелька, Сцепное, Писаревка, Дегтево, Нережа, Ломовец (пограничные). Как далеко он продолжается далее вглубь Землянского уезда — вопрос, для меня невыясненный. Можно только отметить, что в центральной части Землянского уезда наблюдается уже различие в говоре. В Воронежском уезде Задонский говор слышится в селениях Лопатки, Борки, Ступино, но далее на юг в говоре сказалось уже городское влияние. В юго-восточной части приблизительной границей Задонского говора является станция Графская (жел.-дор. линия Козлов—Воронеж), откуда далее к северу начинаются уже говоры Тамбовской губ. Что касается восточной границы Задонского говора, то ее можно провести по реке Воронежу, откуда она поворачивает

несколько влево, совпадая с административной границей Липецкого уезда.

Вот все, что я могу сказать на основании своей поездки о говорах северной части Воронежской губ. Одним из результатов поездки является, следовательно, характеристика того говора, который я условно назвал Задонским. Не совсем выясненным остается вопрос о точных границах этого говора, и этот пробел особенно резко ощущается с севера вследствие того, что волости Ивовская и Докторовская остались мало исследованными. Изучение диалектологии самого северного уголка Воронежской губ., может быть, нужно вести совместно с изучением соседних говоров Тамбовской губернии. Такое предположение возможно ввиду отмеченного мною некоторого, вероятно частичного, сходства между говорами самой северной части Задонского уезда с пограничными говорами уездов Липецкого и Лебедянского.

В заключение считаю долгом выразить Диалектологической Комиссии свою признательность за оказанную мне для этой экскурсии материальную поддержку.

Приложение к словарю Задонского уезда.

Абу́жа — обувь.

Бу́сый — пьяный.

Вплéтник — см. косник.

Вьюгá — летняя пыль по дороге, поднимаемая ветром.

Вя́херь — холстинный мешок.

Гамзá — мелкая рыба.

Глóтошница — дифтерит.

Драгáть — трясти.

Зáмять — снежная буря.

Иγы́ — да (утвердит. частица).

Карчáшка — кувшин для молока.

Косни́к — ленточка, вплетаемая в девичью косу (ср. северно-великорусск. «косоплетка»).

Кострецы́ — ребра у лошади.

Кувéт — канава.

Курнáться — окунаться.

Кусóк — мясная еда вообще.

Лóг — лощина.

Марине́тка — женская кофта.

Махо́рчики — бахрома.

Обо́рка — см. ры́скал.

Полове́нь — помещение, куда складывается обмолоченная рожь.

Поло́вник — ковш.

Поля́нка — ср. Одоевск. «просёв».

Рога́ч — ср. «ухват».

Рота́стый — крикливый.

Ры́скал — веревочка на двери.

Са́ра — деньги.

Сва́йка — полукруглое шило для вязания лаптей.

Свежина́ — ветчина.

Табе́ль — автомобиль.

Теге́рька — свисток.

Убо́рт — украшение.

Усты́ — печной полукруг.

Утёрка — полотенце.

Чекме́нь — армяк.

Челябу́ха — водка.

Шушпа́н — женский белый халат (верхняя одежда).

Щека́зный — зажиточный.

О говоре Переславль-Залесского уезда Владимирской губернии.

Р. И. Аванесова.

Настоящая статья заключает в себе обзор звуков и, отчасти, форм говора Переславль-Залесского уезда и предваряется несколькими вводными замечаниями по интонации.

Материалом нам служили, главным образом, личные наблюдения, сделанные летом 1924 г.; кроме того нами использованы две рукописи Академии Наук СССР, хранящиеся в библиотеке Академии с середины прошлого века. Автор их — некий Н. Бодров, старший учитель Владимирской гимназии. Одна из них называется: «Народные и областные слова Переславльского уезда. 1848 г. Июнь». (рук. № 17); другая: «Владимирское паречие. 1853. Октябрь». (рук. № 16).[1]

Как общую манеру говорения местного населения, нужно отметить манеру удлинять предударный слог, повышать при этом несколько тон и произносить его со значительной силой экспирации. Это явление особенно заметно, когда ударение находится не на 2-м, а на 3-м (или более) слоге от начала слова. Например в произношении слов: пъгл'ади́, зъјавле́нı̯ь, Вишн'ако́въ,

[1] Ссылки на эти рукописи имеются в работе Зеленина Великорусские говоры с неорганическим смягчением задненебных. СПб. 1913. См. стр. 469—172, 489—504. Кроме того о говоре Переяславль-Залесского у. нам известна еще Сводка ответов на краткую Академическую программу Н. Н. Дурново—в Трудах ДК., в. 1, стр. 68—69 и Заметка о говорах Владимирской губ. Н. П. Кашина — там-же, стр. 17—23.

ничаво́, ф сьнт’абре́, зъхои́те (заходите), зъгл’ани́ и других, предударный слог сильно растягивается в произношении, получает особую экспираторную полновесность и, кроме того, произносится с заметным повышением тона. При этом наибольшая высота тона приходится на начало слога, а затем, внутри слога идет понижение. Общее впечатление от этого произношения такое: предударный слог как-то особенно выпячивается, растягивается и произносится медленнее, протяжнее всех других. В таких случаях акустически именно предударный слог является вершиною, наиболее полновесным слогом в слове, а не ударный.

Может быть это явление следует поставить в связь с количеством гласного в допредударном слоге? Дело в том, что допредударный слог в этих случаях претерпевает сильную редукцию, как будто бы бо́льшую, нежели в нашей литературной речи. Иногда он стремится к абсолютному нулю в отношении слоговости. Так, например, говорят: гр^{ъ}моте́ȷ̨, з^{ъ}гл’ани́, ф сьнт’абре́— с самым слабым гласным элементом, а то и без него: згл’ани́, псмотри́.

Фонетика.

Гласные.

Вот как характеризует Владимирский говор вообще Н. Бодров: «Владимирское наречие занимает средину между Московским и Костромским. От Московского или общепринятого отличается оно тем, что буква *о* или *ё* (= *ьо* или *йо*), стоящая перед слогом высоким,[1] всегда выговаривается открыто вполне ясно. Только перед мягкими согласными *е* остается неясною, не произносится как *ё*. Так: сов*е́*т, хар*о*ш*о́*, с*ё*л*о́*, п*ьо*ту́х, *йо*во, но об*е*рни́с, в*е*с*е*ли́с, аб*е*ньча́тца (обвенчаться), а не обёрнис и т. д. . . .».

«В деревенской речи, во 1-ых, встречаются крайности в выговоре буквы *о*, — пристрастие к этой букве. Не только на

[1] Т.-е. ударяемым. *Р. А.*

предшествующем высокому слогу, но и все вообще буквы *о*, сколько бы их ни было перед ударением, выговаривается открыто; например, *толокнó*, *колоколó*; по-городному же: *талокнó*, *калаколó*. Даже часто букву *а*, складом непосредственно стоящую, переделывают на *о*, например, холат, стокан, Просковья. Во 2-х, замечается иногда сворачивание буквы *о*, предшествующей высокому слогу, на *у*, например, *бурáнина*, *Прусковья*; а чаще сворачивание *ѣ* на *ё* в том же случае, например, нёмой, слёпой и пр. В 3-х, по всей губернии распространено в деревенской речи цваканье, выговор вместо *ч* буквы *ц* и даже цчваканье, выговор вместо *ч* и *ц* буквы *цч*. Впрочем в западной части Владимирской губ. — в уездах Переславском, Александровском и Юрьевском — это почти совершенно вывелось».[1] Далее Бодров перечисляет другие, более мелкие, особенности Владимирского наречия.

Что касается собственно Переславского говора, то он мало отличается от основного Владимирского наречия. О говоре Переславль-Залесского уезда Бодров замечает: «Здесь наречие Володимерское. Отличается оно от Московского господством буквы *о* (вместо *а*). Все буквы (или уже непременно одна) *о* и *ё* (= *ьо* или *йо*) в слоге до ударения выговариваются открыто, вполне ясно; за ударением же слышны как *а* (по-московскому). Так, например, хорошó или (нежнее) *харошó*, *сьолó*, (село), йовó, *недáвна*, *дóбрава* и т. п. Иногда (в вольных деревнях) слышны и крайности; так, говорят: холáт, торокáн, стокáн, лохáнь и т. п».[2]

Так характеризует Переславский вокализм Бодров. Теперь перейдем к нашим наблюдениям.

Оканье. Звук *о* в предударном слоге безусловно сохраняется. Говорят: корóвъ, плохóі̯, робóтъ дорóгъ; съ столá, водá, коса, роскáжът; попéли, водé, чьловéк; воды́, косы́; роди́тел’, коси́т’, носи́т’; пошу́, кошу́, а также: зобóтъ, стокáп, оптéка, Ондрéі̯, Овдóтı̯ь и др. Только в единичных случаях пришлось слышать *а*: ана́,

---

[1] Рук. Библиотеки АН № 16.
[2] Рук. Библиотеки АН № 17.

хърашó, (деревня Конюцкое); *ма*во, тв*а*во (около Переславля), *а*бмануть, *а*т тебя (село Половецкое).

Что же касается *о* во 2-м от ударения слоге, то оно звучит разно. В прилегающих к городу деревнях, большей частью, слышится редуцированный. Обычно говорят: гълосóк, гъродóчьк, мълокó, хърошó, пъцалýй, съзнајýс, пъгул'áј̯, пъгл'адéт', пъдојý. Однако к северу от Переславля (по направлению к Ростовск. у.), начиная с села Маурина (а также в Троицком, Подберезьи, Рыкове, Лыченцах, Алферьеве и др.) это *о* обычно сохраняется. Здесь говорят: хорошó, молокó, иконостáс и др.

В послеударном слоге *о* также редуцируется или изменяется в *а*. Говорят: гóрът, дóхтър; но чаще тут слышится звук более заднего и открытого образования: гóр*а*т, э̍т*а*т, вóлас' (волость), нáд*а*, мéст*а*, дóбр*а*в*а*, в гóр*а*де, пáл*а*чка, мýс*а*ръ (мусора). Обычно говорят: тут р'áд*а*м (рядом), зъ Офóнин*а*м; с'о лéс*а*м иди; большóј̯ дорóг*а*ј̯; съ старýх*а*ј̯, с тыкваj̯; рéтк*а*ј̯, мáхоньк*а*ј̯, свéж*а*ј̯, дúк*а*ј̯, нóнишн*а*ј̯, стáрш*а*ј̯, д'ýж*а*ј̯, переслаф'ск*а*ј̯, хорóш*а*ј̯ и др.[1]

Начальное *о* в слоге, не непосредственно примыкающем к ударяемому, часто произносится с бóльшей лабиализацией и при более высоком подъеме языка: убрасцы́, угурцы́, уб'асн'ý, пи уднобó, усиротáл, уб'азáтел'нъ, уставл'áт' (оставлять), уприделúт'. В зависимости от соседних губных иногда *о* и в предударном слоге изменяется в *у*: п*у*д'*о*́м, б*у*рáнинъ, *у*бúд'ал (обидел), п*у*сéј̯ьли.[2]

Таково окание в Переславль-Залесском уезде. Звук *о* безусловно сохраняется только в предударном слоге. Во всех остальных положениях он изменяется: редуцируется (во 2-м предударном

---

1 Конечно, это *а* на месте послеударного *о* в количественном отношении не отличается особой полнотой. Точнее его нужно было бы обозначить, как ъ^{a} редуц. склонный к *а*). Мы же для простоты обозначаем этот звук, как *а*, полагая, что этим мы отмечаем его главное свойство — то, что он более заднего и более открытого, низкого образования, нежели обычный редуцированный.

2 Сюда же следует отнести и с*у*мовáр, в котором *а* во 2-м от ударения слоге стало редуцированным, а затем подверглось ассимиляции со стороны соседнего губного *м*.

и 1-м послеударном) или изменяется в *у* (во 2-м и больше слоге до ударения, иногда и в 1-м предударном) или же изменяется в *а* (в послеударных слогах).

Теперь перейдем к обзору других гласных.

Звук *а* после мягких (*'а*) в предударном слоге звучит различно. На севере уезда, ближе к Ростовскому уезду говорят — п*е*ти́, дес*е*ти́, гр*е*зи́, гл*е*ди́, п*е*тна́цът', а также и под ударением между мягкими: п*е*т', гр*е*с' и проч. В большинстве же обследованных пунктов мы слышали *'а*: п'*а*ти́, гр'*а*зи́, гл'*а*ди́, пуст'*а*ки́, дис'*а*ти́, дир'*а*ве́нскаі̯, уб'*а*за́тьл'нъ, дьс'*а*ти́нъ, п'*а*тна́цът', уб'*а*сн'у́, пъгл'*а*дет', зъгл'*а*ну́л, вз'*а*ла́съ, пр'*а*ду́, п'*а*то́к, ч*а*сы́, ш*а*лу́н и проч.

Звук *ѣ* обычно совпадает с литературным произношением. Лишь в некоторых словах перед следующим твердым согласным слышится *'о*: п'*о*шко́м, п'*о*ту́х, в л'*о*су́, б'*о*гу́т, р'*о*ка́. Но наряду с п'*о*шко́м говорят и п'*а*шком, при этом не случайно, а довольно последовательно и в ряде пунктов. Так, пришлось слышать: б'*а*да́, ц*а*на́, расп'*а*ва́і̯ут, св'*а*ты́ (цветы), б'*а*ды́, п'*а*ви́ца, дъ р'*а*ки́, к р'*а*ке́, уб'*а*жа̀л, р'*а*ши́ли, і̯*а*д'а́т, стр'*а*л'а́ли и проч. В отдельных случаях *ѣ* и после ударения звучит, как *'а*: уви́д'*а*л, уби́д'*а*л.

Звук *е* перед ударением (и твердым согласным) обычно звучит, как *'о*: см'*о*та́нъ, в'*о*сна́, с'*о*стра́, в'*о*сла́ (родит. падеж), с'*о*мна́цът', фс'*о*во́, с'*о*ло́, т'*о*пло́, с'*о*во́д'ни, і̯*о*шо́, і̯*о*во́, в'*о*сло́, н'*о* то, н'*о*мно́га, захл'*о*сну́л, прин'*о*су́т, м'*о*ту, л'*о*жи́ (но н'*а*си́), нич*о*во́, вч*о*ра́, ч*о*ты́ри, ч*о*му́, ш*о*пта́л. Также во 2-м предударном слоге: н'*о* поі̯о́м, н'*о* отку́дъ, н'*о* полу́чим. Но кроме того нередко и довольно последовательно *е* предударное произносится и как *'а*. Так, говорят: три в'*о*рсты и три в'*а*рсты, с'*о*стра́ и с'*а*стра́, і̯*о*во́ и і̯*а*во́ и проч. Нам пришлось слышать фразу: «ш̄'ас прин'*о*су́т п'*а*ску́», т.-е. одновременно, в одном и том же положении и ёканье и яканье. С яканьем нами записано: два в'*а*сла́, л'*а*та́т', про́в'*а*ла́, от хр'*а*ста́, ж*а*на́, кор'*а*шо́к, чир'*а*з го́т, з ж*а*но́й, ътч*а*во́, ш*а*но́, прин'*а*си́, з'*а*мли́, в'*а*ди́, с'*а*рту́к, ч*а*ты́рнъцът', з'*а*мл'а́, н'*а*л'з'а́. Такое *'а* довольно обычно в отрицательной

частице *не*: н'*а* знаі̯у, н'*а* нáда, н'*а* óчен', н'*а* пóмн'у. Отметим для полноты еще два примера: с р'*а*сýнкъм, где н'*а*бýт'.

Послеударное *е* звучит, как '*о* обычно в говорах, сохранивших послеударное *о*. В нашем говоре, как мы видели, такое *о* большей частью редуцируется или изменяется в *а*. Поэтому можно бы было ожидать, что и *е* послеударное не будет звучать, как '*о*. Однако большей частью нам приходится отмечать именно '*о*. Обычно произношение: мóр'*о*, пóл'*о*, фторói̯*о*, трói̯*о*, плохói̯*о*, ходи́т'*о*, проi̯ди́т'*о*, пói̯т'*о*, иди́т'*о* и др. Но иногда приходилось отмечать утрату лабиализации, передвижку артикуляции вперед, и в результате редуцированный передне-среднего ряда (близкий к *е*): пóл'ъ, идит'ъ. Переходной ступенью от пóл'*о*, иди́т'*о* к пóл'ъ, иди́т'ъ вероятно является — пóл'*а*, иди́т'*а*, мóр'*а*, трói̯*а* и проч., довольно часто встречающееся в уезде.

В конечном закрытом слоге также нередко *е* послеударное звучит как '*а*: не узнáі̯*а*ш, пáхн'*а*т, ни проi̯éд'*а*ш, ки́н'*а*м, копéi̯*а*к, вéт'*а*р, дéн'*а*к, бýд'*а*т, гри́вян и др.; '*а* встречается также и не в конечном слоге: óз'*а*ро, прéжн'*а*му, дéн'*а*шки и проч. В одном пункте (с. Купань в 13 км от города) пришлось отметить также óз*и*ро, прéжн*и*му.

Такова судьба *е* в описываемом говоре. Почти во всех положениях *е* подвергается тем или иным изменениям. В то время, как оканье в 1-м предударном слоге сохранилось вполне, ёканье поколеблено: на наших глазах начинают проникать в говор элементы яканья. В послеударных слогах '*о* держится, но далеко не повсюду и не во всех случаях. Отмеченное нами частичное проникновение яканья является чертою новой. Об этом с несомненностью свидетельствуют цитированные выше работы Бодрова. В его рукописях нет ни одного случая с яканьем. Он всегда пишет: «сьолó, йовó, пьотýх, нёмóй» и т. д. Значит в середине прошлого века иного произношения, кроме ёкающего, еще не было. Эту новую черту в *е* (как и аналогичные явления в судьбе *ѣ* и '*а*) нужно объяснить влиянием переходных ср.-в.-р. говоров, которые на юге от Переславль-Залесского уезда тянутся с востока

на запад. Но дело в том, что Переславль-Залесский уезд не граничит непосредственно с этими переходными говорами, а отделен от них рядом уездов — Александровским, Дмитровским, Покровским, Богородским. Поэтому для окончательного решения вопроса, нужно обследовать эти уезды с точки зрения распространения в них яканья.

Если принять во внимание, что яканье при оканье есть в Дмитровском уезде,[1] в Бронницком уезде,[2] как и в Клинском,[3] то можно думать, что оно есть также в Александровском и Богородском уездах, т.-е., что яканье (в той или иной форме и степени) идет сплошной полосой от области переходных говоров к Переславль-Залесскому уезду. Тогда непосредственное влияние ср.-в.-р. говоров на наш говор будетъ несомненным. Очевидно, что изучаемый нами говор приближается к типу тех, которые авторами «Опыта диактологической карты» отнесены к категории «говоровъ с намечающейся переходностью».[4]

Здесь перед нами возникает большая проблема — с чего начинается разрушение сев.-в.-р. вокализма, когда он подпадает под влияние ср.-в.-р. говоров? В нашем говоре яканье проникает раньше, нежели начинает утрачиваться оканье. Как это согласуется с данными других говоров? Какие ср.-в.-р. (вернее ю.-в.-р) черты раньше всего начинают проникать в с.-в.-р. говоры? С чего обычно начинается влияние, с частичной ли утраты оканья или ёканья? Все это — вопросы, еще ждущие своего детального изучения.

Таковы наиболее характерные черты вокализма в говоре Переславль-Залесского уезда. Отметим еще широко распространенное стяжение гласных: знам, знаш, зде́лам, ду́му (думаю),

---

1 По наблюдениям Д. Н. Ушакова. См. «Опыт диалект. карты», стр. 101.

2 См. Н. М. Каринский. О говорах Бронницкого у. ИОРЯС, 1903, т. VIII, кн. 1 и 2.

3 См. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверск., Клинск. и Московск. уездов. Сб. ОРЯС, 1904, т. 75.

4 См. «Опыт диалект. карты», стр. 45—47.

ска́зывут, конча́ц͡ъ (кончается), зде́лъц͡ъ, кака́ шту́ка, друга́ дочь, бол'шо гбр'о, бу́ра ло́шат', кл'ючава́ вода́, но́во пла́т'ịо, мому́, твому́, свому́; а также: с Олексе́м, в Ондре́фскъм, копе́к, отец Лени́т (Леонид) и др.

Наконец, заметим еще единичные произношения: зве́зды вместо звёзды, де́р'гъли вместо дёргали, зеле́нен'късь вместо зелёненький, крык, крычат' вместо крик, кричать и т. д.

Согласные.

1. Встречается смягчение задненебных: то́л'к'ä, мане́н'к'ӱ, пе́сьн'к'ä, Ван'к'ä, Вес'к'о́въ (вместо Весько́во), а также Вант'а, Вест'о́въ, с угол'т'а́.

2. Звук *в* перед *с* часто выпадает: се, с'о (все, всё), стреча́ị (встречай), Моско́скаị и др.

3. Иногда вместо *х* является *к*: *к*ърони́т', *к*ърово́т (хоровод), *к*леф (хлев), про*к*лажа́ц͡ъ. И обратно: *х*рест, *х*то, тра*х*ти́р, до́*х*тър, *х* кому́, *х* П'отру́.

4. *Г* взрывный; фрикативный же встречается лишь в следующих словах: боγа́ч, боγа́таị, γде (или просто де), благоро́днаị.

5. Иногда один губной заменяется другим: вместо внук — *м*нук, *м*ну́чек; *в*но́га, по́*в*н'у вместо много, помню. В некоторых случаях *м* заменяется *н*: *н*и́мъ (вместо мимо; так говорят всегда), нильцъане́р (милиционер). Отметим кстати: ъграмо́н (агроном).

6. Сочетание *нъш* всегда твердо: ра́нш, ме́ншъ, то́ншъ.

7. Слова «возьму», «письмо» часто имеют твердые *з*, *с*: возму́, возми́, писмо́.

8. В конечных сочетаниях *-с'т'* звук *т'* обычно выпадает: страс', пре́лес', ес', во́лас' (страсть, прелесть, есть, волость), обокра́с' (обокрасть), а также жыс' (жизнь). Иные случаи — крес'ја́нин, захл'осну́л (крестьянин, захлестнул), выдас' (выдаст).

9. Губной (обычно *в*) перед *у* иногда выпадает: де́ушкъ (девушка), ба́ушкъ, п'оу́н (певун=петух), лоу́шкъ, зоу́т. С другой

стороны, Бодров отмечает: суро*в*ешка, руко*в*ятка с *в* вместо ļ между гласными.

10. Иногда выпадает *д* между гласными: гл'аи́-ка (гляди-ка), зъхои́т'о (заходите), пъгои́ (погоди), гл'аэ́т' (глядеть).

11. Конечные губные мягки: сем', кроф' и т. д.

12. *ш*, *ж* долгие обычно тверды: во́ж̄ы, ш̄у́ка, иш̄у́, но встречаются и мягкие.

13. В единичных словах на месте *ц* является *с*: *с*в'аты́ (цветы), рас̄в'ата́ļут (расцветают), сэ́ркъф' (церковь).

14. Также в единичных случаях вместо *ч*, *ш* является *с*: моло́сна ка́шъ, пшени́снаļ хлеб, деви́сник. Бодров говорит также о мене *ш* (*ч*) с *с*: я́снаļ пиро́к (вместо ячной пирог), но я́шнъ на́ небе (ясно на небе).

15. Группа *бм* нередко упрощается в *м̄*: ом̄ан, ом̄е́н, ом̄е́р'ат'; иногда также группа *бв* обенча́т', обал'а́т' вместо обвенчать, обвалять.

16. Иногда на месте глухого является звонкий и обратно: сабоги́, гълеја́ (колея), *Гла́вдіь* (Клавдия); о*п*орва́лсъ, о*п*анкру́тилсы (оборвался, обанкротился).

17. Иногда вместо *г* является *д*: а́н*д*ел, до́л*д*и но́*д*и не нашли доро́*д*и, де́н'*д*и.

18. Вместо терзались, телята иногда говорят: *к*ерзалис, *к*елята.

19. Сокращение целых звуковых групп: не́чеэ (нечево), ничо́ (ничего), челе́к (человек), ка́ц̄ъ (кажется), хо́ц̄ъ (хочется).

20. Начальное *а* в слове аренда, арендовать иногда выпадает: вз'ал ренду, рендоват'.

21. Цоканья мы не нашли, кроме единичных случаев: се*ц*а́с, в рабо́*ц*у по́ру. Бодров же свидетельствует о цоканьи для части уезда. Он пишет: «В самом г. Переславле (кроме дворян) говорят по-Володимирски правильно, т.-е., без крайностей... От города речь более или менее соблюдает чистоту по Архангельскому тракту и столбовым дорогам. Чем дальше от города, тем речь уклонее; так в лесной стороне (на З.), т.-е. Замостье и Заболотье и отчасти на границе Юрьево-Александровской,

встречается даже и цваканье или чваканье (т.-е. говорят цово, цчово и пр.). Впрочем это видимо выводится мало-по-малу; хотя и теперь еще на 15 верстах от города (вне тракта) можно у иных стариков заметить цвакание, тогда как молодежь говорит чисто. Поэтому в прежние времена, может быть, лет за 100 или 200 и весь уезд сполна говорил так, что нынче осталось в одних захолустьях».[1] В настоящее время цоканья совсем нет, кроме, кажется, крайней восточной части уезда.

22. Отметим некоторые особенности ударения: ты вари́ш, кури́ш, пили́ш, вали́ш, коси́ш; он вари́т, кури́т, пили́т, вали́т, коси́т; мы пили́м, кури́м, вари́м, вали́м, коси́м; они варя́т, куря́т, пиля́т, валя́т, кося́т; иду на́ с'ьло, за́ де'сьт', бе́з лъшъды̯, на́ лъшът' (на лошадь), и́з гъръду; отведё́нъ, распущо́нъ, изображо́нъ, наделё́нъ, отворё́нъ (женский и средний род); тощо́й, про́толсто́й, одо́хнеш (вместо отдохнёш), «нас четвё́ръ былъ»; про́тест; по слуха́м, спецо́в, спеца́м и т. д,, сено́в (от сено; «сеноф мно́га нъкоси́ли»).

Морфология.

1. В род. пад. ед. числа слов муж. рода распространено окончание-*у*: после розде́л*у*, и́з гъръд*у*, бол'шъ ме́с'ац*у*.

2. Род. пад. ед. числа от слов рубль, день: дъ Петрова́ дн*и*, а также: три рубл*и́*, два дн*и́*.

3. Широкое распространение имеет окончание *-ов, -'ов* в род. пад. множ. числа: рубл'о́ф, дожо́ф, това́ришъф; мно́гъ прибау́ткъф, мно́гъ го́р'оф и даже ло́шкъф и боле́з'н'оф.

4. С другой стороны, встречаются в род. пад. множ. числа окончание *-ей* в словах: брате́і̯, заіцэі̯, пал'цэі̯.

5. Слова путь, зверь часто сознаются словами женского рода. Говорят, например, лесная зверь, путь далекая.

6. Именит. пад. множ. числа в кратких прилагательных на *-и*: сыт*и*, голо́дн*и*, боγа́т*и*, ра́д*и*, «па́рни хо́лъст*и*, н'а жана́т*и*».

---

[1] Рук. Библиотеки АН № 17.

7. Форма *оне* (именит. пад. множ. числа) употребляется для всех родов.

8. Винит. пад. ед. числа от *она* — јеје́, јо: хтó *јо* знат, хто *јо* разбер'óт, *јеје́* н'а зна́м мы.

9. Косвенные падежи от *он, она, оно* часто без *н*: у је́ј, к јому́, за ји́м.

10. От форм *его, ей, их* образуются прилагательные: јовóнъј, је́јнъј, и́хнъј (род. пад.: и́хнъвъ, и́хнъму).

11. Местн. пад. ед. числа от *этот*: «в э́*тим* де́ле». Также и в прилагательных: ф как*и́м* году́, ф пересла́ф'ск*им* трахти́ре, в одн*и́м* ме́сте.

12. От *тот* винит. пад. ед. ч. женск. р. иногда *тојó*: *тојó* зе́мл'у.

13. Употребительны формы: *тея́, сея́* (род. и винит. пад.), *тее́, сее́* (дательн. падеж).

14. Употребительны различные виды постпозитивного члена: ку́м-от мóй, зя́ть-эт был у меня́, дóм-от наш, каки дни́-ти иду́т, мёдом-ти корми́л он и др. Но в городе и прилегающих местностях он мало распространен и встречается, главным образом, у стариков.

15. В 3-м лице мн. числа, настоящего времени широко распространено окончание-*ут* (*ют*): хóд'ут, смóтр'ут, вóз'ут, сóр'ут, дóр'ут и др.

16. Встречаются деепричастия: бра́мши, н'а је́мши, н'а пи́мши, вз'óмши.

17. Бодров отмечает деепричастия: «едчи (евши), ехадчи, шóдчи».

18. Повелит. форма от *глядеть* иногда: *гл'аж.*

19. В повелит. форме иногда перед *те* или *ся* имеется частица *ко*: пиши́коте, верти́коса, даже поговори́мкоте.

20. Бодров отмечает неопределенную форму на *-чи́* в глаголах: «печи́, стеречи́, лечи́, но жечь, стричь, сечь».

21. Возвратные и страдательные формы на *сь, ся* тверды: уда́лсъ, уроди́лсъ, оста́лсъ, не боју́с, дъстају́с, сошла́съ, удалóс.

Таковы главные особенности в звуках и формах говора

Переславль-Залесского уезда. Из них мы можем сделать следующий общий вывод.

Некоторые черты изучаемого говора, а именно: 1) характер оканья, 2) проникновение элементов яканья за последние 70—80 лет, а также отчасти 3) частичное проникновение мягких долгих *ж* и *ш*, 4) отсутствие смешения между творит. и дательн. падежами, 5) окончательная утрата цоканья — позволяют нам полагать, что говор Переславль-Залесского уезда вступил в полосу интенсивного общения с переходными ср.-в.-р. говорами и заметно поддается влиянию последних.

Образец говора Переславль-Залесского уезда.[1]

Ста́ршаі̯ моі̯ жани́лсъ в э(ʹ)тим году́; другóму — Олексе́і̯у ш̅’е то(ʹ)л’ки с’омна́цътъі̯ пошóл, а Ва́н’ке чаты́рнъцът’; да ш̅’е трóі̯о росту́т.

А э(ʹ)тъ друга́ доч’ — Л’у́бъчк’ä.

З’дес’ к Вишн’акóву ни прoје́д’аш, з̅’ес’ н’а бу(ʹ)д’а дорóги-ти; ты мане́н’къ праве́і̯а возми́ и с’о Лы́чинским-ти ле́сам д’оржы́ — ни́мъ Ръгози́нинъ.

Вот тóльки ш̅’ас корóву пъдоі̯у́ и приду́ — см’ата́ны дам.

Кóрм-от плохóі̯ тапе́р’ скоти́не...

Тут недале́че, п’ашкóм доі̯д’óш.

Оне си́л’нъ боγа́тъ жы́ли... Ра́ншъ кака́ жы́с’ была́ — топе́р’ не ф приме(ʹ)р лу́ч̄и ста́лъ... Вот з’а́т’-эт был у мен’а́, друго(ʹ)і̯ раз зъробóтат хърошó, м’óдъм-ти корми́л меня́... Топе(ʹ)р’ хтó јо знат коγда ле́хчи бу́д’ат...

Дъ какóвъ дни дóжыли... ја за н’ом посла́л за Гри́шаі̯-ти, дес’ат’ д’óн тому́... Говор’у́ і̯аму(ʹ) с’ади́с.

Ст’óку нет воде́, потому(ʹ) и болóтъ кругóм. Л’јанóі̯ь сем’ъ...

Дъ р’аки(ʹ) тут нидал’óкъ, р’а́дам... А мы съ стару́хаі̯ с’о дóмъ сиди́м... Иш кака(ʹ) п’ави́цъ, — с’о појóт...

Чир’аз гóд-другóі̯ мы з жано(ʹ)і̯ ује́хъли.

---

[1] Мягкость согласных перед *и* и *е* не обозначаем. Знак (ʹ) указывает на побочное ударение.

Описание говора села Ушинки Спасского (б. Керенского) уезда Пензенской губернии.

А. Н. Гвоздева.

Говор с. Ушинки я наблюдал во время кратковременной командировки в июле 1923 г. по поручению Пензенского Губвыставкома для обследования быта мещеры Керенского у. Я провел в Ушинке около 5 дней, причем и за это время занят был главным образом обследованием быта вообще и закупкой экспонатов, только попутно ведя записи говора. Поэтому исчерпывающей характеристики дать не могу, но всё же основные черты говора выяснились более или менее достаточно.

Село Ушинка — очень большое село (около $8\frac{1}{2}$ тысяч жителей), представляющее собой центр так называемых мещерских поселений б. Керенского уезда.

Говор является акающим ассимилятивного типа.

В предударном слоге после твердых согласных на месте этимологических *о* и *а* звук несколько более закрытый, чем ударное *а*: к*а*ньцы́, дър*а*жы́цца, зγ*а*ре́ла, к*а*си́ли, р*а*дня́. В дальнейшем я не буду отличать его на письме.

На месте этимологических *е*, *ѣ*, *я*, т. е. в положении после мягкого согласного, в предударном слоге различаются такие положения:

1) Перед твердыми согласными всегда *а* (среднего ряда): хл*я*бàють, п*я*тро́ў, п*я*ку́ть, в*я*сно́й, прин*я*су́ть, л*я*са́, къл*я*со́, пεрядба́нак; тоже и отрицание *не*: н*я* да́м, н*я* ма́тεри, н*я* зна́й, н*я* хо́цъть, н*я* рза́вить (только один раз иметса н*и*γо́дны, может быть

под влиянем тех слов, где отрицание падает на 2-й предударный слог).[1] Исключением является слово Х*и*до́сья (Федосья), но записано и произношение Х*я*до́сья.

2) Перед мягким согласным, когда под ударением находится *а*, в предударном слоге *а* (переднего ряда): пътяря́цца, нялььзя́, дяся́тка, мяня́, нъмяря́ли, зямля́ (но з*и*мли́, з*и*мли́цы).

3) Перед мягким согласным, когда под ударением не *а*, а другие гласные, в предударном слоге является *и*: т*и*пе́рь, н*и*ве́сты, р*и*пе́й, п*и*нько́м (творит. пад. от пенька = конопля), пл*и*тнёваи, в*и*рьху́, выс*и*ле́ньцы, сь в*и*рьшко́м.

4) Перед отвердевшими шипящими имеется тоже *и*: γл*и*жу́, л*и*жы́ти. В виду этого такие случаи с *а* перед твердыми *ш*, *ц*, как: сьмяша́лси, пяца́льная, необходимо отнести ко 2-му разряду, т. е. ассимилирующему действию ударного *а*.

5) После отвердевших *ц*, *ш*, *ж* перед мягкими, когда под ударением не *а*, появляется *ы* в соответствие *и* после мягких: ц*ы*тьвёртъй, ц*ы*тьве́рьγат, ж*ы*рёлак (ожерелье). Случай лъш*а*дям в таком случае объясняется ассимилирующим влиянием ударного *а*, а случай ц*а*пе́цка (цепочка) останется исключением, ибо подойдет под категорию предударного гласного между мягкими согласными (*ц*, *ш*, *ж* по своему действию приравниваются к мягким) при ударном *е* (т. е. не *а*).

Узкие гласные — *у*, *ы*, *и*, как обычно, в предударном слоге сохраняют свое качество: к*у*ма́к (кумач), γр*ы*ба́тка (грибатка — род узора), вн*и*зу́, пр*и*ду́ть

Во втором предударном слоге имеется после твердых *ъ*, редуцированный звук, очень близкий к *ы*: пълатна́, пъпаду́ть, мълады́йи, кълясо́, търацки́ (оторочки — затканный узор), тръяно́γи (троеногий — род узора), цълове́к. После мягких имеется ɛ, редуцированный звук, очень близкий к *и*: сɛмино́γи (семиногие — род узора), сɛмяна́.

---

[1] Во втором предударном слоге *и* или ɛ (редуцированный звук, близкий к *и*): н*и* ацца́ (не отца̀), н*и* выряза́та.

Особенностью говора является то, что редукции подвергается и *у*. Местные интеллигенты отрицали наличие этой черты, но мною было зарегистрировано значительное число примеров: нъ ръкава́х (на рукавах), ръкава́, с къшако́м (с кушаком), църбаки́ (чурбаки), съпаста́ты (супостаты), мъжыки́, ръкамо́йница, одно из названий улиц: мъкасе́йка (мукосейка), которое было истолковано, как «макосейка». Это ъ в подчеркнутом, отчетливом произношении дает *а*; так два раза имеется: Ж*а*раўлёва (Журавлева). Если слово начинается непосредственно с *у*, то оно сохраняется: *у*мыва́юцца. Правда, отмечен один этот случай.

Другой особенностью говора является переход начальных *о*, *а* в 2-м слоге перед ударением в *и*. Правда, в этом отношении нет единства. Мною отмечены следующие примеры с *и*: *и*кале́ш (околеешь), *и*баро́тиш, *и*пазда́ю, *и*дина́къвъи. Такое произношение отмечено у нескольких старух, старика и девочки-подростка. Но в то же время отмечено в таком положении и *а*: *а*бьясьня́ють, *а*зимно́е, *а*баро̀т (часть трубы). Однажды отмечено, как вслед за старухой, сказавшей: *и*динакъвъй, ее дочь (взрослая) сказала: *а*динакъвъй.

Из остальных слогов наиболее характерным является конечный. В конечном закрытом между твердых согласных обычно *а*: во́р*а*т (ворот), ба́н*а*к (банок — род. мн.), ку́зав*а*м (твор. пад.), жырёл*а*к (ожерелок), пɛрядба́н*а*к (передбанок), мильёнт*а*ў, но имеется и ъ: на этъм.

Такое же колебание после мягких перед твердыми: 1) *а*: ве́тяр, на́ вɛтяр; сюда же надо отнести и случаи после отвердевших *ц*, *ш*, *ж*: са́ж*а*н, ма́чанц*а*м (моченцом — вымоченой коноплей), но 2) ъ: с хле́пцъм.

После твердых перед *й* неслоговым имеется: 1) *а*: ка̀мɛнн*а*й, а́л*а*й, ка́жн*а*й, сюда же относится на́ н*а*ц (на ночь); но 2) ъ: цо́рнъй, ка́жнъй.

Между мягкими имеется ɛ: во́сɛмь, ска́тɛрьть, рза́вɛть; сюда-же надо отнести: хо́цъть, вы́тъшшъш (вытащишь), ш^с^ямпа́дцъть; но имеется ло́ш*а*ть.

Как во втором предударном, так в конечном закрытом редуцируется *у*: за̀м*а*ш (замуж). Подвергается редукции и затем переходу в *а* и *и*: вы́бял (выбил), е́зьдял, по́мнял, но патца́шн*и*к (блюдце), ве́рышн*и*к (вершник — часть стана). Имеется один пример на такой же переход *ы* после шипящих: уж*а*н (ужин).

В конечном открытом на месте гласных, подвергшихся редукции, имеется *а*: пайди́тя, цаво́ж*а*, ны́ня, каки́т*а*, вре́мя така́я.

Узкие же гласные в противоположность закрытому слогу сохраняются: кли́ньйи (клинья), каси́л*и*, тя́пъцьк*и* (тяпочка — род узора), высиле́ньц*ы*,ниве́ст*ы* (род. ед.), капы́ты, каро́в*ы*. Нет *а*, а имеется *и* на месте старого *ѣ*: у по́л*и*, скати́н*и* (дат. ед.).

Прочие безударные слоги — предударные и заударные — приравниваются ко 2-му предударному: нъ ръкава́х, тя́пъцки, ло́жъцка. Возможно и здесь появление *а* в случаях растянутого, подчеркнутого произношения: нат ку́з*а*вам, но́в*аю*.

Из области гласных необходимо отметить стяжение: м*а*во́, как*и́*та, съмино́γ*и*, тръяно́γ*и*, вързяза́т*а* (вырезанная), икал*е́*ш (околеешь). Примеров стяжения отмечено немного потому, что на это явление не было обращено особого внимания вследствие его обычности.

В области согласных обращает внимание цоканье. Звук *ч* в говоре не существует и последовательно заменяется *ц* твердым: ло́жъ*ц*ка, *ц*ълаве́к, ану́*ц*ы. Таково общераспространенное произношение, но у мужчин, побывавших на стороне, и у молодежи, прошедшей школу, уже встречается правильное употребление *ч*; при этом имеется оба варианта: *ч* твердое: ма*ч*анцам; у других *ч* мягкое: зъмя*чи́*тєльных. Но произносящих *ч* — незначительное меньшинство. В песнях отмечено два случая замены *ц* через *ч*: ахи*че́*р (офицер), хло́п*чи*.

Обычным произношением *щ* и *жж* является произношение в виде простых долгих *шш*, *жж* твердых: *шшы* (щи), да*жжы́*, *шшытать*, вы́тъ*шшъш*, но встречалось и мягкое произношение этих звуков. У одной женщины, имевшей все остальные особенности говора, отмечено: до*шьшь* (дождь), да*жьжи́*, хри*шьше́*ньйєм.

Спорадически (все случаи отмечены у женщин, да и у них не было постоянства в этой черте) имеется шепелявое произношение *с* мягкого, так что данный звук приближается к *ш* мягкому: *ш*ᶜьвёкар (свекор), *ш*ᶜ*я*мна́цъть, *ш*ᶜ*я* (вся). В говоре существует только γ фрикативное: γрат (град), γош (гож — хорош), зγаре́ла.

В говоре совсем не имеется *ф*: 1) в случаях, когда *ф* является перед гласным, оно заменяется через *х*: картȯ*х*а, *х*унт (фунт), *х*атȧ (фата, головной платок), *х*ядо́сья, кан*х*е́т, а*х*и-чер (офицер); 2) в случаях перед согласными и в конце слова (где оно из *в*) оно замещается *ў* неслоговым: ла́*ў*ки, каро́*ў*, а*ў*са́, *ў*сяво́, *у* три́ (в три), во́*ў*си, ку́за*ў*. *У* неслоговое замещает в этих условиях и *в*: жара*ў*лёва, так что *в* имеется в говоре только перед гласными звука́ми. Иногда на месте *ў* имется *у* слоговое; так отмечено три случая предлога *в* — *у* пȯли, *у* три́, *у* абе́т (здесь даже перед гласным). Интересным является случай де́*у*к (девок — род. мн.). С точки зрения истории языка является интересным сохранение группы *цн* в соответствии обычному великорусскому *шн* из *чн*, как показатель того, что переход *ч* в *ц* совершился раньше, чем группа *чн* перешла в *шн*. Сюда относятся такие случаи: даку́*цн*а, наро́*цн*а. Сюда же надо отнести и жы́*цн*ы (жичный) от жы́ца — шерсть.

Сохраняется *р* мягкое перед твердыми 1) губными и 2) задненебными: 1) си*рь*по́ў, пе́*рь*въй; 2) ви*рь*ху́, де́*рь*γъють, цытьве́*рь*γат. Также находим *р* мягкое в словах: паста́*рь*шиı, γу*рь*цы́, ве́*рь*шник (у стана), сь ви*рь*шко́м, т. е. перед отвердевшими *ц*, *ш*.

Звонкие согласные в конце слова переходят в глухие: за́ ма*ш* (замуж), абе́*т* (обед), кроме уже указаного *в*, дающего в таком положении *ў*: сирьпо*ў*, куза*ў*. Имеется один случай, говорящий за то, что перед постпозитивным членом звонкие согласные сохраняются: цытьве́рьγат.

Губные в конце слова мягки: се*мь*, во́се*мь*.

В виде единичного соответствия обычному *ч* задненебного *к* надо отметить слова: кума́*к* (кумач), уда́*к*а (удача). Может быть,

сюда можно отнести и такое местное название улицы, как Кардако́вка, у Даля пермское — «кардàч» — болотистое место, покрытое кустарником. Местность, где расположена Ушинка, низкая, грязная.

Из морфологических особенностей самой крупной является произношение *тъ* в 3-м лице глаголов: идё*тъ*, иду́*тъ*, спраўля́ю*тъ*, пяку́*тъ*, хлябáю*тъ*.

В глаголах с чередованием конечного согласного основы в 1-м и остальных лицах (*ш/с*, *вл/в*, *ж/д*, *ч/т*) первое лицо образуется по аналогии с остальными лицами в отношении конечного согласного основы и ударения: про́*с*ю (прошу), набá*в*ю, пасó*д*ю, апхó*д*юсь (обхожусь), хó*д*ю, ни варó*т*ю.

У личных местоимений употребительны такие формы: *мяня́*, *сяя́* (меня, себя). Дат. пад. *таé*, *саé*, (тебе, себе); *пъ саé*, (по себе — между собой).

Употребляется постпозитивный член: пакóс-*ат*, патóльку-*та* (по стольку-то), зимли́-*ти*, стакáн-*ат*, цытьвéрьγ-*ат*, цóп-*ат* (цеп-то).

Отмечены случаи согласования существительных среднего рода с прилагательными женского рода в имен. пад. ед. числа: валавáя кълясó, время такáя.

Нужно отметить такие образования в существительных: круть (крутизна; в нескольких названиях местностей: Молчанова круть, Зубарева круть), глать (поле, равнина: Князева гладь, Лукьянова гладь).

Имеются формы: нъ зимé (на земле), дó земи (до земли).

Отмечена форма дóца (дочь) в качестве обращения.

Имеются слова с другими, чем обычно, суффиксами: γря́ская грязная), нъ сабáцки (по собачьи), нé вырязáта (не вырезанная).

Из словаря необходимо отметить терминологию женской одежды:

панёва, пóнька — толстая шерстяная юбка с разрезом спереди,

цупру́н (чупрун) — девичий халат, самотканный белый, шерстяной,

наγру́дник — кофта молодой замужней женщины,

за́пан — кофта более пожилой женщины,

пълика́ — узор тканый на плечах,

муто́вас — узор, вышитый бечевкой,

пави́лы — черные праздничные онучи,

пани́так — верхнее шерстяное платье, одного покроя у мужчин и женщин,

кута́сы — кисти у пояса,

тъмаро́м — выйти без повил (между прочим у Даля остяцкое томар — стрела, и сибирское — «томаром» — побежал сломя голову),

хата́ (фата) — головной шелковый платок.

Подробное описание костюма, очень своеобразного, в моем докладе Пензенскому Губвыставкому,[1] а экспонаты костюма в Московском Музее Народоведения (Мамонова дача).

Жилище. Изба построена и расположена по одному типу. Лавка у входа называется ко́ник; лавка вдоль задней стены — зат (зад); лавка для посуды — су́дняя ла́ўка; полка в одну доску — брус; голландская печь, — γру́пка; пространство перед челом у печи по черному — заγнётка, сени — мост; помещенье для спанья молодых — кле́тка; косяки окон и дверей — наво́ды, только нижние бревна избы — виньцы́ (венцы); ветхая изба — кильди́мка; карниз у сарая — пляно́ (плено). Подробности в том же докладе.

Еще отмечу утварь: раγа́ц (рогач) — ухват; ца́пля, ца́пεльник — сковородник; пло́шка — маленькая деревянная чашка, пики́ш (пекиш) — маленький горшочек с кружку; γу́пька — тряпка.

руцыне́ц (ручинец) — срок в 12 дней; такими сроками считают возраст поросят;

асбсина — жареный поросенок;

γас (газ) — керосин; γа́сьник — лампа;

---

[1] Предположен к печатанию в Этнографическом Обозрении в 1925 г.

църяло́ (черело?) — передняя сторона человека (у Даля нет); употребительно выражение: лечь черелом вверх;

калγа́н — затылок;

харо́ба (хвороба) — болезнь;

прасу́к — поросенок;

па́дерьня — подстилка для одоний из хвороста и соломы;

γа́ркать — кричать, звать; крыца́ть — плакать;

ба́ить — говорить;

усе́йка — недавно;

пушки́, пухи́ — помпоны из гусиного пуха, которые носят вместо серег;

жи́ца — своя шерсть; покупная шерсть фабричного производства — шле́нка;

сьвякры́, сьвякро́ва — свекровь;

ха́й-ка — поди-ка;

тɛлишо́м (телешом) — нагишом; ръстɛлишы́цца — раздеться;

крыши́ть куски́ — употребляется только в смысле «резать мясо»;

γни́ла — глина, γни́лъвъй — глиняный;

вы́шъня — вишня;

патца́шник — подчашник, блюдце чайное;

ръскаси́лась — разошлась с мужем;

стро́γия (строгие) в значении «работящие, дельные»;

сядо́й — мутный, непрозрачный;

ни ра́уны́ — не одинаковы (о людях);

γлаза́ ни и́сьтинныя — глаза не настоящие;

спажы́нка — успенский пост; нъ спажу́ — на Успенье;

сухо́й день — постный день;

γош (гож) — хорош;

γара́зьди — умелы.

Относительно места Ушинского говора в классификации говоров ограничусь несколькими замечаниями. Говор имеет такие черты южно-великорусского наречия, как γ фрикативное и *ть* в третьем лице глаголов, но вместе с тем имеет сев.-велик. цо-

канье, твердые долгие *шш*, *жж*, родительный падеж местоимений на *я*; а такой тип аканья (ассимилятивный) отмечен в западной полосе переходных говоров. Таким образом затруднительно уже отнесение говора к ю.-в.-р. или ср.-в.-р. наречию. На «Диалектологической карте русского языка в Европе» весь запад б. Керенского уезда отнесен к ю.-в.-р. наречию, а весь запад б. Керенского у. занят говорами, тождественными с Ушинским или очень незначительно от него отличными. Это произошло, повидимому, благодаря наличию в них фрикативного γ и *тъ* в 3-м лице глаголов, но этому препятствует имеющееся цоканье, как очевидно, с.-в.-р. черта. И в «Очерке русск. диалектологии» имеется указание (стр. 33) на говоры Касимовского уезда Рязанской губ., имеющие такое же сочетание с.-в.-р и ю.-в.-р. особенностей, которые относятся к переходным говорам. Это вполне соответствует общему принципиальному взгляду на ср.-в.-р. переходные говоры. Поэтому я отношу Ушинский говор к переходным.

Говор села Сивини Краснослободского уезда Пензенской губернии.

А. Н. Гвоздева.

Село Сиви́нь находится в 35 верстах от города Краснослободска; на таком же расстоянии от ближайших станций — Инсара и Хованщины Моск.-Казанск. ж. д. В отношении говора с. Сивинь представляет тождество с с. Старой Авгорой и деревнями — Новой Авгорой, Стрелковкой и Средним Полем. Эти два села были заводскими селами;[1] д. Новая Авгора выселилась из Старой; Середнее Поле представляет поселение Николаевских солдат, а Стрелковка — бывших лесников. И та и другая деревня ассимилировались с указанными селами благодаря бракам и постоянному общению (по численности населения они незначительны). Указанный район с базаром в с. Сивини и работами на Авгорском и Сивинском заводах и в экономическом отношении был довольно замкнутым. Ближайшими селами являются мордовские: Колопино, Старое и Новое Синдрово, д. Сазоновка. Из русских ближайшими являются 1) с. Саловка (икающий говор) и 2) с. Каймар, основанный лет пятьдесят назад из переселенцев с. Шаверок, Кользиванова, Гумен, Краснослоб. у. (говор имеет умеренное яканье, твердое *ч, шш, жж*).

---

[1] Сивинский железный завод был основан в 1726 г., Авгорский — в 1754 г. Оба принадлежали одному владельцу — Милякову (Мелякову). Откуда были выведены рабочие, неизвестно. См. Б. Н. Гвоздев. Некоторые сведения о промышленности Пенз. Края в XVIII веке. VI вып. Трудов Пенз. Общ. Люб. Ест. и Краев. 1925 г.

Фонетика говора.

Вокализм.

Гласные говора в целях обозрения удобно разбить на ударные и безударные.

Ударные гласные особых замечаний не вызывают. Они являются тем звуковым наследием, которое сохраняется от прарусской эпохи, с теми немногочисленными изменениями, которые общи всему великорусскому наречию. Сюда относится появление *ой*, *ей* в случаях как злой, на месте *ый*, *ий*; изменение *гы*, *кы*, *хы* в *ги*, *ки*, *хи* и т. д.

Система безударных гласных определяется в большей своей части законами редукции гласных, действующими и в настоящее время. Говор является акающим. На качество безударных гласных оказывают влияние следующие факторы: 1) близость или удаленность слога от ударения, 2) мягкость или твердость предшествующего согласного, 3) мягкость или твердость последующего за данным гласным согласного, 4) качество ударного гласного, 5) нахождение гласного в начале, конце или середине слова.

По месту в отношении к ударению слоги распадаются на a) первый предударный и b) все остальные безударные. Ввиду важности типа аканья в предударном слоге для классификации акающих говоров, необходимо остановиться прежде всего на этом слоге.

Редукции в предударном слоге подверглись все гласные звуки, за исключением узких — *и*, *ы*, *у*, которые сохраняются: 1) кр*и*ча́т, в*и*да́ла, 2) б*ы*ва́т, с*ы*та́, 3) нъп*у*що́ны, с*у*се́тки. После твердых согласных (отвердевшие шипящие *ш*, *ж* и *ц* влияют во всех случаях, как мягкие) вне зависимости от каких-либо других условий всегда находится *а*: д*а*мо́й, к*а*не́шна, с*а*бра́ли, ръз*а*ря́ть, пр*а*си́ть.

После мягких согласных в зависимости от твердости или мягкости последующего согласного появляются два варианта:

1) *а* перед твердыми: *бяда́*, *сяло́*, в *лясу́*, пъ*чяму́*, *чяво́*; 2) *и* перед мягкими: *висёла*, сь*милю́*, *нидѐли*, *увизьли́*, *ифи́м* (Евфим); группы на мягкий влияют так же, как мягкий: в *видре́*, *зимли́*.

Но данный закон о влиянии последующего мягкого согласного на появление в предударном слоге *и* ограничивается ассимилирующим влиянием ударного *а*; именно, когда под ударением *а*, то в предударном и между мягкими согласными появляется *а* (переднего ряда): *тябя́* (но *тибе́*), *дятя́м* (но *дите́й*), *дяля́нка* (но *дили́ть*), *зямле́* (но *зимли́*), зь*мяя́* (но зь*мию́*), *дяся́тку*, *мяня́*, *няльзя́*. Случаев такого употребления (в виду редкости данного типа аканья) зарегистрировано очень много. Исключения, буквально, единичны; *плитня́*, пɛдь*дися́т* (при пɛдь*дяся́т* в том же разговоре). Обратным исключением является пъ*стяки́*.

Отвердевшие *ш*, *ж*, *ц*, как указано, влияют, как мягкие. Так, после мягких перед такими твердыми имеется *и*, как между мягкими по общему закону, если под ударением нет *а*: *глижу́*, *убижы́т*, къзь*ницу́*, *сиржу́сь* = в *силе́*. То же самое после таких твердых перед мягкими, как между мягкими, имеется *ы*, заменяющее *и*: лъш*ыде́й*, *жыне́*, чɛ*жыле́й*. В виду этого такие случаи, как *жана́*, *пшано́*, чɛ*жало́* надо отнести к разряду после мягких перед твердыми = *чяво́*; а в случаях, как *ляжа́л*, *сянца́*, *мяша́л*, фактором, вызвавшим предударное *а*, является ударное *а*, а не твердость *ш*, *ж*, *ц*; действительно, при *ляжа́л* имеется *лижу́* (лежу).

Получившееся на месте редуцированных *и*, как и всякое другое *и*, будучи в начале слова, после твердого согласного предшествующего слова переходит в *ы*: как *ыё* (как ее), *ыле́нка* (Еленка).

В качестве типичного для слогов, противоположных 1-му предударному, может быть взят 2-й предударный. В нем главным фактором, влияющим на качество звука, является твердость или мягкость предшествующего согласного, именно: 1) После твердого, как общее правило, появляется на месте тех же редуцированных, что в первом слоге, ъ: мъланья́, пъдыма́цца, нъ пя-

трóф. Отличием от таких говоров, как литературный, является то, что тот же звук ъ появляется последовательно и на месте *у*: пъсьтяки́, ръкамóйник, съятнó, съхаря́ми, бъшавáть, дъраки́, мъжыкóф, къзавóк. При этом и *ы*, по крайней мере на мой слух, сильно ослабляясь в данном положении, совпадает с тем же ъ: первый слог в *мъ*шалóфка одинаково с *мъ*жыки́, так что ъ замещает все звуки после твердых согласных.

2) После мягких согласных появляется ɛ: зɛлянá, нɛчявó, йɛравóму, пɛрядóм, пɛрьнисё́т. Ослабле́нный звук *и* в данном положении совпал с ɛ. Косвенным доказательством того, что *и* редуцируется в данном положении, служит судьба его в конечном закрытом слоге (о чем ниже): переход *и* в *а* предполагает предварительную редукцию *и*. Таким образом на 2-м предударном после мягких всегда ɛ.

Но 2-й предударный слог имеет вместо ъ при усиленно-громком отчетливом произношении *а*, т. е. он как бы приравнивается к 1-му предударному слогу. Такая разница имеется в говоре одних и тех же лиц. Часто оба варианта появляются рядом в зависимости от увеличения или уменьшения отчетливости; так: пр*а*яжьжя́ли и пръяжьжя́ли, р*а*стащи́ла и ръстащи́ла, х*а*ладнó и хъладнó, д*а*братá; то же *а* имеется и на месте ɛ: пядьдися́т.

Если гласным 2-го предударного слога начинается слово, то появляются звуки, какие имеются в 1-м предударном: *а*бящя́л, *а*тарвáл, *у*визьли́, *у*нистóжыли; но после предлогов имеется ъ, как в середине слова: с ъгурцóм, к ъгалькý.

В серединных поударных слогах находятся те же отражения, что во 2-м предударном: 1) ъ: скáзвъют, вéдръми, пасáжъна, я́блъки; то же на месте *у*: ря́фкнъла, рýсъю, áлъю (алую); 2) ɛ: дéрɛву, мáнɛнькъва. При громком произношении появляется *а*: мéлк*а*я, трясýчяя, кáжн*а*ва, на месте *у*: вы́н*а*ла.

В конечных слогах гласные имеют особую судьбу в слогах: 1) открытых и 2) закрытых.

В открытых слогах узкие гласные сохраняются во всех случаях: 1) *и* — нидéл*и*, спóмн*и*; 2) *ы* — ты́кв*ы*, мали́тв*ы*;

3) *у*—к ве́рьх*у*, йєраво́м*у*. Остальные гласные совпадают в общих отражениях в зависимости от предшествующего твердого или мягкого согласного и в зависимости от отчетливости речи. После твердых обычно имеется *а*: мо́жн*а*, до́лг*а*, ну́жн*а*, но реже имеется и ъ: де́душкъ Влас, мно́гъ на́с. После мягких обычно имеется *а*: по́л*я*, ва вре́м*я*, ны́ньч*я*, ме́лка*я*, после отвердевшего *ш*: до́льш*а*; но реже имеется *є*: во́фсє, прайдётє, чяты́рє, но́ньчє; после отвердевших *ш*, *ж*, *ц* в соответствии с этим *є* имеется ъ: пале́кшъ, пабли́жъ, се́рцъ.

Допускает колебания при всех одинаковых условиях и конечный закрытый слог. Наиболее обычным заместителем всех гласных звуков при всяких условиях является *а*; так, 1) между твердых согласных: хо́л*а*т, каля́к*а*т, на месте *у*: ка́н*а*л (канул дождь), фа́рт*а*к; 2) после твердых перед мягкими: спря́т*а*ть, кра́сн*а*й, на месте *у*: здра́ств*а*й; 3) после мягких перед твердыми: у́мяр, де́няк, на месте *и*: до́жьжяк, хо́дяш, по́лял (полил), хо́дят (ходит), схо́дям, не́ пял (не пил), после отвердевшего *ж*: до́ж*а*л (дожил); 4) между мягкими согласными: слу́чяй, перед отвердевшим *ц*: си́тяц, после отвердевших *ж*, *ш*, *ц*: у́ж*а*сьть, харо́ш*а*й, пятна́дц*а*ть. Но во всех данных условиях, правда, реже встречаются другие заместители, именно: 1) между согласными твердыми — ъ: сьле́дъм, къраси́нъм; 2) после твердых перед мягкими — ъ: ка́жнъй, прали́внъй; 3) после мягких перед твердыми — є: бу́дєт, сьвя́точєк; то же на месте *и*. Не берусь точно определить, будет ли это є, отличный от *и*; на мой слух звук одинаков с только что указанными случаями. Так: хо́чєш, ухо́дєт, до́жьжєк (при до́жьжяк); 4) между мягкими появляется є: тре́тєй; 5) сохраняется спорадически *у*: ста́н*у*т, пра́вд*у*й. Оно чуть ли не имеет морфологического значения, появляясь лишь в определенных формах. Таким образом, конечный закрытый слог имеет 1) сильный вариант, когда единственным заместителем всех звуков является *а*, и 2) слабый, имеющий звуки ъ, є, *у*, причем два первые появляются в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного.

Рассмотренные законы редукции безударных гласных создают вполне последовательную систему чередований гласных звуков в одной и той же морфеме, могущую быть представленной в такой таблице:

				После шипящ.		После мягких.					
Ударный слог.	Перед твердыми . . .	а	о	а	о	а	о	э	у	ы	и
	Перед мягкими . . .	а	о	а	э	а	э	э	у	ы	и
Предударный слог.	Перед твердыми и ударным *а*	а	а	а	а	а	а	а	у	ы	и
	Перед мягкими, кроме случаев с ударным *а*	а	а	ы	ы	и	и	и	у	ы	и
2-ой предударный и заударный неконечные слоги.	Обычно	ъ	ъ	ъ	ъ	ε	ε	ε	ъ	ъ	ε
	Спорадически при тех же условиях . . .	а	а	а	а	а	а	а	—	—	—
Конечный закрытый слог.	Обычно	а	а	а	а	а	а	а	а	а	а
	Спорадически при тех же условиях	ъ	ъ	ъ	ъ	ε	ε	ε	у	ъ	ε
Конечный открытый слог.	Обычно	а	а	а	а	а	а	а	у	ы	и
	Спорадически при тех же условиях . . .	ъ	ъ	ъ	ъ	ε	ε	ε	—	—	—

К таблице необходимо сделать следующие замечания. 1) С предударным слогом совпадает и положение в начале слова (разумеется, там не имеет места положение после шипящих и мягких). 2) Не приходилось наблюдать спорадического появления *у* во 2-м предударном; в заударных неконечных отмечено на его месте *ъ* и *а*: вы́пала, за́мъжам, случаев же с *у* не отмечено. 3) Начальное *и* (чередующееся с ударным *е*) после твердых согласных предшествующего слова и в абсолютном начале дает *ы*.

Из области гласных необходимо еще отметить сильно распространенное стяжение. Оно имеет место при таких условиях: стяжению подвергаются два гласных звука, оказавшихся рядом после исчезновения между ними *и* неслогового; при этом только в случае: 1) если второй звук не является узким звуком (*у*, *ы*, *и*), т. е. принадлежит к звукам, подвергшимся редукции, и 2) если на второй звук не падает ударения. В результате стяжения первый звук группы сохраняется без изменений, а *и* неслоговое и второй звук исчезают, не оставляя следа. Так: *уиэ* > *у* — чют (чует), аристу́м; *ыиэ* > *ы* — кру́пны, тёплы; *иэ* > *и* — каки́, таки́; *эиэ* > *э* — крутéт; *эиа* > *э* — пасе́л (посеял); *аиэ* > *а*, *ъ* (в зависимости от ударения) — прɛнима́т, быва́т (бывает, но быва́ют), зьде́лаш, ду́маш, зду́мътɛ; *аиа* > *а* — алвяна́, кака́, впсёла, си́льна, читьвёрта. Без стяжения сохраняются: ска́звъют, пътяря́ю, зна́ю, хазя́ин; впрочем стяжению подвергается группа *уиу* > *у* — то́нɛньку, мало́дɛньку.

Вот примеры отсутствия стяжения, когда ударение падает на второй гласный: стая́лъ, сваё, мая́, маю́, маи́. Но кроме того, повидимому, стяжение отсутствует в предударных слогах: пръяжьжя́ли, *уяжьжя́л*, съятно́, пръйисьне́ла, но маво́ (моего), тваму́.

Но на ряду со стяженными формами имеются и нестяженные в таких группах и условиях, которые допускают стяжение. Нестяженные формы встречаются значительно реже: си́льнъя, така́я, кака́я, нямы́я.

Консонантизм. В отношении согласных говор представляет полное совпадение с литературным языком. Так имеется 1) правильное употребление *ц* и *ч* (мягкого); 2) *щ* и *жъжъ* долгие мягкие: дощ, дажъжи; 3) *г* взрывное. Чуть ли не единственным отличием является мягкость *р* перед твердыми губными и заднебными: пе́ръвъй, серъп, вь виръху́, къчиръгу́, цэ́ръкву.

Морфология.

Морфологические отличия от литературного часто состоят в том, что морфологический строй упрощается: единичные формы

или формы небольшой группы слов вытесняются аналогичными, более распространенными формами.

Так во всех родах распространяется окончание род. пад. мн. ч. *оф*: в мужеск. роде мягкого различия на месте *ей*: угл*ё́ф*, дажьж*ё́ф*; в женск. и средн. роде на месте отрицательной формы: ка́пл*εф*, пе́сьн*εф*, ра́м*ъф*, мущи́н*ъф*, бабёнк*ъф*; дял*о́ф*, вёдр*аф*, мяст*о́ф*, сре́тств*ъф*, сεмян*о́ф*. Единственным отмеченным исключением является ягня́т.

Существительные женск. рода с основой на мягкий согласный, имеющие характерный дат. и местн. падежи на *и* под ударением, заменили его обычным *е*: пълшыд*е́*, в гриз*е́*, ва рж*е́*, ф крав*е́*, ф шырьст*е́*, фь пирид*е́*.

Имеются формы: пълсажн*я́*, пут*я́*, но два́дн*и* (кажется, наречие).

Творит. пад. ед. ч. женск. р. с безударным окончанием очень часто имеет *уй*: па́лк*уй*, зьвездъчьк*уй*, пра́вд*уй*, за ро́щ*юй*, лапа́т*уй*, мази́лк*уй*. Но на ряду с этим, хотя значительно реже, встречаются обычные редуцированные из *ой* — *ай*, *ъй*: сало́м*ай*, пра́вд*ай*.

Совершенно разрушен в говоре средний род. Остались неприкосновенными формы, совпадающие с формами муж. рода. Специфические, отличные формы среднего рода чаще всего заменились формами женск. рода. Так в вин. ед. ч. имеется: пла́ть*ю*, плате́нц*у*, де́рεв*у*, пъд ако́шк*у*. Но иногда встречается и *а* (из *о*): про́с*а*, по́л*я*. В прилагательных тоже чаще всего отличные формы средн. рода заменены формами женск. рода: ан*а́* ни фс*я* так*а́я* (оно не все такое), как*а́* лицо́, мълако́ как*а́й*εта, сух*а́я* (мыло) про́са фс*ю́*, па т*у́* по́ля, ф так*у́ю* ме́ст*у́*, фс*я́* по́ля, так*а́* вре́мя. Очень редко встречаются формы средн. рода: ма*ё́* се́рцъ (в песне), фсё адн*о́*. Случается, что сохранившиеся формы с ударным окончанием по согласованию относятся к женскому роду: как*а́* лиц*о́*, мълак*о́* как*а́й*εта; тоже в вин. п. про́с*а* фс*ю́*, на т*у́* по́л*я*. Таким образом, получается ряд слов, принадлежащих по формам и согласованию частью к мужскому, частью к женскому роду, изредка сохраняющих и формы среднего рода.

В прилагательных особенностью по сравнению с литературным является смешение окончаний. Твор. и местн. ед. мужеск. рода (под ударением): ф как*и́м* гаду́, в н*им*, нъ сва*и́м*, в адн*ым*; эти формы гораздо чаще, очень редко обратное сь н*ём*.

В прилагательных большое место занимают стяженные формы в качестве определений: имен. ед. ж. р. сьве́ж*а*, четьвёрт*а*, но и сух*а́я*; вин. ед. женск. р. то́неньк*у*, мало́деньк*у*, но и так*у́ю*; им. мн. кру́пн*ы*, тёпл*ы*.

У местоимений род. пад. ед. ч. мяня́, тябя́, сябя́. Благодаря фонетическим законам склонение местоимения 2-го лица имеет такой вид: ты, тябя́, тибе́, табо́й.

В 3-м лице ед. и мн. ч. глаголов окончание *т* твердое: идё*т*, сиди́*т*, нясу́*т*, бягу́*т*. В 3-м лице множ. без ударения только *ут*: даго́н*ют*, но́с*ют*, смо́тр*ют*.

Форма итьти́ подравнялась к остальным на́ ть: ит*и́ть*; тоже во всех производных.

Переходное смягчение задненебных в глаголах отсутствует: беригёт, бигёт (бежит), пи*кё*ш, ма*гё*ш.

Описанный говор с ассимилятивным аканьем и согласными, совпадающими с литературным языком, представляет обособленный островок среди говоров Пензенской губ.[1]

---

[1] Подробно об этом в моей статье: Типы великорусских говоров Пензенской губернии. V вып. Трудов Пенз. Общ. Люб. Ест. и Краев. 1925.

Говор города Углича Ярославской губ.

О. А. Державиной.

Углич — небольшой городок, расположенный на правом берегу Волги, между Тверью и Рыбинском. Железная дорога проходит отсюда в 40 верстах, в Калязине; это ближайшая станция, но и она существует недавно. Лет пять тому назад такими станциями были Ростов Ярославской губ. (80 верст) и Рыбинск (70 верст). Таким образом, единственной связью Углича с культурными центрами является Волга, но и эта связь далеко ненадежная: более или менее правильно пароходы до Углича ходят только весною и осенью, летом же Волга выше Рыбинска так мелеет, что пароходство становится невозможным.

Все это создает картину почти полной оторванности города от центра, даже губернского. Правда, значительная часть углицкого населения жила на заработках в Москве и Ленинграде, но заметного влияния на местный говор это не оказало, так как «питеряки» и «москвичи» приезжали домой очень редко и, сверх того, они обладают способностью необычайно долго сохранять характерные черты своего родного произношения. У них очень редко можно наблюдать чистое литературное произношение, гораздо чаще — переходное от окающего к акающему. Что касается коренных жителей Углича, то их можно разделить на две группы: 1) местная интеллигенция—учительство, купечество, духовенство и 2) прочие жители.

Интеллигенция в громадном большинстве окает, произнося полные *о* и *е* даже во 2-м и 3-м предударном слоге и в 1-м после

ударения, напр.: берéза, дорóга, городовóй, водовóс, гóрот... и вообще в говоре придерживается орфографии. Из области морфологии здесь характерно частое употребление постпозитивного члена и окончаний — *ова*, *ева* в род. пад. прилагательных.

На говор остального населения сильно влияют говоры окрестных деревень; поэтому он значительно богаче местными особенностями. Собранный мною материал касается как раз этого говора. Бóльшую часть его мне удалось записать за мещанкой — женщиной 37 — 38 лет, коренной угличанкой. Остальное подмечено на базаре, на пристани, на постоялых дворах. Мои наблюдения захватывают главным образом старшее поколение города.

Фонетика.

Углич по своему географическому положению принадлежит к Владимирско - Поволжской группе северно-великорусских говоров. Основные черты этих говоров, а именно: оканье, *г* взрывное, твердые окончания 3 лица глаголов, постпозитивный член — выявлены очень ярко. Что касается оканья, то оно строго выдержано в 1-м слоге перед ударением, — так говорят: дорóга, головá, топóр, ходúть; во 2-м и 3-м слоге перед ударением, а также в 1-м после ударения произношение не так выдержано, — говорят: проробóтал, поредúлса, из гóрода, и в то же время, — мълодáя, я́гъ^{а}дък, пръдалá. Кое-где слышится *а* вместо *о*, но это явление ничего общего с аканьем не имеет. Напр., из Ераслáвля, ганя́л, Никалáй, сталавéр... Здесь скорей всего сказывается влияние ассимиляции.

Звук *а* обычно произносится открыто и отчетливо; изредка в слоге после ударения подвергается редукции, говорят, напр., трúццъть. Довольно часто *а* переходит в *о*, главным образом в слоге перед ударением, — напр.: Ондрéй, Огáфья, бозáр, отбозáрил, догодáлса, голóши; приставка раз всегда произносится с *о*: роскáчивайса, рощёт, не россуждáй; также: робóта. *О* вместо *а* всегда слышно в словах с окончанием — ушко: бáтюшко, маль-

чи́шко. *А* без ударения в начале слов опускается, напр.: Лёкса́ныч. В словах куды́, туды́, сюды́ — *а* заменяется *ы*. *А* между мягкими и *j* (-орф. *я*) под ударением всегда сохраняется, в слогах же без ударения переходит в *е*. Такой переход чаще всего можно наблюдать в слоге перед ударением: поредилса, погледи́, езы́к, чоты́ре чеса́, — реже во 2-м предударном и после ударения: — *Е*расла́фь (или *И*расла́фь, — дальнейшее изменение, как *и* в слове т*и*жоло́), петачо́к, вре́ме, де́сеть. В целом ряде слов произношение не установилось, так говорят: напреду́т и напряду́т, плеса́ли и пляса́ли, гледе́ть и глядеть, легу́шка и лягу́шка и — по аналогии — заде́рживают и задя́рживают.

Звук *е* переходит в *о* после мягких согласных перед твердыми не только под ударением, как в литературном произношении, но и в слоге перед ударением и в конце слов: ёму́, лёжи́т, наплёва́ть, читвёрта́к, свёрну́лса; тоже после шипящих: чово́, тижоло́, чоты́ре, опщожи́тие, вчора́шней; в конце слова — го́рё, с Ко́стёй (существ.), бу́дёт, помина́ёг (глаг. 3 л. ед.), поспе́итё, скажи́ко-тё, не моро́чьтё (2 л. множ.), тако́ё, собо́рноё (прилаг.), то́-жо, што́-жо (мест.); иногда в тех же условиях в *о* переходит и ста́рое *ѣ*: рёка́, пёту́х. *О* вместо *е* встречаем, кроме того, в словах с старым *о*: робе́нок, робя́та, топе́рь, и в начале слов: *О*вдо́тья, *О*лёна, *О*фроси́нья. *Е* старое и *е* из старого *ѣ* в слогах без ударения переходят в *и*, чаще перед следующим мягким согласным: 1-й предуд. — у м*и*ня́, д*и*ся́ток, л*и*ни́вой, воскр*и*се́нье, пот*и*ря́ла; 2-ой предуд. — н*и* вида́ть; 1-й послеуд. — о́ч*и*нь, по́нч*и*; реже перед твердым согласным — сл*и*за́, ч*и*твёртой, коп*и*рати́ф, оп*и*ра́ция. Гораздо чаще перед твердым согласным слышно *е*: река́, песо́к, село́, вела́, — или *о*: сёло́, вёла́. Под ударением *е* и *ѣ* в *и* никогда не переходят.

Звук *и*, как в слогах под ударением, так и в безударных, после мягких согласных, иногда переходит в *е*: хварте́ра, оне́, не дня — не но́чи,[1] прикомандеро́ван, Углеч, е́те. То же *е* вместо *и*

[1] Срв. нехто́, нека́к — Яр.; в подобных случаях *е*, вероятно, не из *и*, а из *ѣ*; ср. украинское ні́хто́, ні́як, ні́чо́го. Примеч. ред.

слышится и в окончаниях имен сущ. и прил. на *ий*: Васи́*лей*, си́*ней*.

В Угличе широко распространена потеря *и* неслогового и вызванное ею стяжение гласных. Так говорят: не хвата́*э*т, копе́*э*к, зде́*ла*т, не дохва́тыв*а*т, дожида́*м*са, ду́*ма*ш, о́пщ*а*, бе́*ла*, тако́ и т. п., сюда-же — «подём» (в Яросл. у. «побм»). *И* слоговое опускается только в словах — «мени́ны» и «губе́рня».

Из области гласных отмечу еще *у* вместо *о* в словах: сусе́д, угурцы́, ну́мер. В слове «глыбо́ко» *у* в свою очередь заменяется *ы*. В словах: «но́не, но́ньче» вместо *ы* говорят *о*.

Переходя к согласным, отмечу прежде всего смягчение задненебных *к*, *г*, *х*, появившееся здесь, по мнению Зеленина, под влиянием соседнего Ростовского уезда. Зеленин считает Ростовский уезд родиной смягчения *к*, *г*, *х* и объясняет это явление влиянием предшествующего мягкого слога. В Угли́че смягчение распространено мало; смягчается главным образом *к*, переходя иногда в *ть*: Ма́нь*кя*, то́ль*кё*, помале́нь*кю*, ско́ль*кё*, ми́линь*тсй*, Ва́сь*тя* и т. п. Из других согласных смягчаются *л* и *н*: *ля*жи́цца, обруча́*ль*ние. Удалось слышать однажды смягченное *р* в слове «пе́*рь*вой» — «ко мне к перьвой»; других примеров смягчения *р* не слыхала.

Отвердения мягких согласных в говоре нет, отвердело только *н* в слове: «поме́*н*ше» и то не у всех.

Шипящие *ж* и *ш* тверды; только один раз удалось слышать слово «по*ши*ре», сказанное с мягким *ш*. *Ч* мягко по-московски; *ц* — твердо; они никогда не смешиваются между собой. *Щ* произносится в городе твердо, как долгое *шш*: пу*шша́*й, о*шшо́*, в уезде — мягко: *ощё*. *Ж* в словах: «*ё*ж*жю*, до*жжя́*» — всегда мягко.

Звонкие согласные перед глухими и в конце слов перешли в глухие, глухие перед звонкими — в звонкие: гро́п, любо́фь, 30 годо́ф, го́т и т. п. Обращает на себя внимание глухое *т* в слове «агрома́*т*ный» в произношении некоторых лиц.

В заключение приведу несколько примеров замены одних

согласных и их групп другими, чаще всего под влиянием ассимиляции и диссимиляции.

1) В 3-м лице един. ч. наст. вр. возвр. залога и в неопред. накл. группа *тс* звучит как долгое твердое *цц*: переведé*цц*а, хóче*цц*а, дýма*цц*а (из «думается»).

2) Во 2-м лице, един. числа наст. вр. возвр. залога вместо сочетания *шс* говорят долгое *сс*: цара́пасса, мбесса и т. п.

3) Вместо *ч* в сочетании *чн* всегда говорят *ш*: трóе*ш*ной, за Корбжи*ш*ной (Корожечна — река около Углича).

Из других согласных — *б* ассимилируется с *в*: о*вв*еньча́ть, и с *м*: о*мм*очи́ть; *в* заменяется: 1) через *м*: *м*нýчек, 2) через *л*: с*л*оббда, 3) через *р*: ск*р*óзь; *г* звучит как *в* в словах: се*в*одни, ко*в*да́, — и в окончании род. пад. един. числа прилагательных и местоимений: кра́сно*в*а, ко*в*ó; в слове «а́нь*д*ел» *г* заменяется *д*. *Д* заменяется через *р* в слове «сва́*р*ьба», через *н* в слове «ка́ж*н*ой», «ослобо*н*и́ть». *К* заменяется через *х* — *х*вартéра; *л* через *н* — ма*н*éнько. *М* заменяется через *в* — не запó*в*нят, *в*нóго; через *н* — *н*и́мо. *Н* заменяется через *м* — *М*икола́й. *Р* — через *н* — я́рма*н*ка — и через *л* — ста*л*овéр. *Х* звучит как *ф* в слове «кý*ф*ня».

В целом ряде слов те или иные согласные совсем выпадают; так потеряны *т* (*д*) в конце слов — шéсь, пока́месь, съéс, хвóс, пбес, уéс. В слове «рýпь» потеряно конечное *л*. То же явление — в середине слов, главным образом в окончаниях прилагательных: Иросла́ска, пра́ска (потеряно *в*), завóлска (потеряно *ж*). *Н* не употребляется в начале местоимений, говорят: к емý, с и́м, с éй. Как пример на выпадение согласных, приведу еще — пеýн, дéушка, ра́зе, пбзно, ба́ушка.

Отмечу еще одну интересную особенность угличского говора в области согласных. У женщин довольно часто можно слышать в окончании 3-го лица един. числа прош. вр. европейское *л̃*: сказа*л̃*а, ходи*л̃*а. Эта особенность, видимо, занесена сюда из других губерний, где она может быть объяснена финским влиянием.

Морфология.

В области морфологии характерны следующие особенности.

1) В им. пад., един. ч., мужеск. рода существительных на «—ёнок» появляется окончание *о*; так говорят: телёнк*о*, котёнк*о*, пострелёнк*о*; сюда же можно отнести «кóлокол*о*». Все эти слова переходят из мужеского в средний род.

2) Родительный падеж смешивается с винительным в мужеском и среднем роде: «попросила я у маменьки суконнова пальта, показала мне родимая ременнова кнута».

Смешение падежей наблюдается также во множеств. числе, а именно: постоянно смешиваются творительный и дательный падежи. Употребление дательного вместо творительного можно слышать постоянно, не только в существительных, но и в прилагательных, и в местоимениях. Напр., «Васьтя, куды пошел?— За грибам, за маслёнкам». Или в частушке: «Сорокофкам не закупишь и платкам не задаришь, ты давно другую любишь, только мне не говоришь». Прилагат.: «чай пьет с шоколадныем канфетам; работаем новым граблям». Местоим.: «дом-от за нам». Реже наблюдается обратное явление — творительный вместо дательного: «дает корму циплятами; по лесами ходил». В твор. пад., един. и множ. числа, нередко употребляются формы винит. падежа с предлогом *по*: пó воду, по грибы́, по я́годы.

Целый ряд морфологических особенностей в области существительных объясняется смешением старых основ. Сюда относятся:

1) *у* в окончании род. пад., един. числа, мужск. рода, — «всякава калибер*у*, до новова год*у*»;

2) род. пад.—«путя» от слова «путь» («середи путя»), как сарая, коня;

3) наоборот, в род. пад. и в старой форме им.-вин. двойств. числа слов «рубль» и «день» слышится окончание *и*: тр*и* дн*и*, до Петрова дн*и*, два рубл*и*;

4) в местн. пад., един. числа женск. рода, старых основ

на *и* и *ѣ* очень часто слышится *е*: на крова́т*е*, на посте́л*е*, в це́ркв*е* (как на недел*е*, на рек*е*).

Во множ. числе, в род. пад. женского и среднего рода встречается окончание *еф* и *оф*, перенесенное сюда из мужеского рода: варе́нь*еф*, ве́кш*оф*.

Иностранные слова изменяются по образцу русских: «Лошади-то у меня были прикомандерованы к вольнонаемному депу́... Ис трека-та брюк нашьют, зима придет — по́льтоф... Пуговицы пришивали к по́льтам».

Интересны формы звательные: «Дунь! Вась!». Довольно часто можно слышать звательные формы с окончаниями прилагательных: «мамистая, Колистой». Они употребляются тогда, когда хотят придать обращению оттенок ласки и игривости. В области прилагательных в женск. и средн. роде преобладают краткие окончания, образованные стяжением гласных, после потери *й* неслогового, как в имен. и винит., так и в родит. надеже единств. числа: «Углецка фабрика, бела навина, капельну корзиночку (т. е. маленькую), опщу кухню». То же, но реже, наблюдается в имен. и винит. пад., множ. числа, для всех родов: «новы сапоги», и очень часто в местоимениях: «тако време пришло, во́на каку груду продала, выбирай которы хош» и т. п. В имен. пад. мужск. рода и в род. пад. женск. рода единств. числа господствуют окончания — *ой*, *ёй* или *ей*: син*ёй*, Фчорашн*ёй*, агроматн*ой*, абнаковенн*ой*, летошн*ой* (прошлогодний); то же и в местоимениях: кажд*ой*, са́м*ой*, лучш*ой*. В род. пад., единст. числа, мужск. и средн. рода, преобладают окончания: *-ово, ова, ева,* реже — *ава*; бьющ*ева*, стар*ова*; то же в местоимениях — всяк*ава*. В род., дат. и твор. пад., множ. числа, очень часто можно слышать окончания: *ыех, иех, ыем, ием*: в костюмах ходит стар*ыех*; в худ*ыех*; с шоколадн*ыем* конфетам. В притяжательных местоимениях в этих случаях находим окончание *ем*: сво*ем* рукам, мо*ем* деньгам; то же в твор. пад. единств. числа: со сво*ем* семейством. В имен. и вин. пад. здесь всегда — *е*: мо*е*, тво*е*, сво*е*. Вместо личных местоимений родит.

пад. един. числа — *его, ее*, говорят: евбной сын, евбная мать, ёйной муж.

В глаголах окончания 3 л., един. и множ. числа, всегда твердые: говорят, ходит, смотрит, читают, смотрят. Окончания *ат, ят* и *ут, ют* никогда не смешиваются. Тверды также возвратные формы на *ся*: тороплюс*а*, одевалис*а*.

Глагольные формы — «хочешь», «говорю», «он говорит», инфинитив «девать» очень часто сокращаются в «хош», «я гу», «он гит», «деть». Например — «выбирай, которы хош», «не знаю, куды деть ие». Кроме того говорят: пекёшь, пекёт, пекём, — по аналогии с «пеку», «пекут»; «жгет», «жгем» — по аналогии с «жгу», «жгут»; «убрата́» по аналогии с «занята́», «заперта». Инфинитив глагола «есть» имеет на конце *и*: ест*и*.

Словосочетание мало чем отличается от Московского. Больше всего бросается в глаза широкое распространение постпозитивного члена, его слышишь чуть не после каждого слова, — и повторение предлогов. Например: «Зловил лошадь-ту; не морочьтё людей-то; у миня не больно толст карман-от; лошади-то не знамо где; мнучка-та к Миколе пошла; коровы-те разве вышли; сундук-от железной». Повторение предлогов: «ко мне к первой; в костюмах ходит в старыех» и т. п. К глаголам в повелит. накл. очень часто присоединяется частица — *ко*: дай-ко, скажи-ко-тё. Частица — *ста* в современном говоре Углича совсем не встречается.

Кроме указанных особенностей словосочетания, приходилось иногда слышать и более характерные, чисто местные обороты. Приведу наиболее интересные. «А он, как совецкую кузницу имевши, к нему ревизия и ходит... Оне как там рядом, дак оне знают... Жалованье не так большое, задярживают при том-жо... Да я в за-Волгу тороплюса»... Очень часты обороты вроде: «к заутрене звонили, он пришол; коров согнали, я пошла»...

Интереснее и богаче особенностями местный словарь. Угличане то и дело пересыпают свою речь характерными местными словечками, вроде: «знамо дело; не разбери-поймешь; страху

подобнова; не путем; етта (здесь); не знамо где; охота (хочется)». Конфекты по местному — гостинцы, буфет — горка, туфли — баретки, с детства—с измалетства... На каждом шагу слышишь такие фразы: «Хоть на час, да в скок»; «искастила, на чем свет стоит» (т. е. изругала); «так одделаю, дак только тут ли ты»; «говорит с замином» (запинаясь); «эк её пересёмы-то берут» (т. е. суетится, держится неспокойно); «куда ты засудобила спички-то»; «да ну-ко роскачивайса, што колоколо соборное!»... Гостям, которые церемонятся, говорят: «што вы модитес и уставляетес» и т. п.

Типичные черты говора Углича не являются чем-либо выдающимся и особенным. Это черты, присущие, сколько мне известно, говорам всей Ярославской губ. По крайней мере, в уездах Ростовском и Ярославском, с которыми я сравнивала говор Углича по работам Булычева и Тихвинского,[1] оказались те же особенности, что и в Угличе, с очень небольшими и незначительными отступлениями.[2] С другими уездами сравнение произвести не удалось, за недостатком материала.

---

1 Русск. Фил. Вестник, 1890, т. 24 и 1911, т. 65.

2 Так, напр., в Ярославском уезде *ѣ* переходит в *и* и под ударением,— бил*и*ть, медв*и*дь... Шипящие иногда мягки: хоро*ш*'о и т. п.

Описание говора деревни Толстовской Молосниковской волости Котельнического уезда Вятской губернии.

Е. Н. Каринской.

В связи с моими работами в этнографическом кружке Вятского Педагогического Института под руководством проф. Н. М. Каринского, я в январе 1922 г. была в течение двух дней в деревне Толстовской Молосниковской вол. Котельнического у. и собрала ряд сведений по ее быту и говору. В настоящем докладе я сообщаю диалектологические результаты этой поездки. При собирании и обработке материалов я пользовалась «Программой для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей» проф. Н. М. Каринского, помещенной в «Известиях Вятского Научно-Исследовательского Института Краеведения», № 1.

Деревня Толстовская Молосниковской волости находится в 12 верстах от ближайшей железнодорожной станции Ацвеж Северной ж. д. и верстах в 25 от уездного города. В двух верстах от нее проходит недавно построенная ветка жел. дор. на Нижний-Новгород. В деревне около 200 душ. Главное занятие хлебопашество и лесные промыслы. Крестьяне работают на постройке новой «линеи», многие из мужской молодежи нашли себе заработки или даже постоянную службу в Котельниче в связи с мобилизацией 1914 г. Старики и старухи почти все неграмотны, молодежь почти вся грамотна, так как в трех верстах, в селе Капитанском («Капиданско», «Капиданцы») лет

20 назад была открыта школа, которую и посещают дети дер. Толстовской. Есть среди молодежи учащиеся в Котельниче и в Вятке во 2 ступени, в школах для взрослых, есть уже кончившие среднюю школу, есть двое с высшим образованием, впрочем, покинувшие деревню для педагогической деятельности. Поэтому, влияние города отразилось как на говоре, так и на быте деревни, но, преимущественно, на языке и быте молодежи, особенно мужчин. Повидимому, это влияние развилось лишь за последние лет 10—15. Люди старше 40 лет и многие из девушек еще строго хранят старые обычаи, гаданья, поверья, веру в нечистую силу, обряды на масленицу, Троицын и Ильин день и др. и воспоминания о старой свадьбе, которую, по рассказам, уже лет 10 не проводили полностью. Сказок знают мало, волшебных, кажется, совсем не знают. Старинные, «долгие» песни знают некоторые старухи, но петь считают грехом. К рассказам про нечистую силу, которая проявляет себя в особенности в «страшные вечера» (на святках), большой интерес, даже у бывалых людей. Частушки или, по местному названию, «пропе́вочки» известны еще мало; поют их только парни или девочки лет до 15, которые приплясывают под частушки парами: это называется «пройтись с пропевочкам». Взрослые девушки поют только «прогульные песни», т. е. игральные: обычно молодежь стоит или сидит в кружке и поет, а один парень с девушкой (или несколько, смотря по содержанию песни) исполняют в кругу то, о чем поется. На вечорках охотно танцуют «кадре́ль», но сохраняется и русская; особенно любопытна и красива пляска «метелица».

Язык дер. Толстовской, отчасти изменившийся под влиянием города, еще хранит однако яркие местные особенности в устах пожилых людей и девушек.

Говору Котельнического уезда посвящена отчасти статья Д. К. Зеленина[1] «Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию». Д. К. Зеленин обследовал Котельнический

[1] См. Сборник Отделения Русск. Яз. и Слов. Академии Наук за 1904 г., т. 76, в. 2.

уезд с севера на юг от с. Юрьева до волостей Сорвижской и Арбажской включительно (свыше 100 в. по течению р. Вятки). Я должна отметить, что говор обследованной мною дер. Толстовской несколько расходится с описанным им котельническим говором по отсутствию закрытых *о* и *ѣ* и твердого *л* (в «болшой»). Совершенно неупомянутую Д. К. Зелениным особенность — мягкие *ж* и *ш* — я склонна считать широко распространенной чертой в Вятской губернии по уездам Вятскому, Котельническому, Слободскому, Глазовскому и др., по крайней мере перед узкими гласными.

Темп речи крестьян дер. Толстовской довольно быстрый в сравнении с московскою речью, но значительно медленнее скороговорки некоторых местностей Вятского у. и других уездов Вятской губ. Протяжение последнего слога наблюдается несильное, без постепенного понижения голоса в последнем звуке, что слышится, напр., в Вятском у. Интонация чрезвычайно однообразна, как повсюду в Вятском крае; голос захватывает небольшой диапозон, обычно, не свыше кварты и часто долгое время остается на одной ноте, повышаясь на один — два тона лишь в наиболее сильных ударениях. Невольно приходит здесь на мысль сопоставление однообразной речевой интонации с монотонностью вятской песенной мелодии и вопрос о влиянии инородцев. Общая всему Вятскому краю вялость артикуляции рта на ряду с сильным затвором гортани в процессе говорения свойственна и крестьянам д. Толстовской. Поэтому здесь встречаем невнятное произношение согласных, особенно взрывных, и четкость гласных, соединенную с резкой крикливостью речи. Впрочем, и то и другое здесь менее ярко, чем, например, в иных пунктах Вятского уезда.

Вокализм. *О* в ударяемых и неударяемых слогах звучит отчетливо, не приближаясь к закрытому, близкому к *у*, как в иных местностях Вятской губернии:[1] *огоро́т*, *хорош'о́*, «*jéто́*, *сва́т*, *по́*-

---

[1] Ср. Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. в Сборнике Отд. Русск. Яз. и Слов. за 1904 г. Его же. Отчет о поездке в Яран-

дорогō». Даже при протяжении последнего слога нет приближения к *у* или дифтонгу *уо* или *оу* (о дифтонге в Вятском крае см. замечание проф. Н. М. Каринского в упомянутом «Отчете»). Вместо *е* постоянно видим *о*: жониx, ошшб, кáгж'*о*, чотыр'*о*, и в 3 л. ед.. ч.: плáчот, гор'ýjот, выплывájот. Обратный случай — вéдра.

Узкого *е* или *и* на месте старого *ѣ* не встречается: к вен'чý, делíт', обéдн'а имеют ясное *е*. Исключения составляют «jíсти» и узкий, близкий к дифтонгу звук в «ни^{e}т».

Обычно *е* вм. *а*, как перед мягкими, так и перед твердыми согласными в ударяемых и неударяемых слогах: мекина, кленýцца, поднелá, взгл*é*ни, з*é*т', держ'*é*т', замеч*é*jут (впрочем, последние два случая, быть может, под влиянием аналогии). Эта особенность — одна из наименее устойчивых. У молодежи она заметно пропадает, у некоторых девушек сохраняется, у иных встречается спорадически. В песнях девушки ее сохраняют.

Аканье встречаем лишь у мужской молодежи и школьников в виде неясного произношения неударяемых *о* и *е*, но непоследовательно: «já т$^e_и$бé гов^o_aрúл!».

Неслогового *ў* сместо *в* нет.

Стяжения гласных с отсутствием йотации обычны: очишш*ā́*т, быв*ā́*т, «скáш'*ле*ш', даг болíт», допрáш'ив*а*т. По моим наблюдениям, при стяжении гласных в ударяемом слоге, этот последний остается долгим; безударные, а особенно слоги, удаленные от ударения, приближаются к обычной кра̊ткости. Стяжение гласных — особенность, упорно сохраняющаяся в вятском говоре, даже в говоре местного образованного общества.

Отмечу сохранение старого *е* в случае «пéпелом» вм. нашего «пеплом», *е* вм. *и* перед *j*: лúнеjа и интересный случай «по вы́беру» вм. нашего «по выбору».

ский уезд, Юрьев 1902. Его же. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии. Живая Старина, 1901 г., в. 1. Ср. также Отчет проф. Н. М. Каринского о летней экскурсии в Вятскую губернию. Отчет о деятельности Отд. Русск. Яз. и Слов. Росс. Акад. Наук за 1918 г. Приложение.

Консонантизм. В дер. Толстовской все, кроме парней и школьников, несколько уже перенявших городскую речь, чокают: к вен'*ч*у́, бф*ч*и, кол'*ч*ó, на *ч*éл'ноj вéчор, «тан'*ч*ова́т' то бу́дете л'?» «ж'ена́ то вóл'ни*ч*а, тан*ч*ова́т' охóтни*ч*а» (из песни). Цоканья в деревне нет.

Не встречается ни *с* вм. *ц* (сэ́ркоф'), ни *ш* вм. *ч* (но*ш*'), ни шепелявой замены *з* и *с* через *ш* и *ж* (*ж*'éм'с'к'оj).

Нет случаев бу*д*'у́, брóс'*у*, вре*д*'у́.

Мягкое *к*, сохраняющееся у стариков, старух и отчасти у девушек, у многих уже пропадает, но в песнях большею частью сохраняется: Сáн'*к*'а, мáн'*к*'а, сердéч*к*'о, колéч*к*'о, ко сердéч*к*'у, тол'*к*'о, низ'óхон'*к*о, мил'óхон'*к*'о, и при мягком *ш* (о нем ниже) — соловjу́ш'к'а, Васи́лjуш'*к*'а.

Окончание *-ской* мягко: деревéн'*с*'*к*'*оj*, кукáр'*с*'*к*'*ово*, пéр'мин'*с*'*к*'*оj*, до покрóф'*с*'*к*'*оj* субóты.

Обычна ассимиляция *б* с *м*, *д* с *н*: лáнно, омману́т, пуст'аки́ онны́; однако: парáднē крыл'чó.

Твердого *л* (си́лно, бóлно) нет.

Широко распространенные в вятских говорах и даже в языке местного образованного общества мягкие *ж* и *ш* обычны здесь не только перед узкими гласными, но и перед *а* и *о*: *ж*'ивóт, тó*ж*'о, *ш*'е*ш*'нáччет, хоро*ш*'á, удáча бол'*ш*'á, по*ш*'óл.

Вместо *щ* произносится твердое двойное *ш*: очи*шш*áт, пу*шш*áт', о*шш*ó, *шш*ыпат'; также твердо двойное *ж*: до*жж*óф, во*жж*áцца.

Не смягчается *г* в *ж* и *к* в *ч* в случаях; настриг'óт, испек'óт.

Видим ассимиляцию следующему или предыдущему согласному в случаях: *з*алéзо, *з*алéзна дорога, ш'е*ш*' и диссимиляцию в «*з*емчу́ж'ноjо».

Частые в Вятском крае «фселды́, колды́» встречаются и здесь, хотя нередки и «фсеђá, кођá».

Отмечу случай, — «пóмл'у» (аналогия с «ловлю?») и «Капиданцы», «Капидáнско» из «Капитанское».

Формы. Из морфологических особенностей постоянна замена творительного пад. мн. ч. дательным: «серпа́*м* ж'пу́т то вет'!». С распространением влияния городского говора появляется однако и смешение обоих падежей: «ја присма́триваjус' к у́мны*ми* старичка́*ми*». В песнях видим: «скака́ла бы, плеса́ла по луг*а́м*, по зел'о́ны*ми* дубро́вуш'ка*м*», «не ході́, моjа́ мила́jа, зелены́*м* луга́*ми*».

Дат. пад. ж. р. ед. ч. оканчивается на ударяемое *и́*: г доче*ри́*, на лош'ад*и́*.

Местн. пад. ж. р. ед. ч. — в ызб*и́*.

Род. пад. мн. ч. — парн*е́j*, ка́тч*еj* (от «кадца» = кадка), дож*жо́ф*.

Обычны краткие окончания прилагательных, быть может, в связи с выпадением *j* и стяжением гласных: меки́па ры́ж'*а*, бол'ш'*у́* буты́лку, как*а́* jезда́ топе́р'а! В песне находим: «золот*о́* кол'чо́ дар'у́, золот*о́jо*, вит*о́jо*, сере́бр'аноjо».

В муж. р. прилагательные имеют окончание *оj*: бе́л*оj* ж'они́х, четв'орт*оj* муж'ик, до́бр*оj* ко́н'.

Местоимения има́, има́м обычны; тема́, тема́м, всема́, всема́м не слыхала.

Склонение «он, она, оно» имеет: «с јим, с јей, у јих» и т. д., мн. ч. — оны. Вместо «что» имеем «ш'ш'о», хотя у многих уже «што».

Формы члена широко распространены: переночева́т' но́ч-от, де́н'ги-ти ме́лки-ти, хле́б-от, на пл'а́ску-ту, кваш'н'а́-та, «загиба́ли ли вечо́рку-ту?».

Окончание -*ти* в неопред. накл. встречается в некоторых глаголах: ји́сти, «jе́хати то бо́л'но по́здо».

Окончание -*т* в 3 л. ед. ч. не пропадает. Однако иногда оно почти или даже совсем не слышно, особенно в случаях растяжения слога, вследствие слабости артикуляции согласных.

Окончание 2 л. мн. ч. повел. накл. на безударное *т'о*: поjди́*т'о*, слу́ш'аj*т'о*.

Отмечу окончания: ле́т*на* погбда при холо́н*ниj* де́н', пара́д*нē*

крыл'чо́. Д. К. Зеленин в «Отчете о поездке в Яранский уезд» говорит по этому поводу о мене твердого и мягкого *н*. Здесь дело, конечно, в образовании по аналогии. Подобный же случай имеем в «ба́рыш'на».

Встретился суффикс *и́га*: черни́га, полени́га, землени́га.

Образования «пш'ени́с'нoj, моло́с'нoj, я полагаю, явления аналогического порядка, а не фонетического, как думает Д. К. Зеленин (см. Отчет о диалектол. поездке в Вятск. губ.).

Обычны формы: от'су́доф, отту́доф, отку́доф.

Часты образования с приставкой *по-*: «*попо*ш'и́т' на́до ошшо́, *попо*стира́т'!» «*по́*тиху *попо*дjе́хали», «на вечо́рках топе́р'а *по́*малу быва́т!» «нафстре́чу бы *по*подjежжа́т'!».

Особенности ударения: поло́ж'ит', поло́ш', ло́жит' (обычные и в языке вятской интеллигенции), «во́jдет ли с'уда́ буты́лката?» «по́jдеш' ли в ызбу́ту?».[1]

Прилагаю небольшой список местных слов, не имеющихся в словарях Даля, Васнецова и Зеленина (в «Отчете о диалектологической поездке в Вятскую губернию» и в «Особенностях в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии»).

бога́то: много. «Парне́j не боhа́то топе́р'а».

взы́скивать: «Чеб у ва́с до ко́их пор самова́р не готоф? — Ну, чеб ты та́к взы́скиваш'? — Просты́ла, дак ы взы́скиваjу!».

ворова́то: (не могут найти вещи и смеются:) «Ојо́j, што́ то ворова́то ста́ло у на́с!».

заги́бать (кроме общего значения): «Ш'ш'о пл'а́скуту не загиба́ли ноне? — Нет, мы николды́ не загиба́м». «Капида́нскити и́гришпо како́ загиба́ли!».

като́к — катушка ниток.

---

[1] За недостатком времени синтаксических наблюдений я не производила. Отмечено мною только: вин. пад. с предлогами *подле, возле* («во́з'ле ла́фку поло́ш'», «сади́с' по́дле па́пу», «во́з'ле ре́чуш'к'у дети́нуш'к'а ид'о́т» — из песни) и согласование: «нехто́ не подjе́хали».

квасни́ца — кадка, в которой делают квас (у Даля не отмечено, как вятское).

кубо́чек — рюмка. «Ошшо́ кубо́чек оди́н!» — «Ника́к нел'з'а́, блаҺодари́м!».

подпоро́ться: «Ка́ш'ел фс'о́, и голо́фка боли́т, и глаза́ во́-как потпоро́лис'а!».

просты́ть (кроме общего значения): озябнуть. «Не просты́н'т'о, холонно́ у нас!».

слома́ть (кроме общего значения): разбить. «Слома́т' кру́шку до́лго ли?».

су́тки: красный угол. «Вы го́сти, ф су́точки пож'а́лујт'о!» «Ло́ш' ф су́тки плато́кот» (у Даля, как вятское, не отмечено).

Один из местных стариков, заинтересовавшись моей работой, сообщил мне несколько «дереве́н'ских» слов со своими объяснениями:

«ка́водни и́ли каводни́ говор'а́т: за неде́л'у, за ме́сец, коҺда́ зна́л, да забы́л ден'от. Говор'а́т то́ж'о: каводни́с'ака, лони́са'ка; ну, је́то «ка́» вопш'ш'е́ прибавле́јут к ра́зным слова́м» (ср. у Даля «кова́дня» и др., у Зеленина в «Отчете» «ковбдня» и др.).

«лони́ — про́шлој го́т» (Ср. у Даля и Васнецова).

«лон'с'ко́ј, лон'ш'а́к — тел'о́нок, ж'ереб'о́нок годови́к, которому гот пош'о́л (Ср. у Даля и Васнецова).

«меречо́к: не хо́чот је́хат' кобы́ла, ак говор'а́т — с меречко́м она́ у теб'а́, ви́нно! меречо́к у је́ј».

«млит: је́то говор'а́т: јему́ фселды́ на переле́ске мли́т чеб-то» (Ср. у Зеленина в «Отчете», Васнецова и Даля, где только возвратные формы).

«оломе́ни — онаме́дни, ономн'а́с', на је́тих дн'а́х, зна́чит» (Ср. у Зеленина там же «оломе́дни», у Васнецова и Даля «онаме́дни»).

В деревне Толстовской мною записано несколько рассказов про нечистую силу от одного бывалого, грамотного крестьянина 62 лет, бывшего солдата Турецкой войны. Он сохраняет мест-

ный говор, с утратой впрочем чоканья и мягкого *к* и с некоторыми книжными формами, как «јеја́».

I. «Коhда́ э́тта ш'ôл ôн (его приятель Илья, б. солдат) ызза пру́с'кој грани́цы, дак заш'ôл ночева́т' в ызбу́ одну́. Стучи́цца свешше́нник ошшô. Ну, почему́ не пусти́т'? Переночева́т', дак. А к ји́м стару́ха ходи́ла, м'ôртваја. Ка́ж'нују нôч лета́ла. Вôт свешше́нник ы говори́т (а ôн бы́л с крестôм),—штôп фс'ô кругôм ызбы́ опсы́пат' пе́пелом. И и́менно зате́м опсы́пат' пе́пелом, штоп следы́ јеја́ оста́лис'. Вот нôчју она́ и прихôдит; да крук ызбы́ хôдит, в окôш'ки загл'а́дыват, а војти́ не сме́јот: потому́ свешше́нник в ызбы́ фс'ôтаки. Походи́ла, походи́ла, да как завôјот и ишше́зла. На у́тро фста́ли погледе́т': а крук ызбы́ фс'ô следы́, ф чôм она́ была́, значи́т, пу баш'маки́ ли, чеб ли. Вôт ы обозна́ли, чји́ оны́. Пош'ли́ э́тта к је́ј на моги́лу, роскопа́ли. А она́ леж'и́т, улыба́јоцца и закрыва́јоцца э́так рука́м. Оби́ли јеjô кругôм, дак бол'ш'е не лета́ла».

II. Рассказывают ли у вас про домового? — спросила я у этого крестьянина. «Про домовôво... домовôј... э́тта погоди́, у на́с јевô не та́к зову́т. Ка́гж'о... вôд забы́л... да́, сосе́тко э́тта. Да́, говор'а́т ы про јевô. Вот ôн ж'о, Илја́, роска́зывал. Бы́л он боhа́тој. Перет те́м ошшô спи́т он ы слы́ш'ит, да́вит э́тта јевô. Ôн ы спра́ш'иват: «х чему́ ты да́виш', к худу́ а́ли г добру́?». А тôт ы говори́т: «г добру́». Ôн ы ста́л боhате́т', и во фс'ôм уда́ча была́ бол'ш'а́. Потôм ж'ена́ јевô спи́т, и јеjô дави́т' стал. Она́ тôж'о јевô спра́ш'иват: «к ху́ду а́ли г добру́ да́виш'?» — «к ху́ду», говори́т. Ну́, оны́ ме́л'ницу прôдали и фс'ô на де́н'ги обрати́ли. А тут переворôт, и де́н'ги топе́р'а, сама зна́ш', човô стôјут? В разôр приш'ли́ оны́. Вôт ы ве́рно, ста́ло бы́т'».

III. Во время этого и следующего рассказов с большим вниманием слушали старика его жена, невестка и дочь и иногда делали ему вопросы и вставляли свои замечания.

«Ш'ôл солда́т с војны́ и не зна́л, што у је́вô фсе пôмерли ронны́јо. Фхôдит в ызбу́...» Невестка: «Колды́ ходи́л на војну́ту, пôмерлити?» — «Ну ну́. Пока́ э́тта не́ было јевô дôма,

фсе́ попри́мерли. Оте́ц ы фсе́. Во́т, ду́ма̄т, переночу́ју но́чот». Невестка: «Ф својо́ј ж'о избы́?» — «Ну́, ф својо́ј, зна́чит. Во́т, а но́чју прихо́дит оте́ц јево́, ум'о́рш'еј. Појд'о́м, гово́ри́т, ксосе́д'ам на вечо́рку. Ну и пош'ли́. Не зна́л вет'о́н, што по́мер оте́цот. То́л'ко э́тта... не упо́мн'у, ка́к тут... не упо́мн'у фсево́то. Ка́к то простро́чилс'а о́н, пош'ли́ оны́ домо́ј, а бе́сот хоте́л солда́та удуш'и́т' (бе́с э́тта бы́л), да и простро́чилс'а, пету́х запе́л, он ы ишше́с».

IV. «А је́то в на́ш'еј дере́вне бы́ло ф страш'ны́јо вечера́. Уе́хал је́ној де́т» (невестки его) «и ошшо́ два́ муж'ика́ ф сан'а́х; да п'ја́ны фсе́ бы́ли (о́н, де́тот је́ној, роска́зывал). Во́т к ји́м чотв'о́ртој и се́л. Се́л ы је́д'от. Де́тот и гово́ри́т: «Ја вы́лезу, пеш'ко́м појду́». Оны́ говор'ат: «остава́јс'а!» А о́н фс'о́таки поле́с. Вы́лес, а итти́ не мо́ж'от: но́гити отнели́с' у јево́. Дак на кара́чках до са́мој избы́ својо́ј по́лс, ру́ки поморо́зил. А оны́ је́хали с чотв'о́ртым до са́мој око́лицы, а ту́т он сош'о́л. И ка́к сош'о́л, оны́ и обозна́ли јово́, што муж'и́к знако́мој. Ка́г за око́лицу вы́ш'ол, дак ви́нно јово́ не ста́ло. Пото́м спра́ш'ивајут тово́ муж'ика́: «бы́л ли ты́ мол с на́м?». А о́н из ызбы́ не выходи́л. Бе́с, гово́ри́т, э́тта бы́л с ым'а́. Да вет' п'ја́ны бы́ли, тут што́ не помли́т!». Невестка его с неудовольствием возразила: «Де́тко мо́ј николи́ непра́вду не говорил!».

Песни прогульные, поющиеся на вечорках в дер. Толстовской и соседних.

I. Је́хал па́н
от кнез'а́ боја́рина,
сро́нил па́н
сво́ју ш'л'а́пу чо́рнују,
чо́рнују,
чо́рнују, пухо́вују.
Кли́кал па́н
сво́ју па́н'ју милују:
«По́т' с'уды,

мо́ја па́н'ја ми́лаја́,
по́дними
мо́ју ш'л'а́пу чо́рнују,
чо́рнују,
чо́рнују, пухо́вују,
при́наден'
на́ моју́ голо́вуш'к'у,
по́смотри
по́смотри мил'о́хон'к'о,
ро́спростис'
ро́спростис' низ'о́хон'к'о.
(Каждый стих повторяется по 2 раза).

II. Лети́т голу́пка и́с пролу́пки,
а друга́ја из друго́ј,
вы́ не ду́мајт'о, дефчо́нки,
но́н'че взаму́ш выходи́т',
вы не вер'т'о молоцца́м,
што они клену́цца вам,
они гла́нуцца — клену́цца,
отворо́т'ацца — смеју́цца,
роспрост'а́цца ра́з-друго́ј
и отпра́в'ацца домо́ј.

III. Вечо́р соко́л, вечо́р молодо́ј
сы́ры бо́ры облета́л,
Васи́лјуш'к'а Игнат'јевич
ру́сы ку́дри рош'ш'еса́л:
«Ты Люд'ми́луш'к'а Ива́новна,
взглени́, ра́дос', на мен'а́:
ско́л' ја́ хоро́ш', ско́л' ја́ приго́ш'.
Полева́ј, неналевај,
полева́ј, цвето́чек мо́ј,
на листо́чек дорого́ј,
роспрости́мс'а мы с тобо́ј».

IV. Ве́рба, ве́рба, ве́рбочк’а
зелена́ја веточк’а!
Стои́т ве́рба на́д водо́ј,
над Дуна́јом на́д реко́ј.
Ве́рбу ве́тром не бер’о́т,
до́жжычк’ом не мо́чит.
Са́н’а, Са́н’а, Са́нечк’а,
Соловју́ш’к’а Ма́нечк’а!
Хо́дит Са́н’а по́ саду,
на јо́м па́л’то до́ полу,
и фура́ш’к’а на боку́,
в ру́чке де́рж’ит тро́сточк’у,
ку́рит па́пиро́сточк’у,
бер’от Ман’у за́ руку́,
вдол’ горни́чи провед’о́т,
роспрости́цца с је́ј појд’о́т.

V. А́х ты, не́га моја́ не́га,
не́га ма́туш’кина!
куда́, не́га, захоте́ла,
во́л’а взду́мала — пош’ла́,
ру́ка в ру́ку полож’и́ла,
ру́ка за́ руку взела́.
Уш’ ты по́ј ли, не по́ј,
мне́ не бы́т’ за тобо́ј,
уш’ ја́ бу́ду ли, не бу́ду
за Нико́лен’коју.
У Нико́лы Кудреш’а́
не́т ни де́н’ок ни грош’а́,
зато́ похо́тка хорош’а́.
За похо́дочк’у лубл’у́,
за јево́ взаму́ш’ појду́,
золото́ кол’чо́ дар’у́,
золото́јо, вито́јо,

Серéбр'áнојо.
Гу́л'ај, гу́л'ај, Николáј,
ж'ене́ вóли не давáј!
А штó ж'енá то вóл'нича,
тан'човáт' охóтнича.

VI. Ис под ду́ба, ис под в'áза,
Кáлина мојá, мáлина мојá (этот припев повторяется после каждого стиха)
селезе́н' утку́ вывóдит,
молодóј серу́ вывóдит,
на мости́к утку́ привóдит,
кáлин мóстик подломи́лс'а,
се́ра у́тка спотону́ла.
Селезе́н' плачóт, гор'у́јот.
Кáлин мóстик вырастáјот,
се́ра у́тка выплывáјот.
Селезе́н' возрадовáлс'а,
за белы́ ручки́ хватáлс'а:
«Мы попл'áш'ом, потан'чу́јом,
с се́рој у́ткој роспрости́мс'а».

VII. Кáк по трáфкам | 2 раза
по мурáфкам |
ш'óл дети́на | 2 раза
молодóј, |
неж'онáтој,
холостóј,
выбирáјот
чотыр'óх.
Фсе чоты́р'о
потходи́ли,
с пáрн'ом ре́чи
говори́ли.

VIII. Ја посéју лебеду́ на берегу́,
Своју́ кру́пнују россáдуш'к'у.
Козакá за водо́ј пош'л'у́ —
ни воды́ нет, ни козáчен'ки.
Кáбы дáли мне да во́рона кон'á,
ја бы во́л'наја козáчк'а былá,
скакáла бы, плесáла по лугáм,
по зел'о́ными дубро́вуш'к'ам,
со донски́м с молоды́м козако́м,
со удáлым до́брым мо́лоццом.
Јá ко мо́лоццу иду́, иду́, иду́,
ко удáлому иду́, иду́, иду́,
роспрошшáјус' и про́ч појду́.
(Каждый стих повторяется по два раза).

IX. Бе́лој сне́к выпадáл,
молоде́ч с кон'á упáл,
он упáл и леж'и́т,
к јему́ де́вича беж'и́т,
на кон'á јево́ сади́т,
чо́рну ш'л'áпу подајо́т,
принакáзывајот:
«Ты поје́д'ош', мил, гул'áт',
не загу́ливајс'а,
на хоро́ш'их, на приго́ж'их
не засмáтривајс'а.
Ш'ш'о хоро́ш'ијо, приго́ж'ијо —
оммáпливыјо́:
оми оммáнут, проведут,
роспрост'áцца и ујду́т».

X. Не свет'о́л ме́сеч свети́т
во земчу́ж'нојо кол'чо́,
у деви́чи чорнобро́вој
розгоре́лосе личо́.

На јејо́ личо́ прили́чно
смо́трит ма́л'чик молодо́ј,
он побли́ж'о к је́ј потхо́дит,
јејо́ за́ руку бер'о́т,
ми́лој на́ ногу ступа́јот,
ума́-ра́зума пыта́јот,
ми́лој ру́чк'у ж'м'о́т,
роспрости́цца ж'д'о́т.

XI. Не ходи́, моја́ мила́ја,
зелены́м луга́ми,
не носи́, моја́ мила́ја,
зелено́во пла́т'ја,
не л'уби́, моја́ мила́ја,
кука́р'с'к'ово па́рн'а;
ш'ш'о с кука́р'с'к'ово полти́на,
с пе́р'мин'с'к'ово гри́вна,
з дереве́н'с'к'ово парн'о́ш'к'а
золото́ коле́чк'о,
ја за је́то за коле́чк'о
прижму́ ко серде́чк'у.

Описание говора западной половины Воскресенского уезда и Орешковской волости Можайского уезда Московской губернии.

В. Н. Сидорова.

Материал, на котором основано настоящее описание, собран диалектологической экспедицией, организованной в июне 1925 г. на средства Диалектологической Комиссии и 1 Московского Государственного Университета. В течение недели группа лиц — автор описания, И. Я. Бондяков, Г. А. Лапина, Д. С. Онегин, О. Н. Сидорова, М. В. Ушаков и Н. Э. Шмидт, под руководством членов Диалектологической Комиссии И. Г. Голанова и П. П. Свешникова, пересекла с севера на юг и обратно с юга на север западную половину Воскресенского у. — волости Никольскую, Мамошинскую и Ново-Петровскую. На юге поездкой была захвачена Орешковская (Аннинская) волость Можайского у. Описание поэтому не ограничивается материалом Воскресенского у., но привлекает и материал Орешковской волости. На севере наша экспедиция посетила Спас-Нудольскую волость Клинского уезда, но в виду недостаточности материала, собранного там, настоящее описание Клинского у. не касается.

Маршрут поездки был следующий: станция Румянцево б. Московско-Виндавской железной дороги, д. Бели Мамошинской в., с. Никольское, д. Глиньково и Семенково, с. Апофриево, дер. Сафониха и Денисиха — Никольской в., далее д. Петряиха, с. Аннино, д. Стрыгино, д. Барынино, с. Михайловское, Федчино — Орешковской в. Можайск. у., затем по Мамошинской

в. через Лысково, с. Покровское, Рожествено на с. Ново-Петровское, откуда уже по Ново-Петровской в. через Лесо-Долгоруково в Тепловщину. Из с. Теплова, по Клинскому уезду через Покровское-Жуково, с. Спас-Нудоль, Тпликтино, Назарово экспедиция вернулась, на ст. Румянцево.

Ввиду того, что говор данной местности больших отличий в разных частях территории не представляет, я буду характеризовать его в целом. Некоторые особенности говора по отдельным местам мною оговариваются.

В отношении вокализма говор западной половины Воскресенского уезда и Орешковской волости Можайского у. — говор а к а ю щ и й.

Неударенные гласные *о*, *а* совпали в одном гласном. В слоге непосредственно предударном произносится *а*: мълакó, гъвари́т, ф пълагу́ спат', гълавá и т. д. В слогах втором и далее от ударения к началу слова большею частью слышится *ъ* — редуцированный гласный заднего ряда,[1] но встречается и *ă*: т'ос хърахóрит', път'ърати́цъ, гълавá пăмъзгалóвьј, кăравáшък нъп'аку́т.

В начале слова произносится гласный *а*, более долгий, если он в непосредственно предударном слоге: ап'áт', агáркъвă, ал'шн'áк и др., и более краткий (повидимому, несколько и качественно отличный) во втором и далее от ударения слогах: ăбижáит, ăл'шн'агóм, а вам ăнтирисýит.

Вместо неударенных *а*, *о* в заударных слогах, кроме конечного открытого, находится *ъ*: зáпълъски, Гли́н'къвъ, у дéвъчкъф, чижóлъј, пéрит пáскъј, сóрък вед'ър и т. д. Так же произносится *ъ* после задненебных в именительном-винительном падеже имен прилагательных: маскóскъј, мáхън'къј, ф купéчьскъј банти и др.; но употребляются окончания и с гласными переднего ряда. В конечном открытом слоге слышится *ă* или *ъ*: фс'о лéтă лежáлă, бз'ьрă, нé нъштă, у стáршъвъ сынъ, нь астáницъ.

---

[1] Этот редуцированный гласный, в отличие от В. Н. Сидорова, отношу к среднему ряду (ср. ниже о ъ). *Прим. ред. И. Г. Голанова.*

Сложнее характеризовать типы **яканья** в описываемых мною говорах. Господствующим типом на территории западной половины Воскресенского уезда является умеренное яканье (применительное). В слоге непосредственно предударном *е* (всякого происхождения) и *’а* после мягкого согласного совпали в одном звуке. Независимо от качества ударяемого гласного, перед твердым согласным звуком в предударном слоге является *’а*; перед мягкими согласными — *и*, *е*^{и}, *и*^{е} (в употреблении которых никакой последовательности нет): в л’асý, не б’арýт’, нăп’акýт’, цв’аты́, тв’арст’и́и, с’алó, в’адрó, јавó, къс’акóф, в’арстá, в’азáт’, зъм’арзáјьм; но — си^{е}б’á, прииж̄’áјт’и, м’ин’á, ти^{е}р’áиш, в’е^{и}чóр, бе^{и}р’óт’, вирит’óны, к сибé, у мин’é, дьревéн’, сн’ис’и́, ве^{и}с’ти́, рибит’и́шък и др.

Такой тип яканья можно с уверенностью констатировать в волостях Никольской (Воскресенского у.), Орешковской (Можайского у.), с большей или меньшей вероятностью в волости Мамошинской, для которой, кроме отдельных пунктов, как дер. Бели, где несомненно умеренное яканье, материала собрано недостаточно, чтобы судить, умеренное здесь яканье или ассимилятивное (выбор может быть только между двумя этими типами). Бóльшая вероятность за яканьем умеренным; в пользу этого может служить следующий, правда отрицательный, довод. В области ассимилятивного яканья, случаи, указывающие на ассимиляцию, резко бросаясь на слух, всегда отмечались. Но там, где распространено яканье умеренное, примеры, по которым можно судить о наличии ассимилятивности (даже такие часто встречающиеся, как — меня, тебя, себя) не записывались нередко из-за совпадения произношения их с произношением участников поездки. Поэтому само отсутствие в записи таких примеров говорит за умеренное яканье. Сознаю, конечно, что такая аргументация не совсем убедительна.

Самая северная волость западной половины Воскресенского уезда — Ново-Петровская — наиболее трудная для определения в ней типа яканья. В северо-западном ее углу в селе

Теплове отмечено ассимилятивное яканье второго типа (по терминологии Н. Н. Дурново).[1]

В предударном слоге вместо *е*, *'а*, перед твердыми согласными слышится *'а*, перед мягкими — *и*, *е*[и]; но если под ударением находится *а*, то в предударенном слоге *'а* слышится и перед мягким согласным, как напр. — с'аб'á, м'ан'á, пл'ам'áнница — в с Теплове.

Такой же тип яканья в соседнем (северном) Клинском уезде — в Волосове, Спас-Нудоле (в с. Спас-Нудоле яканье у большинства очень сбивчивое, многие икают — здесь отразилось влияние местной фабрики). Очевидно, что ассимилятивное яканье Тепловщины территориально является продолжением такого же яканья Клинского уезда.

В самом Ново-Петровском у старшего поколения отмечены примеры, показывающие на ассимилятивное яканье: т'ал'áт, р'аб'áт, м'ап'á. Также можно предполагать ассимилятивное яканье в д. Рыбешки к северу от Ново-Петровского. В селениях еще севернее — в Надеждине, Нижнем-Васильевском — яканье умеренное.

Картина яканья на описываемой территории сильно запутывается под влиянием городского (Московского) произношения. В больших торговых селах и деревнях такое влияние особенно сильно. Молодое поколение, например, в Ново-Петровском уже не якает, а по-городскому икает: ве[и]рнýлъс', дьве[и]тнáцътъвă, че[и]вó-нибýт', дъвижý, читы́ри — в говоре женщины лет тридцати. То же у молодежи. Икают отдельные лица, может-быть младшее поколение, в с. Никольском, с. Анофриеве — больших торговых селах. Но иканье проникает почти в каждое селение, и даже у лиц с отчетливо выраженным типом яканья можно услышать рядом с якающим видом слова произношение с иканьем: в'аснóј и виснóј, јавó и јивó, цв'аты́ и цвиты́ и т. д. Система

[1] См. Н. Н. Дурново, Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I, Южновеликорусское наречие. Вып. 2. Шамординская пустынь, 1917 г.

яканья нарушается и вследствие появления *'а* и в слоге перед мягким согласным: д'арéвн'ă, риб'ати́шт'и, зьмл'амéры, но такие явления крайне редки, и они также могут быть объяснены городским влиянием в данной местности. Икапье, проникая в систему яканья и расшатывая ее, ведет к тому, что языковое чутье утрачивает способность различать положения, где должно фонетически находиться предударное *'а* и где *и*, следствием чего и явилась возможность произносить *'а* на месте фонетического *и*.

После отвердевших *ш*, *ж* (на *ц* нет примеров) в предударном слоге слышится *а* или *ы*: чьжалéј, нъ жану́ б'ару́т, нă лъшад'óф, шасна́цът' и шысна́цът', жына́тъвă, жыни́лъс; никакой системы в употреблении *а* и *ы* нет.

В слоге втором и далее от ударения к началу слова вместо *е*, *'а* произносятся *и* или *ъ* (редуцированный гласный переднего ряда):[1] дир'авá, чилавéк, вирит'óны, пьр'аýлък, чьжалéј. В д. Барынино (Можайского у.) отмечено выпадение редуцированного звука после плавного согласного во втором предударном слоге: вир'т'анó.

Отрицательная частица *не* представлена главным образом в виде *ни*; так, в большинстве случаев, даже перед твердым согласным в непосредственно предударном слоге, где *ни* в таком виде употребляется по аналогии с положением, когда оно находится в непосредственно предударном слоге перед мягким согласным или во втором и далее от ударения слоге: ни зна́ит, ни бу́дит, ни б'ару́т, нидили́мъјă и др.; но встречаются и — н'а зна́ю, н'а са́ми, нь възмуща́јси, н'ъ щита́ют, ньдъл'акó.

В слоге заударном неконечном *е*, *'а* совпали в *ъ*: пéр'ьпис', анóфр'ьвă, сéм'д'ьс'ьт вóс'ьм, вéдьр сóрък.

Непоследовательно и запутанно представлена замена *е* (из *е*, *ѣ*) в конечном открытом неударенном слоге. Гласный *е* из *ѣ* почти повсеместно заменяется гласным *е^и*: на гли́н'те^и, в јóлт'е^и,

[1] Этот редуцированный гласный, в отличие от В. Н. Сидорова, отношу к передне-среднему ряду. *Прим. ред. И. Г. Голанова.*

вле́веи и др.; более часто, можно сказать почти всегда, и также на всей территории описываемого говора *е* из *ѣ* заменяется через *и*: в го́ръди Ру́зи, ба́бушт'и Паладе́и сн'ис'и́, в ре́чт'и, в је́тим до́ми и т. д. Конечный неударенный *е* (из старого *е*) заменяется разнообразно и непоследовательно у одного и того же говорящего. Наиболее частая замена конечного *е* представлена через *и*: плат'т'и, зъ читы́ри, в повелительном наклонении глаголов: приижˇ'ајти, ни хади́ти, иди́ти, — *и* даже перед паузой. Кроме замены конечного *е* через *и*, встречается и также повсеместно — '*ă* (быть может, переднего образования — '*ä*): ви́дит'ă, ф пол'ă (куда), и то и другóјă, двóјă, нóн'чă.

Заменяется конечный *е* и через *ъ*: а жа́лънјь плахóјь, дише́вл'ъ, в'арсты́ чаты́р'ъ; иногда он представлен в виде краткого *ĕ*: хóд'ут на́ пълĕ, держи́тĕ, бери́тĕ, де́вич'јĕ и т. д.

Конечный неударенный '*а* (с предшествующим мягким согласным или *j*) иногда заменяется через *ъ*: севóдн'ъ, в прилагательных женского рода: бал'ша́јъ, но чаще остается как '*ă* (по образованию, повидимому, близкий к переднему ря́ду): фс'ó вре́м'ă, рушна́јă, пр'ама́јă и т. д.

В возвратной форме глаголов после мягкого *с'* (более обычно произносят *с* — твердое) слышится *и* или '*ă*: аддили́лс'и, запи́сывајс'и, сухати́мс'ă, ни риди́лис'ă. Также произносят '*а* в словах — зде́с'ă, јидва́л'ă, крóм'ă.

Такова система вокализма в волостях Ново-Петровской, Никольской и Мамошинской Воскресенского уезда и Орешковской (Аннинской) волости Можайского.

Оканья здесь нет. В дер. Чудское Ново-Петровской волости у границы Клинского уезда у стариков в предударном слоге этимологическое *о* произносится как *а*° (более узкое с лабиализацией *а*); в этом можно видеть след прежде бывшего здесь оканья: па°хóж, па° прóсите, па°шли́. В остальном говор Чудского сходен с описанным выше. Граница оканья проходит севернее в Клинском у., где оно отмечено в Спас-Нудоле, Тиликтине у нескольких стариков. Молодое и пожилое поколение и

там акает. Не останавливаюсь на этой области из-за недостатка в материале. Замечу лишь, что остальные языковые явления в Спас-Нудольской волости, повидимому, мало разнятся от описываемых в говоре Воскресенского уезда.

В неударенных слогах, и только неударенных, сочетание гласный-i̭-гласный (voc.-i̭-voc.) утратило i̭, произошла ассимиляция двух гласных, оказавшихся рядом, и их стяжение.[1] Так прошел процесс в глаголах: пъзави́дъвут, вот ани рабо́тут-рабо́тут, разва́ливът, пе́р'ьпис' де́лӑм, выраба́тывӑм, рабо́тъш, разма́тъвъш, ока́зывӑцӑ, ду́мъцӑ и т. д. Так же обычно стяжение в окончании имен прилагательных и местоимений именительного-винительного падежей: краси́вӑ така́јӑ, като́ры, ма́хън'кӑ, эта ви́шьнскӑ, кр'о́снъ. Обычно стяжение в названиях селений по форме имен прилагательных среднего рода: Новъ-П'атрофскӑ, Нико́л'скӑ, Раже́ственскӑ. Встречаются стяжения в местоимениях — маво́, тваво́, сваво́.

Стяжение в окончании имен прилагательных и местоимений распространено по всей области, но встречается в говоре отдельных лиц лишь спорадически, обычны формы нестяженные. Стяжение в названиях селений преобладает над нестяженными окончаниями.

Сложнее обсто́ит дело с глаголами. Глагольные стяженные формы наиболее часто встречаются в северной части области, становясь более редкими по направлению к югу. Много их в Ново-Петровской волости, в северных частях Мамошинской и Никольской; значительно меньше таких форм в южной части Мамошинской и Никольской волостях и во всей Орешковской волости. В отдельных селениях там стяженных глагольных форм почти или даже совсем не отмечено, так в Сафонихе, Петряихе, Аннине, Стрыгине. Мало также стяженных глаголов по большим селам, как — Никольское, Анофриево. Но даже в местах, где стяженные формы преобладают (с. Ново-Петровское,

---

[1] Стяженные гласные долготу утратили.

с. Теплово и селения кругом них), наряду со стяженными употребляются формы нестяженные.

Можно думать, что стяженные формы под влиянием города вытесняются нестяженными; особенно это заметно по Никольскому и Анофриеву, где городское влияние сильно сказалось и на яканье. Правда, здесь надо заметить, что в более северных селениях даже в таком, как Ново-Петровское — большое торговое село, при станции железной дороги, где особенно должно бы сказаться влияние города, стяженные формы более стойки, чем на юге области. Но у молодого поколения и здесь нестяженных форм больше, чем у поколения старшего; в этом можно опять усмотреть влияние города, которое всегда сильнее отражается на говорении молодежи.

Отмечу появление вторичного *j* перед *o* в слове: jóн, а также в середине слова между гласными: у симиjóнъвых, т'иjóтка (киотка).

В сочетаниях *ер* перед твердыми губными и задненебными, восходящих к праславянскому сочетанию типа *tьrt, сохранилась мягкость плавного *р'*: ф цéр'кву хажу, пéр'въj рас, стéр'вă, свер'х, чет'вер'гóф. Встречается, но чрезвычайно редко, и в цéркву: твердого *р* в других словах не отмечено. Возможно, что произношение слова цéрквă с твердым *р* также может быть отнесено к проникновению сюда городского произношения, которое вообще сильно сказывается во многих языковых чертах данной местности.

Между двумя гласными в середине слова утрачен *д* в словах: пъгаи́ - пъгаи́, гл'аи́. В таком же положении утрачен *б* в слове бáушкă.

Обозрение согласных начну с замечания о мягких *т'*, *д'* в данной местности, которые произносятся, как и в московском произношении, в сопровождении свистящего фрикативного элемента — с', з', но взрывной элемент здесь значительно преобладает — т'ˢ', д'ᶻ'.

Задненебные согласные. По всей области согласный *г* —

взрывной: гóрът, в гр’адáх, приб’агýт и т. д. В конце слова *г* переходит в *к*: сапóк, лýк (луг), налóк и др.; в Ново-Петровском встретилось: дéних нет, с конечным *х*. В некоторых словах отмечен *γ* (фрикативный) — áγьнт, баγáт, бъγъивлéнскъјă плóщьт’, у бóγă; встречается *γ* в — таγда, фс’аγдá, зафс’аγдá, каγдá. В словах легче, легко — *г* переходит в *х* — лéхч″е, л’ахкó. Наречия — когда, тогда, где — представлены большею частью без *г*: кадá, кады́, тады́, де.

В словах — кто, крестьяне было отмечено вместо *к* произношение с *х*: хтó, нихтó, хрис’ани, но такое произношение редко, обычно здесь *к*. Также *х* вместо *к* в словах: хр’асты́, христи́т’, дóхтър, спихтáктъл’.

Вместо *х* произносят *к*: к пáске и, на пáску, с подвижкой — пасл’á пáсти.

Перед гласными переднего ряда *е*, *и* задненебные *к*, *г* испытали в своем образовании в укладе языка подвижку вперед и перешли в *т’*, *д’*: кати́п нипар’áтти, чулти́, тирпичи́, ивáтинъ (Ивакино), нóди бал’ат’, съпади́, нъдишóм, па гли́н’те^{и}, в јóлте^{и}, бáбушти Пъладéи списи́. Такое изменение задненебных распространено на данной территории повсеместно. Лишь в отдельных случаях были отмечены примеры без такой подвижки, но это или у молодого поколения (с. Ново-Петровское, Анофриево и др.) или у людей, прежде живших в городе. В д. Барынино у молодой женщины примеры вроде — пъ рубл’óвъчки — чрезвычайно редки, несмотря на то, что она и грамотна и жила несколько лет в Москве.

Смягчения задненебных в зависимости от предшествующего мягкого согласного или *j* в описываемой области — нет.

Согласные *ш*, *ж* — твердые.

Согласные *ш*, *ж* из праславянских сочетаний *stj, *sk’, *zdj, *zg’ представлены в данной местности в виде мягких долгих *ш̄’*, *ж̄’*: жéн’ш̄’ина, пуш̄’áј, иш̄’ó, пиш̄’и́т, плóш̄’ьт’, гъради́ш̄’е, éж̄’у, прииж̄’áјти, дóж̄’нч″ти. В с. Ново-Петровском, д. Бели, с. Никольском, д. Глинькове произносят и твердый долгий *ш̄*:

же́н'ш̄ына, яш̄о́, ба́рш̄ынӑ, пи́л'ш̄ыки, но более обычен *ш̄'* — мягкий. Примеров с твердым долгим *ж̄* не было отмечено и здесь.

С долгим мягким *ш̄'* произносят также слово — ш̄'и́.

Мягкие согласные *с'*, *з'* по отдельным местам встречаются с шипящим элементом в своем образовании: фс''а́ з''еᵘмл'а́, вз''а́ли, с''тина́, вес'', муз''е́j, Кара́с''инӑ. Эти шепелявые *с''*, *з''* распространены в с. Никольском, может быть в окружающих его деревнях (так напр. *с''*, *з''* встретились в д. Городище, а уч-ца Анофриевской школы указывает на шепелявость в Глинькове и Семенкове), а также в с. Теплове. В деревнях около Теплова шепелявости не замечено. В Ново-Петровском у одной пожилой женщины в некоторых словах слышалась шепелявость. Но и в тех местах, где имеется шепелявость, большинство населения не шепелявит. На твердых *с*, *з* шепелявость не отразилась нигде.

Согласный *ч* — мягкий. В некоторых местах он произносится, как слитный мягкий согласный со свистящим длительным элементом, что-то среднее между мягким *ч'* и мягким *ц'*: у́тъч''ки, jа́блъч''кӑ, ч''е́рьс', о́ч''ин', де́вич''jе. Такой *ч''* произносится обычно лицами, в говоре которых имеются шепелявые *с''*, *з''*. Но *ч''* распространен немного более широко; так, он напр. отмечен, — правда лишь в отдельных очень немногочисленных случаях, — в Глинькове (но на шепелявость *с''*, *з''*, здесь указывает уч-ца Анофриевской школы), в Барынине, Анофриеве, Аннине (?), где шепелявых *с''*, *з''* нет.

В сочетаниях *чт*, *чн* — *ч* переходит в *ш*: што, кърjшто́, пачи́штӑ, рушна́jӑ, с'аво́дньшнъj, патсо́лнъшнъ; довольно часто на ряду с кане́шнӑ произносят — кане́чнъ.[1] В Глинькове вместо што встретили — цо́. Согласный *ц* всегда твердый.

Отмечу некоторые явления в группах согласных. Сочетание *т+j+*гласный изменилось в *т'т'+*гласный (*т'т'* — согласный мягкий с долгим затвором): плат'т'и, ф кра́снъм пла́т'т'еᵘ. В сочетаниях других согласных с *j* аналогичного процесса не замечено.

---

[1] Влияние книжной речи.

В группу *ср* вставляется *т* — *стр*: стру́п, нъ растро́чку. Группа *стj* утратила *т*: у крес'jа́нинӑ, хрис'а́ни (даже без *j*).

Часто отсутствует *ф* из *в* перед группой согласных в середине слова — за пакро́ским, ф п'атро́ским, ф сим'о́нкъским; также нет *в* в слове: римати́змӑ.

Если слово начинается с группы согласных, то оно иногда произносится без начального согласного: с'агда́, се (все), здо́ришь (вздоришь), ко́л'кӑ, но и ско́кӑ.

В конце слова губные согласные тверды: во́сьм в'о́рст, се́м, св'акро́ф, марко́ф, в с. Никольском — маркоw, вы́стаф фсе́х, руп (но — рубл' в д. Ивакино), же́рьп кидали.

Группа *с'т'* в конце слова утратила мягкий *т'*: сы́ръс', jес' две ла́въчти, меснъс', но иногда и jес'т', жи́с'т'. В слове за́ръс' утрачен конечный *л'*.

Из области морфологии надо отметить довольно широко распространенные формы родительного падежа единств. числа женского рода на *-е*, употребляющиеся главным образом в именах с твердым согласным в основе. Под ударением окончание будет *-е*: у систре́, у спахе́, у куме́; без ударения *-и*: ат адно́j каро́ви. Более обычны формы на *ы*, как в литературном произношении.

Формы творительного падежа множественного числа оканчиваются на *-ми*. В Ново-Петровской волости очень редко встречаются и северно-великорусские формы — с угро́зъм гъвари́т, фс'о ле^{и}са́м, бало́тъм е́хат'.

Формы родительного множественного числа мужеского рода распространились и на имена женского и среднего рода: у де́въчкъф, лъшад'о́ф, таки́х име^{и}но́ф.

Имена прилагательные в местном падеже имеют окончание *-им*: на ба́рстим дваре́, в jе́тим доми, в друди́м до́ми, на сухи́м хлеби. То же окончание в местном падеже у названий селений, по форме имен прилагательных среднего рода: в Мико́л'стим, ф Сим'о́нкъским. Такие формы употребляются чрезвычайно широко, окончание *-ом* в местном падеже прилагательных лишь в отдельных случаях.

Упомяну о встречающихся формах именительного падежа множественного числа прилагательных — бал'шы́ја (в Теплове, почти без редукции), а вы хъласты́ја, да́л'ныја — с окончанием -ыја (-*а* повидимому переднего ряда *ä*).

В д. Устиново Ново-Петровской волости отмечены формы сравнительной степени имен прилагательных: сил'не́јă, дружне́јă; обычно употребляются формы литературного языка. Отмечу формы сравнительной степени, как — паста́р'ше, да́л'ше.

Родительный падеж личных местоимений в данной местности является с окончанием -*е̣*: у мине́, у тибе́, сибе́, но рядом и: мин'а́, м'ан'а́, тиб'а́ и т. д. В Ново-Петровской волости формы с -'*а* — чаще.

Местоимение *он* в именительном падеже множественного числа имеет форму *ане́*; такую же форму имеют местоимения мо́ј, тво́ј, сво́ј, числительное один: търгава́ли ане́, сваје́ два до́ма, маје́ де́вичји пла́т'ти, мы адне́. Родительный падеж множественного числа от этих местоимений имеет окончание -*ех*: на сваје́х харча́х, ни адне́х ни дају́т. Рядом с такими формами имеются и формы литературного языка.

Встречаются, правда, редко (главным образом в Тепловщине) — јо́н, за н'ом, с јо́м и просто јом.

Распространена по данной местности утрата среднего рода имен существительных, при которых в именительн.-винительн. падеже прилагательные и местоимения ставятся в мужском роде: мој до́нцă, аде^{и}ја́ла ла́стикъвъј, адин малако́ кип'ачонъј; но и в женском роде: расстаја́ннјă бал'ша́јă. Употребляется и средний род — жа́лънјь плахо́јь, жылезъ до́ръгъ.

В окончании глаголов 3 лица множественного числа настоящего времени широко обобщился гласный '*у*, вытесняя фонетический гласный '*а*: ход'ут на́ пълĕ, прос'ут, вид'ут, у́чут', хочут', раскол'ут', воз'ут' и др. По аналогии смягчился согласный перед окончанием в глаголе — је́д'ут.

В окончании глаголов 3 лица ед. и множ. числа в большинстве области -*т* твердый; но на юге окончание имеет *т'* мягкий.

Так как граница *-т* твердого и *-т'* мягкого проходит по описываемой области, то я немного задержусь на ее определении. Только на небольшом протяжении можно по данным, собранным поездкой, наметить такую границу. В Ново-Петровской волости мягкого *-т'* нет. Нет его и в Мамошинской вол., по крайней мере, даже в ее южной части *-т* твердый. Правда, нельзя судить о западной части Мамошинской волости, которая не была посещена нашей экспедицией. Граница *-т'* мягкого идет южнее озера Тростянского Никольской волости по направлению с востока на запад. В селе Анофриеве, д. Сафонихе *-т'* мягкий. Южнее также в 3 лице глаголов мягкий *-т'*. Тоже и в Орешковской вол. Можайского уезда. В самой северной деревне Орешковской вол. в Федчине отмечено *-т'*. Но уже в следующей к северу деревне Лыскове Мамошинской вол. *-т* твердый. Можно почти не ошибаясь вести границу мягкого *-т'* от Федчина на д. Сафониху и село Анофриево. К северу от нее *-т* уже твердый. К югу и юго-востоку от Анофриева мягкое *-т'* отмечено в деревнях Смеры (Меры?), Огарково, Ремянники. По показанию уч-цы села Анофриева, местной уроженки, мягкое *-т'* имеется на северо-восток от Анофриева в Карасине. В поселениях на север от границы мягкого *-т'* в редких случаях произносят *-т'* и наоборот на юге — *-т*. С городским влиянием *-т* твердый проникает и в самую гущу говоров с мягким *-т'*, так говорят, напр., отдельные лица в с. Аннине и др.

В возвратной форме глаголов южная половина области имеет окончание *-с*, *-сă* — с твердым *с*: вес' вы́пъчкълсă, убјóссă, ана́ учи́лъсă, верну́лъс, ката́лис. Село Ново-Петровское и селения близ него произносят окончания с мягким *с'* — *-си*, *-с'*: верну́лас', зъиви́лис', оста́лси, задóхньсси; то же в Тепловщине. В селе Никольском окончания — *-си*, *-с'а*. Но во всех местах с мягким *с'* встречается произношение и с твердым *с*, кроме Тепловщины, где, повидимому, только *с* мягкий.

Отмечу, наконец, встретившиеся немногочисленные особенности в употреблении ударения:

булати́на, ве́шълӑ, вышала́, драв'ани́ца, красна́, о́л'хӑ, па́шн'а, ско́тъм (таргу́јут), саки́ (т'акут), съръфаны́, по́ людьм, с тво́ръгъм, члены́, члена́м, фс'о́ наружи́, фс'о́ път чисто́ го́н'ат', ф съмам де́ли, трудно́, нь мило́, ни было́, купи́м.

По показаниям местного почтаря с. Аннина, в Горневе и Агаркове (Никольской вол.) говор «нараспев»; — так напр. в его изображении тамошнего произношения:

ф са́мъј ти́ни бълъти́ни (скороговоркой) кабылӑ ув'а́зла (медленно с понижением)

Приведу несколько примеров из словаря:

ал'шп'а́к (заросль ольхи), ап'о́куш (лепешка из хлебного теста), ахабо́ти (остатки от соломы при молотьбе?), бача́к (глубокое место), булати́на (болото), бе́ткъ (трудно), ве́'шълӑ, вышала́ (для клевера), глы́шки (смерзшаяся грязь), закра́инкӑ (опушка леса, край деревни), за́пълъски (часть луга около пашни), запеле́дит' (защитить соломой), кара́кули (верх телеги), карава́шък (род. множ. — хлеб), ко́вш, ко́вшик, качер'о́шка, квашп'а́, кри́нка, карча́га (горшок с дыркой, для пива), милито́н'чик (ласкательное), ньнажо́рнъј (ненасытный), не́кьс' (место, где трудно косить), пеледа́ (солома), пасяд (порядок домов), паслухм'а́нньј (сравнит. степень), палдн'о́фка (подойник), расадни́к (бревна, на которых стоят печи), ридилис' (уговаривались), рычо́к (рытвина поперек дороги), сенча́к (устаревшая трава), син'у́шки (черная крынка, название и крынки вообще), слато́минка и слато́н'чик (ласкательные), сухати́мся, шесто́к, хабу́н'ка (сарайчик для сена возле дома), хърахо́рит' т'о́с (строгать рубанком).

Из синтаксиса упомяну о таких выражениях, как — на л'асу́ — вместо литературного в лесу, ад груде́ј аты́мит — употреблено множественное число (в литературном языке единств. число). Отмечу также — пъдари́ли две́ утки дъ сел'ьзн'а; а вам антирису́ит.

Характеризуя говор в целом, согласно «Диалектологической

карте»,[1] его надо отнести к средне-великорусским говорам второй группы.

На северно-великорусской основе, на которую указывают: взрывной *г*, твердое *-т* в 3 лице глаголов, эпизодически встречающиеся формы творит. множ. существительных на *-м* и сравнительн. степень прилагательных на -éja, — наслоились черты южно-великорусские: аканье с умеренным и ассимилятивным яканьем,[2] мягкий *-т'* в 3 лице глаголов, творит. падеж на *-ми*, родит.-винительн. падеж личных местоимений на *-е* (мине́).

Наличие ассимилятивного яканья, твердых конечных губных, окончание в местном падеже прилагательных *-им*, — отличают данный говор от третьей (восточной) группы средне-великорусских говоров.

Не малую роль в жизни языка описываемой местности играет все более и более увеличивающееся влияние города — Москвы. Иканье, нестяженные формы глаголов, вытесняющие формы стяженные, проникновение твердого *-т* 3 лица глаголов в область *-т'* мягкого и, быть может, ряд других черт — это все языковые новшества, вносимые городом в описываемый говор.

---

[1] Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русск. яз. в Европе, с прилож. очерка русск. диалект. М. 1915 (Тр. Моск. Диалект. Комиссии, вып. 5).

[2] Повидимому развившихся уже на почве средне-великорусских говоров.

Заметка о говорах Гжатского и Можайского уездов Московской губернии.

М. В. Ушакова.

Изучение переходных говоров вообще является наиболее трудной задачей диалектологии, но она особенно осложняется там, где сходятся и перекрещиваются несколько различных говоров, и где нет еще достаточных данных для выявления одной основы. Там легко могут создаться своеобразные «Гордиевы узлы», требующие особых усилий для своего рассечения.

Для русской диалектологии, относящей к переходным говорам целую огромную полосу средне-великорусской территории, такие узлы легче всего могут завязаться на востоке Смоленской и на западе Московской губ., где сходятся почти вплотную белорусское и южновеликорусское наречия с полосой средневеликорусской. Близость к Москве не мешает этим местам быть настоящей terra incognita для диалектологии. Это в особенности относится к Гжатскому и Можайскому уездам, давшим до сих пор о себе крайне скудные сведения. Экскурсия, организованная осенью 1925 г. Московской Диалектологической Комиссией в составе 4 лиц — И. Г. Голанова, О. А. Державиной, В. Н. Сидорова и М. В. Ушакова, имела своей целью, если не восполнить этот пробел, то наметить пути к его заполнению. Имея своим исходным пунктом гор. Можайск, она описала дугу длиной приблизительно в 100 верст до гор. Гжатска по следующему маршруту: Можайск, Князьково, Бородино, Семеновское, Логиново, Романцево, Левашово, Троица, Горетово, Глазово, Мышкино, Большое и Малое Грибово, Поречье, Ягодино, Петраково, Астафьево — в пределах Можайского уезда; дальше Песочня, Щербинка, Острицы, Хомово, Черная Грязь, Курлень, Матаево — уже на территории Гжат-

ского уезда. Следующие за Матаевым по пути в Гжатск, Груздево и еще ряд деревень остались совершенно неиспользованными, и это находит себе объяснение в ряде неблагоприятных условий погоды и передвижения, всюду сопровождавших поездку. Если не считать крайне отрывочных и недостоверных сведений, рассеянных нередко в сторону от маршрута, то главными источниками и опорными пунктами следует признать только те, которые служили местом для остановки и отдыха: Бородино, Глазово, Поречье, Острицы, Матаево. Кое-что удалось почерпнуть из вокзальных разговоров на станции Гжатск.

Главное внимание экскурсии было направлено на черту, наиболее характеризующую, как южновеликорусские и белорусские, так и средневеликорусские говоры — характер аканья. Собранный, вообще говоря, крайне ограниченный материал в отношении аканья все же позволяет сделать определенные выводы. Эти выводы сводятся к следующему. Можайский уезд представляет единообразную картину «обычного» аканья. В первом предударном слоге после твердых согласных всюду слышится *а* полного образования настолько явственно, что записывание примеров было излишне. Во всех прочих по отношению к ударению слогах наблюдается редукция, особенно сильная в слоге втором предударном, приводящая часто к выпадению в нем гласного звука, если он следует за *р* или предшествует ему (прасёнок, Бордино́). В абсолютном начале слога редукция не наблюдается: адява̀й (Глазово). В связи с аканьем стоит чередование с *а* ударяемого *о*: в ко̀зну, сво̀жино (Глазово); то̀щуть, всо̀дить (Петраково). Все эти явления, характеризующие также восточные деревни Гжатского уезда, прекращаются в говоре деревни Матаево, которое представляет ряд примеров ясно выраженного диссимилятивного аканья: Мыта́ево, Жыпа́рино, сыгна́ть, скыза́ть, пыня́ть, хвыта́ить, сылда́тым, но пало̀х, пажи́л, даро̀га. В этом отношении говор деревни Матаево единообразен настолько, насколько единообразен говор Можайского уезда в отношении аканья обычного или Московского типа. К сожалению, нет

достаточных данных для проведения дальнейшей границы между этими типами аканья в стороны от Матаева. Ряд отрывочных сведений из деревень, расположенных по пути от Матаева к Гжатску, как будто говорит о том, что южнее Матаева эта граница не может быть определена так же резко, что к востоку от Гжатска существует целая полоса, где диссимилятивное и обычное аканье борются между собой. Только данные из с. Панова и из Клушинской вол.—к северу от Гжатска, из Кармановской вол.—еще далее к северу, по р. Яузе, а также из Воронцовской вол.—к югу от Гжатска и из Мишинской—на верховьях Гжати (и из Черейской вол., к сожалению, не отысканной на карте)—говорят о вполне выраженном диссимилятивном аканье. Примеры: быльша́я, гырба́тая, пыдкла́дывай, кына́ва, сыба́ка, пы кырма́нам, скыза́ли, принадлежат языку молодежи, и это заставляет думать, что область сплошного диссимилятивного аканья начинается тотчас за Гжатском, хотя в некоторых местах, как у дер. Матаево, граница отступает к востоку.

Лабиализация предударных гласных, подмеченная в Матаеве: бульша́я, пуста́вил, в Черной Грязи: дужуда́ться, но также в Поречье: пулускал—не позволяет еще раз противопоставить говоры западной и восточной части исследованных местностей. Не позволяет, повидимому, этого и характер яканья; на всем протяжении поездки яканье—явно умеренное. Примеры—ляса, мяханик, пабягла, двяна́дцать, читвярых, питярых, вярсты (Бородино); всяму, тякла, вясной, свизёть, связуть (Глазово); вярсты, лясок, вилик (Матаево) и т. д. Как об общей для всего маршрута черте, можно говорить и о гласной *и* в слоге втором предударном.

В эту общую картину умеренного яканья вторгается целый ряд других элементов. Сюда относится прежде всего влияние ассимилятивного яканья, возрастающее к северу. Им могут быть объяснены такие примеры, как (у крестьянина из Соколова): «зятья, х писо̂чку, лисо̂в». Повидимому, границы ассимилятивного яканья не совпадают с границами смежного Зубцовского уезда

Тверской губ., но спускаются несколько ниже в пределы Можайского уезда.

Другим уклонением от чистого типа умеренного яканья является произношение отрицаний. Здесь наблюдается полный разнобой не только у разных лиц, но иногда у одного и того же: ня нужно и ни знам (Ягодино); другие примеры: нимного (Б. Грибово); ни вòзють (Бородино). Эти отступления, как видно, идут в сторону ослабления яканья. Примеры еканья крайне немногочисленны и принадлежат пожилым женщинам в Бородине: двенадцать, петок. Труднее поддаются объяснению такие примеры, как запрягёть, связёть (Глазово). Для характеристики яканья деревни Матаево, к сожалению, почти нет данных, кроме ничего не доказывающих: вярсты, лясок. Но такой пример, как *Сиргей*, слышанный несколько раз у молодежи из Кармановской волости, ставит на очередь вопрос о возможности диссимилятивного аканья без диссимилятивного яканья в западных частях Гжатского уезда. До сих пор допускалось только обратное. В пределах Можайского уезда были отмечены еще следующие явления: один случай перехода ѣ в *и*: ись (есть) в Петракове; замена *и* через *о* в суффиксе — рибитёшык (Глазово).

Более многочисленными являются случаи стяжения гласных в окончаниях прилагательных и глаголов, не отмеченные ни разу в пределах Гжатского уезда: Ново сяло, которы (Семéновское); мово, ограничивут (Петраково); ни знам, каки (Ягодино); до нова (Глазово); выпонску войну (Поречье). Преобладание принадлежит нестяженным формам. Отпадение начальных гласных: у гранома (Поречье); гурцы (Щербинка).

Особой заботой стояло отыскание границы *г* фрикативного со взрывным, чему придается такое большое значение в деле размежевания северно-великорусских говоров от южно-великорусских. Относящиеся сюда данные мало могут помочь делу. Впервые γ встречается в Поречье в слове *γерманский*, далее в Черной Грязи, имеющей еще старинное название Грабельки, в старинном названии слышится γ, в новом — *г*. Преобладание γ,

как и диссимилятивного аканья, начинается в деревне Матаево, с той только разницей, что *г* взрывное не сразу сдает свои позиции, и целая полоса к востоку от Гжатска, повидимому, характеризуется разнобоем в этом отношении. С появлением γ приблизительно совпадает исчезновение *ди* и *ти* вместо *ги* и *ки*. Усиливающаяся в Можайском уезде к северу в сторону от железной дороги, эта черта достигает максимума в Поречье и далее убывает к Гжатскому уезду; примеры: катии, таварти (Бородино, женщина 70 л.); нътидают, деньди, тислыи (Глазово); Сердей Серденч, питуштп, стàринтий, съпадѝ, сàнти, от гъладóфти, къбельти́, харóшеньти (Поречье); далее в Ягодине всего один раз— тирпичи, и в Гжатском уезде не подмечено ни разу.

Чертой, особенно устойчивой на всем протяжении поездки до Матаева, к которому относится мало соответствующих данных, является твердость конечных губных: кроф, обув, сем и т. д. Исключений не замечено. Наоборот, в середине слова перед *j* возможен (судя по произношению *пjу* и *п'jу* в Глазове) разнобой. Отвердение зубных отмечено всего раз: писмо (Глазово), хотя нет и противоположных данных.

Жж—большей частью твердое, но иногда мягкое: даж'ж'и, дòж'ж'ик (Поречье, Глазово). Чертой, прогрессирующей к западу, является, повидимому, слабость *в*, приводящая к его выпадению. Примеры: викаушки (Логиново); деушка (Глазово); олости, диряўшки, деушка (Матаево). Еще в большей степени это относится к лабиализации *в* и к замене предлога *в* предлогом *ў*: ўсё (Б. Грибово); ў лясах (Петраково); раздеўши, разуўши, ўнук, ў месяц (Матаево); уво всех (Груздево). Отмечено приставное *в* — вучит (Петраково); мена *м* и *в*: вного (Поречье); дамно (Князьково); з дыремни, мнучка (Ягодино); гувница (Б. Грибово). Переход *к* и *г* в *х*: х прирезкам, пихде (Петраково); тах та (Хомово); х граному (Поречье).

Переход *з* в *ж*: дражни (Петраково). Выпадение согласных: азарнисТво (Петраково); буить (Глазово); стрелись (Щербинка); семисит (Черная Грязь).

Отпадение начального *г* и переход в *j*: в йимназии (Поречье).

Отпадение конечного *т* после *е* отмечено в следующих случаях: ись, папась (Бородино); есь (Щербинка).

Немногочисленные случаи шепелявости: па ближности, шамый (Князьково, старик 70 л.); к старышти (Глазово, старуха 80 л.), легко могут быть объяснены индивидуальными особенностями произношения.

Расподобление согласных: свищѐльник, кухо̀льный (Поречье).

Из *морфологических* явлений особое внимание привлекало конечное *т* глаголов. От Бородина до Поречья борется твердое произношение с мягким, с некоторым усилением последнего к северу, но трудно сказать, какие формы преобладают. Последнее записанное *т* твердое относится к Поречью — пашут. Дальше *т* твердое исчезает.

К области склонения относятся следующие явления: 1) переход в *а*- склонение: церьква, жызня (Глазово); у Тимохи (Ягодино); вряда̀ (Матаево); 2) смешение падежей: а) предложн. и творительного: советскым законъм (Глазово, Петраково); в славянским базари, в этим (Поречье); б) родит. и дательн.: у судьѐ (Черная Грязь); у попадьѐ (Поречье); у сестрѐ (Глазово); 3) замена твердых окончаний мягкими: у баби (Черная Грязь); у корови (Хомово); 4) *а* в им. мн. женского рода: дължнастя́ (Глазово); дириви́я (Петраково и Глазово) и в им. мужского рода: стъляра́ (Бородино); 5) *ф* в предлож. мн. числа: в съпагаф (Поречье); в куфаркъф, в бумагъф (там же); нъ лъшыдяф (Петраково); 6) окончание *и* в предлож. ед. *а* склонения: на сторонѝ (Ягодино). Еще отмечу интересные явления: два дни, три дни (Поречье).

В членном склонении местоимений и прилагательных характерна следующая особенность: это — окончание *ей*, усиливающееся к западу. Если в Можайском уезде оно встречается только у прилагательных один, другой, такой, то в Гжатском уезде оно проникает и в другие прилагательные. Примеры: у адней (Князьково); такей хлеб (Поречье, Ягодино); другей раз (Гла-

зово); с тей, с такей, у адней (Щербинка); Будянскей полк, на адней, за худей, другей (Матаево); какей, большей (Черная Грязь).

Окончание *ӣй* отмечено один раз: плохӣй хлеб (Хомово). Неоднократно записаны формы на *ыми* вместо *ими*: советскыми (Петраково, Глазове).

Характерны следующие формы местоимений: адне бабы (Глазово), с ким (Матаево), на тыя просеку (Петраково), дорогу всиё (Бородино), как ти сказать, ён (Глазово), и глагольные формы: убёк (Ягодино), помёрла (Глазово), приниму, одиёть, раздиёть (Поречье). Ударение: тучá, вадý, думá, дочкá, дачóк (Гжатск. у.), до часу̑ (Глазово); былò, бы̀ла (Черная Грязь); при дитя̀х (Б. Грибово). В синтаксисе характерно смешение родов: мой молоко, большой поле (Бородино); главный дорога (Матаево). Интересны наречия: ни слӣшним многи (Бородино); колӣ (Глазово); багата хлéба (Хомово); очень слишком.

Особенности *словаря*: дру̑г к дру̑жки, (Князьково); лошадьё, чисова̀я (т. е. «живущая до часу̑») (Глазово); сахос, косомо̀лки, жнӣвенье, пишкова̀я дорога, рахма̀пая (Поречье); два лицинѐра, сы̀нин, ростепель (Ягодино); погасла, в смысле умерла (Бородино); изо̀бки (Петраково); сковородник, квашня, пашню пашут, но хомут — ара̀льный (Бородино).

Этим исчерпываются все главные сведения, которые дала экскурсия. Крайне немногочисленные и недостаточные для полной характеристики гжатских и можайских говоров, они все же располагают к некоторым выводам. Прежде всего они ставят под сомнение ту границу между южно-великорусскими и средне-великорусскими говорами, которая на карте Московской Диалектологической Комиссии целиком совпадает с границами Гжатского и Можайского уездов. Из всего изложенного ясно, что между смежными деревнями названных уездов — Щербинкой, Острицей, Черной Грязью и Поречьем, Ягодиным, Петраковым в отношении говора нет принципиальной разницы. Единственная важная черта, распространение которой как будто

кончается с пределами Можайского уезда — *т* твердое — не может служить достаточным основанием для проведения там демаркационной линии, раз все прочие особенности встречаются и в том и в другом уезде. К тому же границы распространения *т* твердого нуждаются в проверке. Отсутствие в Гжатском уезде *т*, равно как стяжения, может быть легко объяснено недостатком данных.

Демаркационную линию нужно искать западнее, повидимому, по середине Гжатского уезда. Только говор деревни Матаево, а за ней всех западных волостей уезда резко противостоит говору восточнее исследованных пунктов. Выделяющее его диссимилятивное аканье ставит вопрос об его белорусской, но не южновеликорусской основе. В этом отношении данные экскурсии опять противоречат Диалектологической карте. Другие черты, как например, окончание *ей*, ў, γ могут легко говорить за южновеликорусское влияние. Таким образом, говор является для нас одним из переходных на белорусской основе. Граница подобных говоров идет, повидимому, несколько восточнее р. Гжати.

Более трудным представляется определение основы говора к востоку от Матаева. Здесь есть данные и за северновеликорусское, и за южновеликорусское, и за белорусское влияние. Первое, пожалуй, преобладает. Чуть ли не все северновеликорусские особенности, за исключением чистого оканья, здесь представлены. Однако, для разрешения вопроса об основе приведенных данных недостаточно. Экскурсия только подчеркнула всю сложность вопроса о переходности, и в этом ее значение. Можно надеяться, что значительная часть дальнейшей диалектологической работы пойдет по проложенному экскурсией пути — исследования переходных говоров в местах их взаимного пересечения, и тогда описание говоров Можайского и Гжатского уездов предстанет в более удовлетворительном виде.

Описание говора местечка Мглина Гомельской губ. и его окрестностей.

М. В. Ушакова.

Северные уезды бывшей Черниговской губ. — Новозыбковский, Суражский, Стародубский и Мглинский — представляют много интересного и неисследованного для русской этнографии и диалектологии. Часто ошибочно отожествляемые (из-за своего бывшего административного вхождения в состав Черниговской губ.) с Украиной, они ни в своей географической природе, ни в быте и языке населения не имеют ничего, что бы их роднило с югом. В области языка эта противоположность дает себя особенно чувствовать. Целью настоящего очерка и является анализом особенностей местного произношения подтвердить соображения этнографии.

К сожалению, приводимые данные, почерпнутые из личных наблюдений летом 1924 и 1925 г. относятся лишь к узкой полосе, окаймляющей местечко Мглин с запада, севера и востока в радиусе 10—15 в. Главным предметом наблюдений, кроме говора мглинских мещан, были деревни Лугавец, Старые и Новые Чешуйки, Симонтовка, Романовка. Впрочем, есть основания предполагать, что за небольшими отступлениями эти данные характеризуют и всю территорию бывшего Мглинского уезда, если не все указанные 4 уезда.

Уже первая черта из области вокализма, которая привлекла особенное внимание, — соединение диссимилятивного яканья с аканьем, повидимому, литературным или Московского типа, обособляет

местное произношение от украинского. Указания некоторых исследователей (например, Голанова) на диссимилятивный характер аканья в здешних местах не подтвердились. Сколько-нибудь ощутительной разницы в произношении предударных *о* и *а* перед слогом с *а* и без *а* не удалось подметить. В словах кава̀ль, вада̀, каля́ды предударное *а* такого же полного образования, как и в случаях начѐвки, парѐчка, панѐва. Не наблюдается редукции и в послеударных открытых слогах: ду̀рна, ря̀ма, ра̀на; *о* и *а* одинаково звучат здесь, как *а* полного образования, в противоположность поударным закрытым слогам, где всюду звук редуцированный: со̀рък, па̀лък, пънядѐлък. Но диссимилятивность яканья не вызывает сомнений: таким примерам, как нисла̀, вила̀, нiха̀й, рика̀, систра̀, сила̀ резко противостоят — сястрѐ, тямнѐть, ряки̇̀, чарво̀ный, ряту̀йтя. В конечных открытых слогах, как и при аканье, нет редукции, причем конечное *ѣ* произносится, как *и* — ў по̀ли, ўмѐсти; конечное *е*, как *а*: дво̀я, ў по̀ля, ба̀читя. В слогах 3-м и далее от ударения к началу слова при аканье имеет место редукция, если *а* не начинает слова: съраква̀ша, гълава̀, но абрави̇̀та, акрамя̀. При яканье 3-ий от ударения слог переходит в *и*: дирявỳшка, йиравы̀й, силязѐнька, дисяти̇̀, пиряймо̀, питачо̀к. В слогах поударных закрытых *а* и *е* после мягких согласных переходят в *и*: во̀зира, по̀гриба, во̀синню, ко̀ний, па̀лиц, на при̇̀пичку, з Дуний. Во всех описанных случаях нет зависимости гласного звука от качества следующего согласного.

Удалось констатировать еще следующие изменения гласных: 1) переход ударного *а* в *е*: доглѐдить, 2) переход *ы* в *и* в связи со смягчением некоторых согласных: во̀питный, висо̀кий, ди̇̀рка, 3) переход безударного *а* в *и*: инба̀р, хвина̀р.

Особый класс составляет переход *о* в *ы* в таких словах, как мы̀ю, шы̀ю, памыйница, а также сочетания *ры*, *лы* в соответствии с великорусскими *ро*, *ло*: крыва̀вый, праглыну̀ть.

Об отдельных гласных можно заметить следующее: *и* и *у* являются неслоговыми, *в* и *л* переходят в *ў* в условиях, общих

для большинства белорусских диалектов. Нужно только оговориться, что явления эти качественно слабее, чем на западе Белоруссии: *ў* близко к *в* билабиальному, *й* не так коротко; примеры: на йва̀на, йго̀лка, ўну̀к, ўмѐсти, тра̀ўка. Характерной чертой говора является приставка *а* и *и*, реже их отпадение, в начале слова: имглин, иржа, аржаны̀й, або̀сый, идѐ, аришаться, аўто̀рък, бѐдать, або̀сый (человек, но босый, т.-е. белоногий собака). Как видно из примеров, приставки бывают чаще всего перед сонорными, реже перед другими согласными. В наречиях изно̀ў, атту̀ль, атку̀ль отпадение наблюдается только после гласных. Лабиализация *а* подмечена только в одном случае: кумарѝ.

Из области консонантизма отмечу следующее: 1) *в*, как указано, переходит в известных условиях в *ў*; 2) *ф* заменяется чаще *хв*, реже *п* или *х*: хвигу̀ра, хво̀ртка, пра̀нцы, (сифилис), хунт. Произношение *ж* и *ш* совпадает вполне с литературным московским; *ж* долгое возможно и твердое и мягкое; *щ*—произносится как *шч'*; *ч* является твердым в меньшинстве случаев у старшего поколения в деревнях и целиком мягкое у мглинских мещан. Особой заботой было отыскание дзѐканья или его следов, не приведшее, однако, ни к каким результатам. Перед *и* и *е* — *ц* звучит так же, как и в других случаях. Наоборот, аффриката *дж* наблюдена в целом ряде случаев: в глаголах на *жу* — воджу̀, ходжу̀; в сравнительной степени прилагательных — ху̀джи, рѐджи; в словах джига̀лить, Джигловка (название улицы во Мглине). Произношение *г* ближе к задне-небному фрикативному, чем к гортанному придыханию. Взрывное *г* — только в словах заимствованных, вроде га̀нки, гвалт, гонт. *Х* в некоторых случаях заменяется *к*: па̀ска, кло̀пот, спакваля̀.

Относительно твердости и мягкости остальных согласных замечу следующее: губные на конце отвердевают повсеместно; перед *j* наблюдаются индивидуальные отклонения. В деревне чаще твердые, во Мглине — мягкие. Нет единообразия и в про-

изношении *р*. Перед гласными переднего ряда оно в большинстве случаев твердое, реже полутвердое перед гласным, средним между *ы* и *и*. Последнее у городского населения и у младшего поколения деревенского. Единственный пример отвердения *р* перед *о*—ў трох—в деревнях обычен. Конечное *р* также часто отвердевает: хвинàр, мънастыр, кумàр, но индивидуально возможно и *рь*. Об утраченной твердости *р* в других случаях свидетельствуют случаи смягчения *р*: бàриня, рямы, старяться. Возможно и правильное произношение.

Л отвердевает перед *н* твердым и *ц* — сùлно, бòлно, пàлцы, пилнавàть, крылцò; *н* в сочетании *нск*—всегда мягкое: Бряньськ, дирявèньськый; в суффиксах прилагательных *н* иногда отвердевает: пòзная, раная. Два случая отвердения согласных перед *е* — муздэ̀чка, видэ̀лка.

В отношении уподобления *j* предшествующим согласным говор следует белорусскому произношению: склянния, пастàння, мялля, абòддя, шмàттся, шпàчча, калòсся, друззя̀ и т. д., а также после *р* — пèрря, но не после губных — хлòпjа.

Интересной чертой является сохранение звонких на конце слов и перед глухими; исключения—хлак, мбзък. Предлог и приставка *с* на почве ассимиляции глухих звонким заменяется *з*: з хàты, з нàмы, з бàбъю, злякнуться, з вàмы.

К переходит в γ перед γ, *д*, *б*, *з*, *ж*: йиγзàминт, γ бàби, γ жòнцы, γ дярèвни, γ зимè, γ γòръду; *с* перед *ч*, *ш*, *щ* переходит в *ш* и в *ж* перед *ж*: ж жòнкъю, ш части, ш шàблию, ж жыром.

Примеры приставки начальной согласной: 1) *в*—перед лабиализованными гласными, если за ними не следует снова *в*: вулица, вòко, но увàжить, овùн; 2) приставное γ — γарбу̀з. Вставка эвфонического *в* — паву̀к, наву̀ка. Вставка других согласных—скатерсть, с èстым, плысть. Переход одних согласных в другие и перестановка: ростепель, стревать, багаство, човен, саракваша.

Из суффиксальных явлений отмечу: суффикс *ак* образует часто слова, для обозначения которых в литературном языке

служат сложные речения: большак, ветря̀к, бура̀к. Суффикс *ушк* и *улк* в отглагольных существительных — птушка, качулка.

Интересны словообразования посредством удвоения и даже утроения начальной приставки — «попобью̀, попоснима̀ю» для выражения особой решительности.

Из морфологии приходится отметить смягчение задненебных в формах дат. и предл. падежей. Впрочем, смягченные формы вымирают, и в говоре горожан их уже нельзя встретить, в деревнях же возможен разнобой: ӯ Романо̀вци, на лаӯци, на доро̀зи, ӯ лу̀зи, у̀ саба̀ци и параллельно, иногда у тех же лиц, формы без смягчения. Преобладание принадлежит пока смягченным формам.

Замечателен переход безударного *ѣ* в *и* в дат. и предл. падежах: ӯ гаро̀си, ӯ лу̀зи. В именит. множ. числа обычны формы на *ы*: кучяры̀, лясы̀, рукавы̀.

В твор. множ. преобладает *мы* — рукамы, реже *ми*, никогда — *м*.

Часто наблюдается переход в *а*- склонение слов из других склонений: морква̀, таба̀ка, ша̀хва, анды̀ка, цѐрква.

Окончание *ою* (*ею*) как у существительных, так и у прилагательных, в согласии с другими белорусскими диалектами, не сокращается.

Замечена форма имени собственного на *о* — Петро̀. Следов звательной формы не обнаружено.

Характерно обилие существительных во множ. числе без форм един. числа: беля̀ски, ви̇лки, витрибѐньки, ночѐвки, ро̀станьки, дроби̇ны, ка̀чки, со̀роки, шки̇рки, шква̀рки, паво̀дки.

В имен. ед. числа прилагательных — окончание *-ый*; как исключение *-ой* в слове сыто́й; в род. пад. мужеск. и средн. рода — *γа*; в род. женск. рода — *ыя*: злыя бабы, большия дярѐвни; в твор., как и существ. — *мы*, реже *ми*. Стяжение окончаний замечено у прилагательных всего один раз: Ах ты, проклята!

Привожу наиболее характерные формы местоимений: мянѐ, табѐ, сабѐ, ён, йина́, янѐ, яѐ, ёй, ёю, об ёй, об ём; ўвесь, ўсё, усёй, тэй, тая̀, тѐе, тагѐ, тыя, тыи; який, йеткий, жѐдин (также жѐдный), абаи и ѐба.

Характерные наречия: нима̀, наўда̀ку (вряд ли), круттю-нѐвороттю (пра̀вдой-неправдой), ў зимку, ў лѐтку, двѐру, клѐпот, бага̀та, трошки, дурна (зря), нихай, гѐдя, ли (около), колѝсь, летось, частица *ти*, реже *чи*.

Окончание сравнительной степени — *е* часто заменяется окончанием *ей*: громчѐй, тишѐй, дороже́й.

В спряжении в силу ассимиляции *ш* переходит в *с* во 2 л. ед. ч.: митусѝсся, сва̀рисся, биѐсся. У двух глаголов этот переход имеет место и в повелит. накл. 2 лица ѐсьтя, рѐсьтя. Окончание третьего лица всегда — *ть*. Отпадение замечено лишь в одной фразе: Хто яго зна̀е! Распространение этой черты начинается несколько дальше на юго-восток — к Почепу. Гласная *е* только в 1 множ. переходит в *о*: тяку̀, тякѐшь, тякѐть, тякём, тякѐтя, тякуть. Во 2 множ. возможно окончание *тё* с ударением: дайтё̀, нисятё̀, купятё̀.

Своеобразны формы еда̀йтя, седа̀йтя. Глагол бежать идет по 2 спряжению. Примеры своеобразного ударения: за̀раз, пѐжар, по лесу̀, под гору̀, отвирдиёт, заскѐчить, руку̀, ногу̀, былѐ, бы̀ла.

Из синтаксических явлений обще-белорусская черта—отсутствие двойственного числа: два дамы̀, три пуды̀. Также сравнительная степень с предлогом *за*: старше́й за яго; употребление имен. вместо вин. и род. во множ. числе у имен одушевленных: гнать кѐни.

Особенность в порядке слов: существительное в род. падеже, служащее определением, часто ставится перед определяемым: ў Суханьских дѐме, на Шимановского улице.

Чрезвычайно интересным представляется лексический состав говора, отразивший исторические судьбы края, бывшего раньше рубежом католического запада и православной Московии. Следы этого западного, т.-е. польского, через него латинского,

отчасти может быть французского влияния,— особенно многочисленны.

Наиболее яркие примеры польских слов: пѐнзель, пан, шлях, шану̀ючи.

К латинскому восходят: олѝва, олѐй, ѝмпет (impetus), вòмига (ён выходить вòмигой, вомига яго возьми), сакраменты.

На памяти старожилов существовало слово лизьéрка—опушка французского происхождения. Совместная жизнь с евреями, составляющими чуть ли не 10% общего числа населения, привела к таким словам, как бебехи, маргелка.

Совокупность изложенных черт и словарных особенностей делают говор не всегда понятным для москвича или северянина. В своем роде классической сделалась фраза, илюстрирующая обособленность местной речи: ти лилѝ олѐй ў бу̀льбу — лили ли постное масло в картошку, а ведь таких выражений можно подыскать много.

Постараемся сделать выводы. Приведенные данные характеризуют говор, как пеструю смесь украинских, белорусских и южновеликорусских особенностей с преобладанием последних. Поэтому говор можно признать переходным от белорусских к южновеликорусским. Только две черты, характеризующие этот тип переходных говоров — деепричастная форма на *мши* и род. ед. на *е* — не принадлежат описываемом уговору. Во всем остальном он целиком совпадает с определением переходности, как она характеризуется в «Очерке русской диалектологии» при «Опыте диалектологической карты». Поэтому западная граница говоров переходных от белорусских к южновеликорусским, проведенная на карте по реке Судости, должна быть отодвинута в этом направлении верст на 60 на запад со включением в состав переходных говоров всего теперешнего Почепского и восточных частей Клинцовского уезда.

Это избавит и от тех затруднений, к которым может привести попытка отнести описываемый говор к одной из белорусских разновидностей, если квалифицировать его, как чисто белорусский.

Существующие схемы деления белорусских говоров оказываются в таком случае неспособными обнять все особенности говора. Говор не подходит под чересчур прямолинейное деление белорусского языка Е. Ф. Карским на наречия твердо-эрые и мягко-эрые. Он представляет в этом отношении промежуточную стадию. Деление Диалектологической Комиссии по характеру аканья оказывается также неудовлетворительным. Ясно выраженное диссимилятивное яканье сближает, правда, говор с северо-восточной группой, намечаемой Комиссией, но отсутствие диссимилятивного аканья не позволяет довести этого сближения до конца. Часть особенностей этого говора, как например *ло*, *ро*, *ў* и *й*, уподобление *j*, отпадение начальных гласных являются общими для украинского и белорусского языков; другие, как аканье, — общими для южновеликорусского и белорусского наречия. Но ни те ни другие не позволяют назвать говор южновеликорусским или украинским, раз в нем нет специфических украинских или южновеликорусских особенностей. Единственное исключение — сохранение звонких — не может быть принято за доказательство украинского происхождения говора: это не больше, как диалектическая особенность белорусского языка, встречающаяся и в других его наречиях, имеющих еще меньше общего с языком украинским.

Другие факты, свидетельствующие об украинском влиянии, вроде нескольких случаев твердости согласных перед *е*, слишком немногочисленны, чтобы быть в этом отношении принятыми в расчет. Наоборот, белорусская основа говора выступает в ряде хотя и ослабленных черт — сохранении аффрикаты *дж*, частичной твердости *ч* и *р*. Это ослабление явилось в результате южновеликорусского влияния, которое привело к полному исчезновению других чисто белорусских черт вроде дзеканья, но оказалось бессильным перед твердым *р* или *дж*. Оно сказывается и на чертах говора, общих с украинским языком: в ослаблении лабиализации *в*, являющемся скорее билабиальным согласным, чем ў; в усилении слоговости *й*. Целый ряд в отдельности

мелких особенностей морфологии и синтаксиса говорит также за белорусскую основу. Все это заставляет считать говор ни в коем случае не украинским, но белорусским по своей основе, с сильными южновеликорусскими наслоениями, и еще раз напоминает, какой сложной проблемой является классификация белорусских говоров, и как неудовлетворительны существующие схемы. Принцип национального разграничения и создание в Белоруссии центра особой культуры, казалось, должны бы были дать толчок интенсивной работе в этом направлении.

В заключение — словарик местных слов.

Аба́бок — гриб-подберезовик, кучка гречихи.
або́сый — босой (человек).
аллянны́й — льняной.
анды́ка — индюк.
амша́ник — гумно.
апри́чь — кроме.
аржаны́й — ржаной.
ариша́ться — лишаться.
атку́ль — откуда.
ато́са — соединение оглобли с повозкой.
атту́ль — оттуда.
ато́ря — мелкий колос.
аўто́рак — вторник.
бага́та — много.
балабо́ны — бубенчики.
батава́ться — возиться.
ба́тька — отец.
ба́чить — видеть.
башла́к — барышник, мошенник.
бе́дать — обедать.
беля́ски — забор.
беля́сый — блондин.
бо́ўтало — палка для пугания рыбы.
брате́нек — двоюродный брат.
бреха́ть — лаять, врать.
бузо́к — сирень, кустарник.
бута́й — бык.
бу́йный — крупный.
буко́нки — ставни.
бу́льба — картошка.
бура́к — свекла.
бы́лля — сухие стебли.
бяре́ма — охапка.
ва́жить — весить.
ветря́к — ветряная мельница.
вида́лка — вилка.
ви́лки — ухват.
витрибе́ньки — прихоть.
во́йстрый — острый.
во́мига — рвотное.
во́уна — шерсть.
во́питный — опытный.

вячёря — ужин.
гальни́к — веник.
гамани́ть — говорить.
га́нки — крыльцо.
гарбу́з — тыква.
гарта́ть — переворачивать.
гарба́ — большая телега.
гаре́лка — водка.
ги́дкий — противный.
глек — кувшин.
го́дя — довольно.
го́лля — прутья.
ў го́ру — кверху.
гре́бля — насыпь у мельницы.
гре́бовать — брезговать.
гру́да — замерзшая земля.
грибы́ — губы.
гру́бка — печка.
гро́ши — деньги.
грюк — грохот.
грюкоте́ть — грохотать.
гука́ть — звать.
гута́ться — качаться.
дво́ру — домой.
де́жка — боченок.
диви́ться — смотреть.
догле́дить — заметить.
дроби́ны — лестница.
дро́бный — мелкий.
дубро́ва — дубовый лес.
ду́ля — груша.
ду́рна — зря, напрасно.
дярю́га — толстое покрывало.
жарто́вать — ухаживать.
жигу́чка — крапива.
жи́то — рожь.
жо́дный — каждый.
журба́ — печаль.
жури́ться — печалиться.
за́блать — нитки для вышиванья.
за́вирта — веревка от оглобли к саням.
за́гвоздка — чека.
закута́ть — запирать.
запо́мнить — забыть.
звон — колокол.
згатава́ть — приготовить.
здева́ть — снимать.
зе́ньки — глаза.
зе́лля — лекарственная трава.
зло́дий — злодей, вор.
злякну́ться — испугаться.
злы́день — нищий.
зноў — снова.
зо́рька — звезда, утро.
зраби́ть — заработать.
игри́ще — гулянье.
имжа́ — мелкий дождь.
и́мпит — поток горячего воздуха.
инба́р — амбар.
каду́к — ругательное слово.
каза́ть — говорить.
ка́йстра — мешочек.
ка́ливка — капелька.
калы́ска — люлька.
каля́ды — рождество.
капли́ца — часовня.

каўза́ться — кататься на коньках.
каўне́рь — воротник.
ка́чки — челюсть.
каша́ра — скотный двор.
кваты́рка — форточка.
квач — помазок.
киёк — кукуруза.
китиня́ты — котята.
кло́пот — пускай.
клы́гать — хромать.
кля́мка — скобка.
кова́ль — кузнец.
кожу́х — тулуп.
коли́сь — когда-то.
ко́ливо — поминальная каша.
ко́ўраты — ворота в плетне.
краве́ц — портной.
кра́ски — цветы.
кра́ли — бусы.
кри́га — льдина.
криса́ла — кремень.
кре́йда — мел.
ку́бел — сундук.
кура́па — лягушка.
куто́к — уголок.
кушне́рь — овчинник.
ла́ты — жерди.
ла́тка — миска.
ў ле́тку — прошлым летом.
ле́тось — прошлый год.
ле́два — едва.
ли — около.
лиментова́ться — суетиться.
лой — внутренний жир.
лы́чик — свиное рыльце.
лю́лька — трубка.
ля́да — раскорчевка.
мазни́ца — кисточка.
манта́шка — дощечка для точки косы.
марге́лка — маленькая шапочка.
мотня́ — суета.
махны́нта — горящая головешка.
махо́тка — горшок.
ма́цать — щупать.
меша́ть — пахать второй раз.
миркова́ть — соображать.
митуси́ться — суетиться.
млево́та — усталость.
молоди́к — новолунье.
мо́рква — морковь.
мост — пол.
муздэ́чка — уздечка.
мя́лля — отбросы от пеньки.
напапу́щ — вроде того, как.
наўда́ку — вряд ли.
не́коли — нет времени.
не́сын — приемный сын.
неспоро́миться — не угнаться.
нима́ — нет.
ниха́й — пускай.
няўжо́ш — неужели.
обли́чча — внешний вид.
обрави́та — прямо.
обро́ть — недоуздок.
общепи́ть — обнять.

оле́й — конопляное масло.
оли́ва — деревянное масло.
осе́ть — место в овине для сушки.
отчини́ть — открывать.
очку́р — пояс.
паду́за — шлея.
пали́ть — жечь.
памы́йница — лоханка.
паня́ть — погонять.
паре́чка — смородина.
па́рнина — смена под пар.
па́сестра — двоюродная сестра.
паско́ння — посконь.
паста́ння — подол.
патру́шены — черствые именины.
пе́вень — петух.
пе́нзель — кисть.
пилнова́ть — стараться.
пискле́нок — цыпленок.
пляхо́тка — тряпка.
пло́йма — много детей.
плысть — плыть.
пове́ть — навес.
полу́дновать — завтракать.
поняде́лак — понедельник.
по́руваться — управляться.
постоя́лка — свежее молоко.
праглыну́ть — проглотить.
пра́ник — валек.
пра́нцы — сифилис.
при́клика — продлог.
притули́ться — прислониться.
прихили́ться — прислониться.
пря́сла — плетень.
пу́га — кнут.
пуко́вый — темнокрасный.
пу́ня — сарайчик.
рахма́ный — тихий.
ро́станьки — перекресток.
ро́згляды — смотрины.
ряту́йте! — караул!
ря́ма — рама.
ру́дый — рыжий.
сакраме́нты — причастие.
ся́н — платье.
свари́ться — ссориться.
сви́тка — куртка.
сало́дкий — сладкий.
сараква́ша — простокваша.
свярбе́ть — чесаться.
си́вый — седой.
скры́ня — сундук.
силяде́ц — селедка.
сма́га — слюна.
смя́ття — сор.
сне́дать — завтракать.
соро́миться — стыдиться.
спакваля́ — не торопясь.
стрева́ть — встречать.
сига́ть — шагать.
сия́ть — черпать.
скля́нния — битое стекло.
стиска́ться — смеркаться.
стукоте́ть — стучать.
су́мный — грустный.
сухове́й — зарница.
сяре́дина — внутренности.

та́йичка — милочка.
телепа́ться — болтаться.
тмя́ный — темный.
ти — разве, ли.
то́рба — мешочек.
трапля́ться — случаться.
тре́ба — нужно.
тро́хи — немного.
труна́ — гроб.
тря́сцы — немного.
тяпло́ — огонь, костер.
тяре́шка — бабочка.
тятю́н — табак.
тятю́ха — лихорадка.
узра́доваться — обрадоваться.
утека́ть — убегать.
ха́пить — довольно.
хапа́ть — хватать.
халя́ва — голенище.
хова́ть — прятать.
хау́ту́ры — похороны.
худо́ба — имущество.
ху́ста — платок.
цаге́льня — кирпичный завод.
цви́нтырь — церковный двор.
цыбу́ля — лук.
цырку́н — кузнечик.
ча́плик — крючок.
чапля́ть — цеплять.
чарво̀ный — красный.
каре́шня — вишня.
чо́вен — челн.
черногу́з — аист.
чипила́ — сковородник.
чо́боты — сапоги.
чукме́нь — бурка.
чуть — слышать.
шану́ючи вас — извините.
шиба́ть — кидать.
шки́рки — шиворот.
шко́да — шалость, вред.
шкура́ття — полотно.
шкра́бать — царапать.
шлях — большая дорога.
шма́ття — лохмотья.
шпак — скворец.
шпа́чча — шантрапа.
шка́редный — скупой.
шука́ть — искать.
щаме́ль — шмель.
щи́тна — плотно.
ю́шка — животный сок.
я́груз — крыжовник.
яе́чко — яйцо.
яе́шня — яичница.
яки́йсь — какой-то.

Свод материалов, собранных Комиссией по Диалектологии Русского Языка.

Серия I-я.

Ответы на краткие Академические програмы по собиранию особенностей русских говоров.

Продолжение.[1]

Черниговская губерния.

Обработал П. А. Расторгуев.

I. Борзенский уезд.

Г. Борзна. Ответ № 200а. 19 I. 1904 г.

1) *о*; 2) *е*; 4) *и*; 6) *у—в*: удова, вмер; 7) ответ («не скажут *г* вроде, как *х*: город, нога, другой, ягода и т. п.») едва ли верен; 8) — *ть* в 3 л. ед. и мн. ч.; 9) твердо: кров, любов, сим; 11) *чы*; 13) со слезамы, с рукавамы; 15) «наша местность населена малоруссами»; 16) *ы*: тыхо, лыхо, господын, сыний, «но не слышно, чтобы *е* звучало как *э*»; 18) *ы*: пып, ныжка, ныс; 19) *и*: дид, дивка, лис, тисто; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, худый, пый, шыя; 22) не дзекают; 23) — *ого*; 24) твердо: цара, гразь, куру, старык, курыця (*ц* мягкое, 10).

Сообщил Г. П. Любименко.

---

[1] См. Труды Моск. Диал. Ком., в. III, стр. 17—47 и 134—153 (Р. Фил. Вестн., т. 67).

С. Кочановка, Парафиевской вол., на границе Полтавской губ. Ответ № 200б. 24 I. 1904 г.

1) *о*; 4) *и*: сниг, лис; 6) *у*: унук, удова; 7) *h*, но в слове «ганки» (крыльцо)—*g* (*г*); 8)—*ть* в 3 л. ед. и мн. ч., а в един. ч., сверх того, и бессуф.—нэсэ, дае; 9) кроў, любоў, сим; 11) *чы*; 15) малоруссы; 16) *ы*, *э*: тыхо, лыхо, тэпэр, бэрэза; 18) *ы*: пып, ныжка, ныс; 19) *и*; 20) удв.; 21) рыю, мыю, худый; 24) цара, куру, но — грязь.

Дополнительные сведения. То же, повидимому, представляют и упоминаемые автором ответа села: Парафиевка, Туркеновка, Гужовка, мест. Ичня и с. Рожновка.

Сообщил Д. А. Кучинский.

2. Глуховский уезд.

Сс. Улановской волости, находящейся в 30 верстах от уездного города: Суходол, Уланов, Ястребщина; д. Коренек; с. Полковничья Слобода и с. Бачевск. Ответ № 206а. 15 I. 1904 г.

1) *а*, кроме Полковничьей Слободы, где — *о*; 2) *я*: сяло́, вясна́, тяпло́, кроме Полковничьей Слободы, где *э*: сэло́, вэсна́, тэпло́; 3) «выда́, ныга́, гылыва́» не говорят, но в слове «вада́» *а* слышно менее ясно и отчетливо, чем в «вады́»; 4) *е*; 6) *у*: удова́, уну́к, умёр; 7) ответ касается судьбы звонких согласных на конце слова. Кроме села Бачевска, *г* на конце слова не переходит в другие звуки; в с. Бачевске, недалеко от границы Орловской губернии, *г* на конце слова слышится, как *х*: друх, рох, сапо́х. 8) — *ть* в 3 л. ед. и мн. числа; 9) твердо: кров, любо́в, сем; 11) *чи*; 13) из рукава́ми, из слеза́ми; 15) смешан.; 16) *ы*, *э* только в Полковничьей Слободе: ты́хо, лы́хо, сы́ний, дэ́рэво, тэпэ́р; 20) удв.; 21) в Полковничьей Слободе: ры́ю, мы́ю, шы́я, худы́й; в других же селах только рыю, мы́ю, но—слепо́й, худо́й, пе́й, шея; 22) дзеканья нет; 23 — *ага* и *о́га*; 24) мягко: царя, грязь, курю, старик.

Примечание. Отмечая отличие в говоре села Полковничьей Слободы, автор ответа указывает на местное предание, по которому население в Полковничьей Слободе пришлое и переведено из Украины помещиком Кулябкой.

Сообщил И. Лукашевич.

М. Воронеж и окрестные села Воронежской вол., в 36 верст. от г. Глухова, при жел.-дор. ст. Терещенская. Ответ № 206б. 29 XII. 1903 г.

1) *о*; 2) больше *и*: сило, висна; 3) *о*; 4) *и*: си́ни, пи́сня, ли́то; 6) *у*: удова, унук; 7) ответ (друг, рог) указывает на сохранение звонких согласных в конце слов; 8)—*ть* в ед. и мн. числе; 9) *ў*: кроў, любоў; 11) чы; 15) малорусы; 16) *ы*, *э*: тыхо, бэрэза; 17) *уо*: пуоп, куонь, суоль; 20) удв.; 21) рыю, мыю, пый; шыя; 22) дзекнаья нет; 23) — *ого*; 24) ҧара, куру, старык.

Сообщил Ив. Бугославский.

3. Городнянский уезд.

М. Новые Боровичи (в 20 верст. от города) и села Старо-Руднянской волости: Петровка (12 в.), Смяч (20 в.), Конотоп (20 в.), Хотуничи (15 в.); дер. Камка той же вол. (15 в.); д. Гвоздиковка (20 в.) и с. Носовка (20 в.) Щимельской вол.; с. Дырчин (25 в.) Тупичевской волости. Ответ № 291а. 30 I. 1904 г.

1) *а*; в с. Конотопе *о*; 2) *я*; 3) *а* слышится одинаково ясно в «вада» и «вады»; 4) в некоторых словах *и*: сини, письня, лито; (ср. отв. на 19 в.); 6) *у* — *в*: унук, удава, вмер, девка «деўка» не говорят); 7) ответ указывает на сохранение звонких согласных в конце слова (друг, рог, сапог); 8) — *ть* в ед. и мн. числе; 9) твердо: кров, любов; 11) *чы*; 15) смеш.; 16) *ы*, *э* слышится только в некоторых селах, как напр., в Гвоздиковке и Носовке. 17) *уо*: куонь, суоль, луожка; 19) *е*: дед, девка, тесто, мера; «замены *е* (ѣ) чрез *и* не замечается»; ср. ответ на 4-й вопрос; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, худый, шыя; 22) дзеканье есть

преимущественно в говоре сел Петровки и Старой Рудни; 23) — *ова*, — *ева*; *ага*, — *óга* «но не произносится горячига»; 24) твердо: цара, гразь, куру, старык.

Словарные особенности. а) Отмеченные во всех названных селах: услон — скамья, нягáдка — утешительно (?!), почекай — обожди, кайстра — платок (?!), баркáн — забор, бáркань — огорожа. б) Замеченные в говоре только некоторых деревень. С. Петровка: се — вот, хай — пусть, ён — он, не чапай — не трогай, восять — овин, нельга — нельзя; с.с. Конотоп, Носовка, дер. Гвоздиковка: кáнтопля — картофель; лашá — лошонок.

Особенности в ударении. М. Новые Боровичи: интéрес—вм. интерéс; с. Конотоп: вóда, до вóды.

Сообщил А. А. Бойко.

М. Новые Боровичи и деревня Старые Боовичи, в 65 верст. от г. Чернигова, в 20 верст. от г. Городни и в 8 верст. от станции Камка Либаво-Роменской жел. дор. Ответ № 291б. 30 I. 1904 г.

1) *а*; 4) *и*: тисто, лито; 6) *у* — *в*: унук, вмер, втопленник; 8) — *ть* в 3 л. ед. ч. у глаголов 2-го спряжения; у глаголов 1-го спряжения 3 л. ед. ч. бессуффиксное: пише, читае; 9) твердо: кров, любов; 11) *чы*, *шы*; 16) *ы*, *э*; 17) под ударением *уо*; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю; 23) — ого; 24) цара, куру (на произношение слова «старик» и подоб. нет указания).

Дополнительные сведения. а) Формы прошедшего времени на *в*: писав; б) *и* вм. *е* в закрытых слогах: шисть, симь, восимь (4 в.); в) в ответе на 14 в., между прочим, говорится, что «все имена прилагательные произносятся с усеченным окончанием». Автор ответа, должно быть, имел в виду такие формы им. п. ед. ч. муж. рода, как злы, сини, вм. злый, синий.

Коренные жители в м. Новые Боровичи и дер. Старые Боровичи — украинцы, а пришлые — белорусы.

Сообщил Н. Прожига.

4. Козелецкий уезд.

С. Данёвка, в 8 верст. от г. Козельска, в 20 верст. от ст. Бобровица Моск. Киево-Воронежск. жел. дор. Ответ № 201а. 7 I. 1904 г.

1) *о*; 2) *э*; 4) *и*; 6) *у—в*: удова́, уну́к, у́зяв, вмер, втопы́вся; 7) ответ указывает на сохранение звонких согласных в конце слов; 8) — *ть* в ед. и мн. числе, а в единств. числе и бессуффиксн. 9) Ответ («нет») не определяет произношения; 11) ответ дан не на вопрос; только пример *жыд* указывает на твердость шипящих; 15) малорусы; 16) *ы*, *э*; 19) *и;* 20) удв.; 21) *ы*: ры́ю, мы́ю; слипы́, пый, шы́я; 22) дзеканья нет; 23) ответ «нет» не определяет произношения; 24) твердо — цара, куру, румка, старык.

Дополнительные сведения. а) Приставочное *в*: вулыця (6); б) мягкость *ц*: сыныця, лысыця, граныця, молодыця (24).

Сообщила М. Краснопольская.

С. Белоцерковцы. Ответ № 201б. 20 I. 1904 г.

Сведения даны в виде краткой характеристики говора; из них извлечены ответы на след. вопросы программы: 8) — *ть* в ед. и мн. ч., а в ед. ч., кроме того, и бессуффиксн.; 11) шипящие тверды; 16) *ы*, *э*: зыма, сыла, бэрэза, зэрно; 17) *уи*: вуил, двуир, вуиз, куинь; 19) *и*: мисто, сино, сини; 20) удв.; 21) *ы*; 24) крык, звир.

Дополнительные сведения. а) Переход *е* в *о* после шипящих пред старыми твердыми согласными—чоловик; б) *х* вм. *ф*—Хома; в) переход *л* в *в*: зайшов, найшов.

Словарные особенности.

Ага-бак — да!
Балакать — говорить.
Блукать — ходить без цели.
Быда—тележка на 2-х колёсах.
Ворочок — маленький мешок.
Выттиля — оттуда.
Гукать — звать.
Дывиться — смотреть.

Зроблю — сделаю.
Каганец — светильник.
Колы — когда.

Колыб — если бы.
Колер — цвет.
Край — около.
Майбуть — должно быть.
Мовляв — как говорил тот.
Морда — физиономия.
Моторошно — дурно.
Не здужаю — болею.
Не-наче — как будто.
Нехай — пусть.
Озде — на этом месте.
Осёсё — вот здесь.
Оце — вот.
Поганый — некрасивый.
Пляшка — бутылка.
Пуга — кнут.
Пыка см. морда.
Саквы — мешок с отверстием посредине.
Скру͡изь — везде.
Треба — нужно.
Тягты — тянуть.
Фороба — болезнь.
Холява — голенище.
Чарка — рюмка.
Чоботы — сапоги.
Чы — ли.
Щоб — чтобы, чтоб.
Щыро — страстно.
Эге — да, верно.
Якбы см. колыб.
Якы — какой.
Якраз — точно, как раз.

Сообщил И. Яновский.

М. Новая Басань в 25 верстах от ст. Бобровица Киево-Воронежск. ж. д. Ответ № 210. 29 I. 1904 г.

1) *о*; 2) *э*; 4) *и*; 6) *у—в*; 7) ответ указывает на сохранение звонких согласных на конце слов; 8) — *тъ* в 3 л. ед. и мн. ч., а в ед. числе и бессуффиксн.; 9) твердо—кров, любов; 11) *чы;* 13) з слёза́мы, з рукавамы, пуд ногамы; 15) население малорусское, но есть и великорусы-раскольники из северных уездов Черниговской губ.; 16) *ы*, *э*: тыхо, лыхо, тэпэр, бэрэза; 17) *уы*, *ы*, *уэ*, *у*: куынь, кынь, куэнь, кунь, пуып, пып, пуэп, пуп; 19) *и*; 20) удв.; 21) *ы*; 23) — *ого*; 24) куру, старык, цара и царя, но грязь; в ответе на 10 воп. приведены примеры — цар, курыця.

Сообщил С. Федорченко.

5. Конотопский уезд.

Г. Конотоп. Ответ № 296а. 30 I. 1904 г.

Сведения даны в виде краткой характеристики говора; из них извлечены ответы на следующие вопросы программы: 4) *и*; 6) *у—в*: унук, удова, вмер, диўка; 8) —*ть* в 3 л. ед. и мн. ч., а в ед. числе и бессуф.; 9) *ў:* кроў, любоў; 15) малоруссы; 16) *ы*, *э*; 17) *у* или *уо*: пуп, куонь, суоль, «хотя иногда говорят и пип, нис (нос), кинь (конь), силь»; 19) *и*; 20) удв.; 21) *ы*: шыя, пый, худый; 24) твердо: цара, куру, грязь, старык.

Дополнительные сведения. а) Форма зват. пад. ед. ч. дядю, тётю.

Автор сообщения отмечает, что сведения о говоре даны на основании наблюдений и над говором жителей сел, ближайших к г. Конотопу: Сосновки, Шаповаловки, Подлипного, Поповки, Гиревки и пограничных с Путивльским уездом Курской губернии—Жолдаков, Сахнов, Хижков и мелких хуторов.

Сообщил А. Г. Кияницын.

Д. Фесевка. Ответ № 296б. 30 I. 1904 г.

Характер сообщения однороден с предыдущим. 4) *и*; 6) *у—в*: удова, унук, вмер, усэ; узяв; 8) —*ть* в 3 л. ед. и мн. ч., при чем в ед. ч. преимущественно бессуф.: рвэ, косэ, ходэ, нэсэ; 11) *чы:* чын, чысто; 14) до горы, до воды; 15) малоруссы; 16) *и*, *э:* пип, ниж, вил, нис, нижка, пич, вэлыкый; 19) *и:* вира, сино, дид; 20) удв.; 21) *ы:* рыю, мыю, худы(й), пы(й), шыя; 24) мягкое произношение редко заменяется твердым; встречается двоякое произношение: цара и царя, куру и курю, гразь и грязь, но старык (твердо); в другом месте ответа встречается пример пысар.

Дополнительные сведения. В закрытых слогах *о* заменяется чрез *у* и *уо* всегда в Батуринской волости и отчасти в Краснянской: пуп, кунь, куонь, суль, суоль, вуз, вуоз, вул, вуол; в с Городище Батуринской волости в подобных условиях *э*: кэнь,

рэв, нэс, вэл, вэжки, скэлько (конь, ров, нос, вол, вожки, сколько).

Автор ответа сообщает, что сведения о говоре даны на основании «выговоров» по всему Конотопскому уезду.

Неясно однако следующее место в ответе: «надо заметить, что выговор в местности Кошарской, Красно-Колядинской, Бахмачской, Голенской, Дмитровской и Гайворонской одинаков почти в всех селах и разнится только твердым и мягким выговором *и*».

Сообщил Г. К. Сущенко.

6. Кролевецкий уезд.

Г. Кролевец и ближайшие к нему села. Ответ № 205 а 28 I. 1904 г.

1) Более на *о*, чем на *а*; 2) *э*; 4) *и*; си́ни, ли́то; 6) *у*; удова, унук. Особенности, указанные в вопросах 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 22, 23, и 24, по замечанию автора ответа, несвойственны говору. Такой ответ может касаться только вв. 10, 11, 12, 13, 14, 22 и 24 и совершенно не определяет одного из свойственных говору произношений, которые указаны в 8 и 9 вопр. Отрицательный ответ на 7 в. может указывать на сохранение звонких согласных в конце слов. 15) Г. Кролевец и ближайшие к нему села населены преимущественно малорусами. Белорусские деревни находятся на северной окраине Кролевецкого уезда, на правом берегу р. Десны. Выговор жителей правого берега реки Десны вообще отличается от выговора левобережных жителей. На правом берегу говорят на *а*, на левом на *о*». 16) *ы*; *э*. 18) иногда *ы*: пып, пыжка, ныс; 19) *и*; 20) удв.; 21) *ы*; рыю, мыю, шыя, пый; 22) дзеканья нет; 24) мягко.

Сообщил Е. Стратонович.

Зашт. г. Короп, в 30 в. от г. Кролевца и в 20 верст. от ст. Алтыновки Моск.-Киево-Воронежск. ж. д. Ответ № 206 б. 28 I. 1904 г.

1) Ответ на 1, 2 и 3 вв. («Выговоры, упоминаемые в 1, 2 и 3 пунктах программы не употребляются в г. Коропе и его окрестностях») не дает указаний на наличность или отсутствие в говоре аканья. 4) *и*; 6) *у*; на 7, 8 и 9 вв. дан такой же ответ, как на 1, 2 и 3 вв.; 11) *чы*; 15) как в Коропе, так и в его окрестностях население малорусское; 16) *ы*, *э*; 17) *у*: пуп, кунь, суль; 19) *и*; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, худый. На 22, 23 и 24 вв. дан такой же ответ, как на 1, 2 и 3 вопросы.

Сообщила Е. Рахинская.

7. Мглинский уезд.

С. Осколково, Шуморовской волости. Ответ № 295 а. 31 I. 1904 г.

1) *а*; 2) *я*; вясна, сяло, тяпло; 3) ясно *а*; вада, нага, галава; 4) *е*; 6) *у—в*: унук, вмёр; 7) друх, рох, сапох; 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч.; 9) твердо: кров, любов (*ў ? П. А. Р.*), сем; 11) *чы*; 20) удв.; 21) рыю, мыю, худый; 22) дзеканья нет; 23) *-ага*, *-óга*; 24) мягко *-ря*, *-рю*; на произношение «старик» или «старык» в ответе нет указаний.

Дополнительные сведения. Как на особенность говора, автор ответа указывает на произношение «вечка», вместо «овечка», «дин», вм. «один», «бедать» вм. «обедать»; с другой стороны, в числе примеров имеется «аббсый». (1).

Словарные особенности. Бульба — картофель, лазня — баня, панчехи — чулки; цвинтарь — церковная ограда.

Сообщила М. Никитская.

С. Молодьково, Шуморовской вол., в 17 вер. от г. Мглина и в 12 вер. от волости (Шуморово). Ответ № 295 б. 31 I. 1904 г.

1) *а*; 6) *у — в*: унук, вмёр; 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч.; 11) *чы*; после шипящих *ы*; 21) *ы*.

Дополнительные сведения. В ответе на 11 вопрос есть указание на произношение *и* вм. *ы*: «после других согласных, вместо *ы*, говорят *и*, напр. открить (открыть), слишен (слышен), солнишко (солнышко) и т. д.»; в ответе на 2 вопрос приведены формы: ёсть, ён (он).

Сообщил Д. Хандажинский.

8. Нежинский уезд.

М. Носовка, в 20 верстах от г. Нежина. Ответ № 207 а. 10 I. 1904 г.

1) *о*; 2) *э*; 6) *у—в*: удова, унук, вмер, вже; 7) ответ (друг, рог) указывает на сохранение звонких согласных в конце слова; 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч.; 9) кров, любов; 11) после шипящих *ы*: чын, чысто, жыто; 15) малорусы; 16) *ы*, *э*; 18) *и*: дим, пип; нижка; нис; 19) *и*; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, худый, выю, шыя; 24) твердо: цара, грязь, куру, старык.

Сообщил Д. Стишковский.

С. Володьково-Девица, в 14 вер. от г. Нежина и в 15 вер. от м. Носовки. Ответ № 207 б. 10 I. 1904 г.

1) *о*; 2) *э*; 4) *и*; 6) *у — в*: удова́, уну́к, вмер, вмываться; 7) ответ («звук *г* произносится вполне ясно») указывает, пожалуй, на сохранение звонких согласных в конце слова; 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч.; 9) *ў*: кроў, любоў; 11) *чы*; 15) малорусы; 16) *ы*,*э*: ты́хо, лы́хо, господы́н, тэпэ́р, дэрэво, бэрэза; 18) *и*: пип, нижка, нис; 19) *и*: дид, лис, мира; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, худый, пый, шыя; 23) *-ого* 24) мягко; указания на произнош. «старик» и подобн. ему нет.

Такими чертами, по замечанию автора ответа, характеризуется и говор соседних сел, а также и г. Нежина с тем лишь отличием, что в говоре мещан г. Нежина отмечаются еще след. особенности: а) *ч* вм. *ц* и обратно: чарь, курича (10 в.); б) *ж* вм. *з*: жамок, жемля; в) *ш* вм. *с*: шкажать, прошыть, (просить).

Сообщил П. Мохир.

9. Новгород.-Северский уезд.

С. Старая Гута, Протопоповской вол., в 50 вер. от г. Новгород-Северска, в 20 вер. от жел.-дорожной станции Середина Буда и в 5 вер. от границы Орловской губернии. Ответ № 199. 10 I. 1904 г.

Сообщение дано не в форме ответов на вопросы программы, а в виде краткой характеристики говора; из него извлечены ответы на следующие вопросы. 4) *э*: хлэб; 8) 3 л. ед. ч. бессуффиксное: тэрпэ, идэ, нэсе; 16) *ы,э*: иды, ходы, тыхо, сыний, бэрэза, тэпэрь, тэ, цэ, сэ (то, это).

То же в Новой Гуте и дер. Васильевке.

Дополнительные сведения. а) Произношение: пчели, лико, воли, столи; б) формы 2 л. мн. ч. повелит. накл. идэть, ходэть (идите, ходите); в) приставочный звук *в*: вокно, возэро, вулэй.

Сообщил Е. Недбай.

С. Фаевка, Фаевской вол. Ответ № 202. 26 I. 1904 г.

1) *о/а*; 4) *и*; 6) *у-в*: укусный, вмер, втопленник; вместо *в* не говорят *ў* ни в Фаевке ни в соседних селах; 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч.; 11) *чы*; 15) смесь «литвинов» с малорусами; 16) *ы, э*; 20) ответ («удваивается согласная, напр. платток, ччай — платок, чай») дан не на вопрос программы; 21) *ы*: злый, глухый.

Дополнительные сведения. В ответе на 3 вопрос автор сообщения отмечает, что в говоре нет особенностей, указанных в 3, 5, 7, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 22, 23, 24 вопросах программы. В ответе на 2 вопрос автор ответа отмечает, что в с. Форостовичах, в 12 вер. от Фаевки, Рыковской вол., слышится *я* на месте неуд. *е*: сягодня, ляжу.

Сообщила Т. Максимович.

С. Жадово в 43 вер. от города Новгород-Северска. Ответ № 204. 5 II. 1904 г.

1) *а*; 2) *э*: сэло, вэсна; 3) *а* одинаково ясно в «вада́» и «вады́»; 4) *ие* (*ье*) обозначается в ответе буквой *ѣ*; 6) *у*: унук,

усе (всё), усегда, умэр; 7) «звук *г* всегда произносится, как немецкое *h*, но никогда, как *x* и *g*; 8) -*ть* в 3 л. ед. и мн. ч., а в ед. числе, кроме того, и бессуффиксн.; 9) твердо: кров, любов; 11) *чы*; 13) пз слезами, з рукавами, з мэшками; 16) *ы* (звук средний, по замечанию автора ответа, между великорусск. *ы* и *и*), *э*; 17) *уо*: пуоп, куонь, вуоз, вуол, суоль; 19) *ие* (*ѣе*); 20) удв.: свинння, суддя, но тряпье; 21) *ы*: рыю, мыю, худы́, малады́, пи (пей), шыя, шый (шей), лый (лей); 22) дзеканья нет; 23) -*ого*; 24) куру, старык.

Дополнительные сведения. а) *и* и *ы* часто смешиваются: крык, крить, мить, сыто и т. д.; б) формы местоим. 3 л.: йон, ена, ено; в) формы 1 л. мн. ч. глаголов на -*мо*; г) формы род. п. ед. ч. землѣ́, пашнѣ́; таковы же и формы имен. мн. твaѣ, ключѣ́; д) смягчение задненебных в формах соответствующих падежей; е) в ответе на 5 вопрос приведены, между прочим, след. примеры: мьяч, пьять, пьяльцы; ж) в ответах на 6 и 11 вв. есть примеры — пашов, мавчы; з) предлог пуд (ср. 17 в.); пуд снѣгом, пуд ногами.

Сообщил А. Месяц.

С. Ображеевка в 12 вер. от г. Новгород-Северска, в 6 вер. от ж.-дорожной ст. Шостка. Ответ № 293. 5 II. 1904 г.

1) *о*; 2) *э*; 4) *е*; 6) *у-в*; 7) ответ (город, нога, ягода) не определяет звука *г* и не дает указаний на судьбу звонких согласных в конце слов, как это было в других ответах по Черниговской губ.; 8) -*ть* в 3 л. ед. и мн. ч.; 9) твердо; кров, любов; 11) *чы*; 16) *ы*,*э*; 17) *о*; 19) *е*; 21) *ы*: рыю, мыю, худый; 22) дзеканья нет; 24) твердо: цара, гразь, куру, старык.

Сообщил Ив. Тарасевич.

10. Новозыбковский уезд.

Сс. Туросна, Смотрова-Буда; Кневичи и соседние села на расстоянии от 3 до 12 вер. от посада Клинцы Суражского уезда. Ответ № 203. 25 I. 1904 г.

1) *а*; 2) *я*: сяло́, весна́, тяпло́: 3) Ответ отмечает произношение со звуком *а*; вторая же часть ответа: «но иногда в словах с сомнительными гласными *а* после *в* произносится не ясно», не указывает — произносится ли неуд. *а* в «*вада*» менее ясно, чем в слове «вады»; 4) *е* (*ѣ*); 6) *у*; 7) Ответ (друг, рог, сапог) указывает на сохранение звонких согласных в конце слов; 8) -*тъ* в 3 л. ед. и мн. ч.; 9) твердо: кров, любов, (*ў? П. А. Р.*) сем; 11) *чы*: чын, чыста, мавчы; 13) из слязамы, з рукавамы; 15) жители «на половину литвины и белорусы»; 19) *е*; 20) удв; 21) *ы*: рыю, мыю, слепы́, худы́, шыя; 22) дзеканья нет. 24) царя, грязь, курю, но стары́к.

Дополнительные сведения. В ответе на 11 в. пример «мавчы» указывает на переход в известных условиях *л* в *в* (*ў? П. А. Р.*).

Сообщил Г. Бондаренко.

11. Остерский уезд.

С. Крехаев в 16 вер. от г. Остра и в 25 вер. от ст. Бобрик Моск.-Киево-Воронежск. жел. дор. Ответ № 208 а. 24 XII. 1903 г.

1) *о*; 2) *э*; 3) *о*; 4) *и*; 6) *у-в*: удова́, уну́к, дивка, вмер; 7) ответ («Ни в моем, ни в соседних селах *г* не переходит ни в *х* и в *к*») указывает на сохранение звонких согласных в конце слов; 8) -*тъ* в 3 л. ед. и мн. числа; 9) твердо — кров, любов, сим; 11) шипящие тверды: чы́сто, жы́то, щыпа́ть; 15) малорусы; 16) *ы*, *э*; 17) *уи*: пуип, куинь, суиль, нуижка; 19) *и*; 20) удв.; 21) *ы*: ры́ю, мы́ю, худы́й, пы́й (пей), шы́я (шея); 23) -*ого* и -*ёго*; доброго, синёго, сусиднёго; 24) твердо: цара́, куру́, стары́к, но грязь.

Все эти черты, кроме указанных в §§ 1 и 3, характеризуют и говор соседних сел: Евминки (12 вер. от г. Остра и 25 вер. от жел.-дор. ст. Бобрик), Сувида (13 в. от г. Остра и 30 вер. от той же станции) и деревни Боденьки (14 вер. от г. Остра и 25 вер. от той же станции); отличие только в §§ 1 и 3. Назван-

ные села имеют *а* (§ 1): вада́, хадить, саки́ра; § 3 — также *а*. Из приведенного однако автором ответа разговора крестьян из д. Боденьки (в 6 вер. от Крехаева) видно, что аканье в дер. Боденьки не вполне выдержано, напр.: валы́, пaи́в, павтары́ ($1^1/_2$), чаты́ры, но — дои́дем, отэ́ць, одыя́кон (дьякон). В сообщении также указывается, что речь жителей Остерского уезда очень разнообразна; на границе Полтавской губ. больше украинских черт, чем в части уезда, прилегающей к Киевской и в особенности к Минской губернии.

Сообщил Гр. Михайловский.

М. Гоголев в 14 вер. от жел.-дор. станции Бровары, с. Требухов, Гоголевской вол., в 7 вер. от той же станции и с. Княжичи, Броварской вол., в 7 вер. от той же станции. Ответ № 208 б. 14 I. 1904 г.

1) *о*; 4) *и*; 6) *у*; 8) *-ть* в ед. ч. 2 спряж. и 3 л. мн. ч.; в ед. ч. 1 спряж. преимущественно бессуффиксн.; 11) *чы*; 16) *ы*, *э*; 17) *уи*: пуип, вуил, суиль; 19) *и*; 20. удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, пы, лы (пей, лей); 24) твердо — цара, куру, косара.

Дополнительные сведения. а) *дж*: ходжу, суджу (с. Княжичи); б) переход *л* в *в* в известных условиях: мовчы, сив, косыв; в) формы им. п. ед. ч. прилагательных: кра́сны, кра́сна, кра́снэ, худы́, худа́, худэ́ (красный, -ая, -ое, худый -ая, -ое); г) отвердение *л* в середине слов: силно, началство.

Словарные особенности: гузик — пуговица, далэ — потом, дзвин — колокол, каламарчык — бутылочка для лекарства, перше — прежде, пляшка — бутылка, пу́чки — пальцы; стёнжка — лента; цвяшки — небольшие гвозди, хиба — разве.

Сообщила О. Тоцкая.

12. Сосницкий уезд.

С. Загребелье в $1^1/_2$ вер. от г. Сосницы. Ответ № 211 а. 24 I. 1904 г.

1) *о*; 2) *э*: сэло, тэпло; 4) см. 19 в.; 6. *у*; 7) ответ (друг, рог) указывает на сохранение звонких согласных в конце слов;

8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. числа; 9) кров, любов; 11) *чи*: чин, мовчи, чисто (ср. другие ответы из Черниговской губ. на этот вопрос); 13) пуд ногами; 15) малорусы; 16) *ы*, *э*; 17) *о*; 19) дѣд, дьйвка, дьйвчата, лѣс, тьѣсто, мьѣра; 20) удв.; 21) рыю, мыйю; 24) грязь, царя, курю, — но курица (10), старык, цар, чотыры.

Сообщили В. Базелевич и Гр. Величковский.

М. Новые-Млины, Шабалиновской вол., в 20 вер. от г. Сосницы и в 10 вер. от ст. Дочь Либаво-Роменской жел. дор. (в юго-восточной части Сосницкого уезда). Ответ № 211 б. 31 XII. 1903 г.

1) *о*; 2) *э*; 4) *іе*; 6) *у*; 7) сообщение (город, нога) не дает ответа на вопрос программы; 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч., а в ед. числе, сверх того, и бессуф.; 9) твердо: кров, любо́в; 11) *чы*: чын, мовчы́; 13) «окончание *-ми* везде выговаривается как *-мы*»; 15) малорусы; 16) *ы*, *э*; 17) *уо*: пуоп, куонь; 19) *іе*: діед, ліес; 20) удв.; 21) *ы*: ры́ю, мы́ю, пый; 23) *-ого*; 24) твердо: цара́, куру́, стары́к.

Сообщил И. Степаненко.

М. Стольное, Волосковецкой вол., в 45 вер. от г. Сосницы и в 27 вер. от ст. Мена Либаво-Роменск. жел.-дор. (юго-западная часть Сосницкого уезда).

Отличается от говора м. Новые Млины только в следующих пунктах: 1) *а*; 3) *а*: вада́, нага́; 23) *-ага*.

Сообщил И. Степаненко.

Д. Гута Студенецкая, Охрамеевичской вол., в 65 вер. от г. Сосницы (в северно-западной части уезда). Ответ № 211 в. 4 I. 1904 г.

1) *а* вада́, хадить 2) *э*; 3) *а*: вада́, нага́; 4) *е*; 6) *у*; 7) сообщение (горад, нага) не дает ответа на вопрос программы; 8) *-ть* в 3 л. ед. ч. у глаголов 1 спряжения и бессуф. у глаголов 2 спряж: мало́те, про́се, ву́че, ко́се; 9) кров, любов;

11) *чы*: чын, мавчы́; 13) «окончание *-ми* произносится *-мы*». 16) *ы*, *э*; 17) *уо*; 19) *е*; 20) удв.; 21) *ы*; ры́ю, мы́ю, пый, шы́я; 22) дзеканья нет; 23) *-ага*; 24) мягко.

Сообщил Ив. Сиворакша.

С. Киреевка, Волынкской вол., в 9 вер. от г. Сосницы (в юго-восточной части Сосницкого уезда).

Отличается от говора д. Гуты Студенецкой лишь в следующих пунктах: 1) *о*: вода́, ходить; 8) 3 л. ед. ч. у глаголов 1 спряж. бессуф., а во 2 спряж. с *-ть*; 23) *-ого*.

Дополнительные сведения. а) формы им. пад. мн. ч. средн. рода на *а*: воро́та, порося́та, курча́та, а в дер. Гута Студ. на *ы* — варо́ты, курча́ты, б) им. п. мн. ч. имен прилаг. на *ы*: чо́рны, ско́ры, а в Гуте Студ. — чо́рные, ско́рые; в) приставочно *в* в говоре д. Гуты Студ.: вакно́, ву́тки при отсутствии его в с. Киреевке (окно, утки).

Словарные особенности. Клу́ня в с. Киреевке и гумно́ в д. Гута Студ., очере́муха (черемуха) в с. Киреевке и калакалу́ша в д. Гута Студ., то́рба (сумка) в с. Киреевке и ка́йстра в д. Гута Студ., торубк (в прошлом году) в с. Киреевке и ле́тось в д. Гута Студ.

Сообщил Ив. Сиворакша.

13. Стародубский уезд.

С. Нижнее в 17 вер. от Стародуба. Ответ № 209 а. 2 I. 1904 г.

1) *а*; 2) сяло, тяпло; 3) «выда, ныга» не говорят, но в слове «вада́» *а* менее ясно, чем в «вады»; 6) *у-в*: удава, унук, вмер; 7) ответ («не произносят») указывает на сохранение звонких согласных в конце слова; 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч.; 9) *ў*: кроў, любоў; 10) «произносят неясно»; 11) нет; 12) Ванькя, помаленькю; 13) со слезам, с рукавам; 20) удв.; 21) рыю, мыю;

22) дзеканья нет; 23) ответ «нет» неясен и не дает указания на произношение; 24) мягко.

Примечание. Ответы на вопросы 10, 11 и 12 сомнительны (*П. А. Р.*).

Сообщил И. Рублевский.

С. Березовка в 50 вер. от г. Стародуба, в 25 вер. от станции Жудилово Полес. жел. дор. Ответ № 209 б. 30 I. 1904 г.

1) *а*; 2) *я*: сяло, вясна, тябе, тяпло; 3) «нет»; 6) «нет»; 7) ответ «нет» указывает на сохранение звонких согласных в конце слов; 8) в ед. числе 3 л. бессуф.: ходя, дае, нясе; 9) ответ «нет» не указывает на произношение; 11) *чы*; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, худый; 22) дзеканья нет; 23) ответ «нет» не дает указаний на произношение; 24) мягко.

Примечание. Ответ на 6 вопрос сомнителен (*П. А. Р.*).

Сообщил И. Кибальчик.

14. Суражский уезд.

С. Козаричи, Гордеевской вол. и д. Стодола Голубовской вол. Ответ № 292 а. 16 I. 1904 г.

1) *а*; 2) *я*: сяло, вяди, няси, вясло, яго, бяреза, висна; 3) «все жители вышеупомянутых мест раз будут говорить ныга, гылыва, дыска, а в другой в том же случае скажут: нага, галава, даска»; в ответах на другие вопросы программы автором ответа приведены следующие примеры: ны ваде, ны траве, пыпраси, добрыга, гырячыга и др.; 4) ответ (бида, звизда, прыижжай) дает указания на характер яканья (см. 19 в.); 6) *у*: усё, узяв, удыва, унук; примеры на *в* вм. *у* (вучитель, вученик) не верны и дают указание только на приставочное *в*; 7) «в окончании некоторых слов *г* произносится не совсем ясно, в роде *х*» (Питянбурх, друх); 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. ч. а в ед. числе и бессуффиксн.; 9) твердо: кров, любов (*ў ? П. А. Р.*), сем; 11) *чы*; 15) белоруссы; 19) *е*; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, крыю, сляпый, пи (пей), ли (лей), шыя (шея); 22) «почти не дзекают»; 23) *-ыга*, *-ога*:

добрыга, гырячыга, сляпóга. 24) *ря, рю*: царь, грязь, курю, но старык, тры, чатыры. В ответе на другие вопросы программы встречаются, между прочим, след. примеры: бяры, прынясом, прыдом (придём), скарэй.

Кроме этих черт, говор характеризует еще следующие: а) приставочное *в* (см. 6 в.); б) переход *л* в *в* (*в ў ? П. А. Р.*) в известных условиях: мавчы, узяв; в) смягчение задненебных: на назе, ны ряце, ны пясце, ны парози; г) характерный предлог: пувз ряки, повз гумна (около гумна).

Автору ответа хорошо также известен говор дер. Титовки, Надейковичской вол., Климовичского уезда, Могилевской губ. (здесь он родился и прожил около 20 лет); этот говор отличается от говора с. Козарич и д. Стодолы только дзеканьем и мягким *р* (вв. 4 и 24).

В ответе на 2 вопрос программы есть указание на характер яканья в п. Клинцах, Суражск. уезда, Черниговск. губ. — бireза, чисы, Ифимовна, приниси.

Сообщил Н. Кошнеров.

Сс. Неглюбка, Яловка, Увелье, Верещаки, Кожаны Верещакской вол., 40 вер. от жел.-дор. станции Новозыбков. Ответ № 292 б. 30 I. 1904 г.

1) *а*; 2) *я*; сяло, вясна, тялушка; 3) *а* одинаково ясно; 6) *у*; 7) ответ не определяет звука *г*, но указывает на сохранение звонких согласных в конце слов (рог, сапог); 8) *-ть* в 3 л. мн. числа; в ед. числе бессуф.: ходя, гаворя, нясе, дае; 9) *ў*; 11) *чы*; 13) со слезамы, с рукавамы, пад нагамы; 20) удв.; 21) рыю, мыю, шыю, пи (пей), шыя (шея); 22, дзеканья нет; 24) мягко.

Примечание. Автор сообщения отмечает, что в соседней дер. Колобовке, Гомельского уезда, Могилевской губ., находящейся в 3 вер., дзекают и произносят *р* твердо: цара, гразь, куру, гора (горе).

Сообщил П. Сковпешкин.

15. Черниговский уезд.

С. Мохнатин в 20 вер. от г. Чернигова. Ответ № 294 а. 5 II. 1904 г.

1) *о*; 2) *э*; 4) *и* и *э*: писня, лито, спивать, сэни, змэрить; 6) *у-в*: удова, унук, вмер; 7) сообщение «другий» не дает ответа на вопрос программы; 8) *-ть* в 3 л. ед. и мн. числа, а в ед. числе и бессуф.; 9) любо́ў, сим; 11) *чы*; 13) з рукавами; 14) до горы; 16) *ы*, *э*; 18) *о*; 19) *и* и *э*: дид, диўка, лэс, мэра; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, шыя, худы́й; 22) зеканья нет; 24) твердо: цара, цар, гразь, куру́, стары́й.

Дополнительные сведения. Примеры — ходыв, вовк, довгий указывают на переход в известных условиях *л* в *в* (*ў ? П. А. Р.*).

Словарные особенности. Бульба — картофель, е — есть, кожух — полушубок, зач*а*пить, — зацепить, клуня — гумно, рыга, лягай — ложись, нарытники — шлея, не ч*а*пай — не трогай, обцуги — клещи, осеть — овин, услон — скамейка, х*а*вать — хоронить, холявки — голенища, цыбуля — лук, челядь — прислуга, череда — стадо, чоботы — сапоги, що — что.

Сообщили Ф. Азбукин и А. Гоголевский.

С. Жуково, Салтыково-Девицкой вол., в 37 вер. от г. Чернигова и в 5 вер. от жел.-дор. станции Дроздовка. Ответ № 294 б. 5 II. 1904 г.

1) *о*; 2) *э*; 4) *е*; 6) *у-в*; удова, унук, вмер; 7) ответ (друг, рог, сапог) указывает на сохранение звонких согласных в конце слова; 8) *-т* твердое в ед. и мн. числе; 9) твердо: кров, любов; 11) *чы*: 16) *ы*, *э*; 17) *о*: поп, конь; 19) *е*; 20) удв.; 21) *ы*: рыю, мыю, слепый, худый, пы (пей), шыя (шея); 24) твердое произношение встречается рядом с мягким: цара́ и царя́, гразь и грязь, куру и курю, старык и старик.

Сообщил Ив. Кромов.

